

СМЕНА 20

ОКТАБРЬ '87

С днем рождения, комсомол!

Уроки революции. Целеустремленность

НТТМ-87. Проблемы внедрения

Стюардесса. Рассказ

Наше здоровье и НТР

Не все средства хороши. Мораль и мы

Современник-2. Начало или продолжение?

Непримиримость. Роман Ю. Семенова

Фото Владимир Чернышев

Андрей ЮРЬЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Д унул ветер, под ногим мне бухнулось яблоко и покатилося по асфальту. Светит солнце, люди смеются, толкаются, поругиваются, влезая в троллейбусы, длинной очередью стоят за мороженым. А меня почему-то раздражает суета. Хотя нет, не почему-то. В душе еще остается напряжение и какая-то жесткая сосредоточенность, когда хочется молчать, когда громкий возглас кажется неуместным, когда хочется пристально взглянуть в лицо проходящего мимо человека, когда город словно отступает от тебя на шаг и ты идешь рядом с ним, как вдоль реки, стремительно бегущей где-то рядом.

Я только что посмотрел фильм. Короткий документальный фильм, снятый украинскими кинематографистами. Двадцать минут экранного времени. Рассказ о молодом гвардии старшем лейтенанте, который служил в Афганистане. Служил хорошо — два ордена Красной Звезды тому свидетельство. Но вот так случилось, что БТР старшего лейтенанта подорвался на mine. Из госпиталя парень выписался без ног. Но не сдался. Заставил себя не сдаться. Пошел работать в горком комсомола и стал первым секретарем горкома. Парня зовут Сергей...

Я иду по городу, и снова в память врывается его лицо из фильма и очень спокойный взгляд. В фильме часто и крупно показывали эти глаза, а перед этими глазами крутилась жизнь: молодежь, танцующая в баре, ребята, которые вспоминали, как было «там», отец Сергея, его мать, жена, только что родившийся сынишка, беззащитно и широко взираю-

щий на мир... И было в этих глазах, даже когда они улыбались, нечто такое, что западает в душу и тревожит ее, что, раз мелькнув, оседает в памяти и срывается с ней навсегда. Там, в этом взгляде, не было тоски или упрека, там было сдержанное упрямство человека, который смог однажды преодолеть себя и посмотреть на жизнь, как на вечное преодоление преград или как бы с высоты птичьего полета, упрямство человека, который однажды, но уже навсегда решил для себя все, который понял то, что дано понять только ему одному. Такой взгляд не дается человеку от рождения. Таким его делает жизнь. Но для этого жизнь должна сложиться по-особому.

В конце фильма парень говорит несколько фраз: «Я не считаю это особым мужеством. Нельзя сдаваться. Надо в свои силы верить. Марку держать надо». Зовут парня Сергей. Фамилия Червонопиский. Сейчас он первый секретарь горкома комсомола в Черкассах. А теперь сначала...

Иду в горком комсомола, чтобы еще раз увидеться с Сергеем. При первой встрече разговор у нас как-то не клеился. Битый час просидел у него в кабинете, пытаюсь прорваться через его «зачем» — «Зачем обо мне писать?». Он не кокетничал. О себе почти не говорил, ограничиваясь скудными, короткими фразами типа «хотел быть только военным и стал им», «закончил Минское суворовское училище, потом — Рязанское высшее воздушно-десантное...», «если бы не случилось то, что случилось, пошел бы опять служить», или «ненавижу, когда завидуют. Зависть порождает все самые плохие качества», или «работа — это для меня все»...

— Сергей, а Афганистан?
— Афганистан — это Афганистан. О нем не расскажешь. Там надо побывать...

Странно, но мне почему-то понравилось его упрямство и нежелание пускаться к себе в душу. Мне приходилось встречаться с разными людьми, и самым сильным и настоящим это было свойственно — они упорно не выносили на поверхность слова, мысли и чувства, они были по-хорошему недоверчивы, распахиваясь настеей только с теми, кого считали действительно близкими и родными. Эти люди никогда не суежились перед журналистами или начальством, о таких принято говорить, что они знают себе цену. Но за плечами у каждого лежала своя дорога к этой самой цене, дорога, по которой дано пройти не каждому. И эти люди, несмотря на их закрытость, обладали какой-то особой притягательностью, казалось, что они видят тебя насквозь, но от этого не становилось неуютно, наоборот, им хотелось довериться и войти в число их друзей. Они никогда не приспосабливались к ситуации, относились к жизни спокойно, бережно и честно, но воспринимая ее как длинную погоню за трудностями, в борьбу с которыми всегда вступали один на один. И им это нравилось, потому что они могли развиваться, только преодолевая, только в сопротивлении обстоятельствам. Наверное, именно таких имеют в виду, когда говорят «мужественный». Сергей, по-моему, относится к таким.

— Скажи, а трудно было после... этого?

— Нормально.
— Но ведь многие в этой ситуации сломались бы, не выдержали...

— Ну, почему же?..

Потом он скажет мне: «Я не считаю это особым мужеством. Мне кажется, на моем месте так поступил бы каждый...» Возможно, сильный человек действительно считает, что сильных много. Наверное, оценку людей он ведет от себя, и это естественно. Но только испытание, которое обрушивается всегда внезапно, высвечивает, как рентген, всю прежнюю жизнь, все лучшее и худшее, что в ней было, что копилось, отсеивалось, что воспитывалось и из чего выработывался характер. Поступок всегда закономерен. Сергей сложился так, что оказался готовым к поступку.

— Сергей, а все-таки что помогло выстоять?

— Отец. Мама. Моя жена Наташа. То, как меня воспитывали...

А потом в его кабинет вошел Саша Кацев. И когда они с Червонописким обменялись рукопожатиями, я понял, что Саша тот самый «родной и близкий», с которым преград в общении у Сергея не существует. Саша и сказал мне о фильме.

Через два часа мы сидели с Сашей на лавке, по глазам лупило солнце, и он говорил:

— Сережа — из немногих, это точно. Я хорошо его знаю, сам в комсомле работал, был членом бюро обкома. Еще до Афганистана... Сережа не любит, когда ему сочувствуют, не выносит этого в любой ситуации. Если он поймет, что к нему поблажки, сразу уйдет с работы — наверняка. А люди его любят. По-настоящему. И уважают. Я помню, как на областной конференции его встретили: потолок чуть не рухнул — так аплодировали... Он очень надежный. Если сказал, что берется за дело,

Комсомольский секретарь...
Странная все-таки
это порода людей, ищущих себе
лишних сложностей, испытаний,
трудностей.

А их ему в изобилии
предлагает сама жизнь
ежедневно, ежечасно. Как тут
оставаться самим собой?

Как уметь радоваться жизни,
если даже она и не дарит тебе
желанных побед и успехов? —

наверное, только немногим
из нас хватает мужества быть
счастливым
каждый будний
день, несмотря ни на что.

«Я — счастливый человек!» —
говорит про себя

Сергей ЧЕРВОНОПИСКИЙ.

значит, все, можно быть уверен-
ным — выполнит. Что еще?.. Некото-
рые займут какой-то пост и не выдер-
живают, ломаются. Машина, секре-
тарша, селектор, кабинет — вся эта
мишура шарахнет по человеку, и че-
ловека не осталось, одна поза. А Се-
режа остался человеком, к нему ка-
ждый как на исповедь идет, по са-
мым разным поводам. Для него чу-
жое — всегда его, всегда близкое.
И работать умеет. Любит работать. Он
в горкоме с утра до ночи. Недавно
у него дочка родилась. Сначала сы-
нишка, а теперь вот дочка... Так вот
она его долго просто не признавала,
потому что не видела — он уходит,
когда она еще спит, и приходит, ко-
гда она уже спит. А жена у него —
Наташа... Вот он однажды понял, что
нужен — очень нужен — еще одному
человеку, я про нее говорю, и это
сильно ему помогло... Это как... Вот
идешь в метро и видишь: «Нет выхо-
да», а потом пройдешь и в другом
месте читаешь: «Выход с противопо-
ложной стороны», и легче на душе
становится. Я понятно говорю?

А я, слушая Сашу, заметил, что его
волосы — по самым кончикам, над
висками — блестят сединой. И еще
подумал, что есть какая-то высшая
закономерность в том, что свои от-
пуск Саша начал с того, что пришел
к Сергею. Только прилетел в город
и сразу к Сергею. Эта высшая за-
кономерность понятна только тем
людям, у которых в прошлом есть
какой-то кусок жизни, где они увиде-
ли — «открыто и в упор» и совмести-
ли свои точки отсчета на жизненные
ценности, потому что у них была воз-
можность сначала проверить себя,
а потом поверить друг в друга.

— А что собираешься делать в от-
пуске? — спросил я Сашу.

Этот снимок сделан с киноэкрана.
Кинофильм о Сергее шел в кинотеа-
трах, а сам он встречался с воинами-
интернационалистами, ездил в рабо-
чие коллективы, а потом, ненадолго
заехав домой, поспешил на открытие
слета туристов.

Сергей ЛИТВИНОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

— Да пока что просто побродить хочется, посмотреть. Отык я... — ответил он, и как-то так случилось — я не спрашивал, он заговорил сам, — что речь пошла об Афганистане.

...Я иду по городу, посмотрев короткий фильм о Сергее. Качаются ветви яблонь, и сквозь листву пробивается солнце. Там, в фильме, тоже показывали солнце, застывшее над желтой, горячей пустыней. И по песку ползли черные тени от вертолетов. А потом песок разлетался под гусеницами боевых машин. И я отчетливо вспомнил Сашины слова: «Мы там многое понимаем. Там быстро учишься отличать ложь от правды и с этим опытом начинаешь относиться к жизни чуть иначе. У Сергея этот опыт есть, он людей чувствует...» Говорил Саша и о том, что «там», если кто-то один подводит, то страдают все, но цена этого страдания подчас страшна — чья-то жизнь. «Там работу изобрать не приходится. Там человек чужую беду как свою чувствует. У нас в части семьсот рублей в фонд Чернобыля собрали. Никто не заставлял. Сами решили. Тех, кто оттуда возвращается, не надо просить место в автобусе уступить пожилому человеку и лекций о доброте читать не надо. Я вот смотрю, как некоторые люди сходят с ума по шмоткам, так мне их просто жалко. Мы там с ума сходим из-за того, что фильмы хорошие не удаются увидеть, книги прочесть, а тут — по шмоткам... А бывает, молодые ребята спрашивают: «Ну, как в Афганистане?» и тут же: «А что ты там купил?» Вот что обидно. И молодец Сережа, что совет воинов-интернационалистов в городе создал. Со школьниками должны встречаться ребята, которые все это прошли, все это испытали, а когда какая-нибудь Марья Ивановна рассказывает об Афганистане и все вроде бы правильно говорит — это не то, это только портит все...» — так говорил Саша, а потом вдруг замолк и каким-то совсем другим голосом произнес: «Слышите, яблоки падают?»

Теперь, после фильма, мои встречи с Сашей, с Сергеем обрели дополнительный смысл, мне стали понятнее и ближе эти люди, их мысли, их поведение. Я думал о том, что ребята, прошедшие такие испытания, живут с какой-то новой памятью, точнее, сгустком памяти, и она, эта обновленная память, бьет, как луч, из-за их спин вперед по жизни, и уже через свет этого луча смотрят они на жизнь, оценивают ее, делают на правду и неправду, делают жестко, безошибочно и имеют на это право — право молодых, но уже опытных людей. Там, откуда они возвращаются, им приходится жить в крепкой связке друг с другом, там открываются законы истинного товарищества, там понимают они смысл бескорыстных поступков и учатся ненавидеть предательство, суету, пустословие и полуправду. Они вынуждены всему этому учиться. И, наверное, притягательность — а она есть, эта притягательность — Сергея Червонописского отчасти объясняется этим опытом, опытом человека, познавшего экстремальные ситуации. Жизнь парадоксальна: жесткость учит доброте, страдания очищают, опасность воспитывает. Конечно, так бывает не у всех. Но у лучших — так. Уверен.

Вспоминаю кадр из фильма: крупный план, Сергей. Рассказ о том страшном моменте, когда под машиной раздался взрыв, когда он очнулся и понял, что ранен в ноги, а под обломками машины лежит убитый товарищ. Он вспоминает и говорит: «Нельзя было показать, что больно. Надо было держать марку офицера...» Другой кадр: мать Сергея, ее слова: «Когда я пришла к нему в госпиталь, он сказал: «Мамочка, я буду ходить ради тебя. Ты будешь мной гордиться...»

А с Сашей мы больше не виделись. «Слышите, яблоки падают?» — сказал он тогда, затем попрощался и медленно пошел через сквер к центральной площади города. На следующий день я снова был в горкоме у Червонописского. Зашел в кабинет и увидел, что

перед Сергеем сидит молоденький парнишка и слушает.

— Ты запомни, в нашей работе не бывает от «звонка до звонка», — говорил Сергей. — Если от «звонка до звонка» — это уже не работа, а черт знает что. Ты должен очень четко для себя решить, что конкретно ты собираешься сделать по каждому вопросу. Не просто крутить головой в разные стороны, а четко: что я хочу? У нас много людей, которые ничего не хотят. Зарплата, телефон, кабинет — больше ничего в жизни не надо. Такие люди любое дело могут утопить, хотя тебе все время поддакивать будут... Но только не надо идеализировать: сегодня все плохо, а завтра будет хорошо. Не будет. Чтоб было, придется повкалывать. Вот у меня перед глазами мой перспективный план, я на него каждый день как на красный свет смотрю и знаю: чтоб получилось, я каждый день должен продвигаться, хоть по сантиметру, но продвигаться. И, повторяю, не считайся со временем. Чтобы понять людей, их нужды и беды, ты должен в общезначимых днях и ночевать. Не ждать, когда к тебе пойдут — не пойдут! — а сам к ребятам идти должен. Тогда к тебе доверие будет. Без доверия ничего не выйдет — это уже не надо доказывать, время доказало. И еще: научиться людей поощрять и — вовремя. Не «послезавтра», а сегодня, сейчас — если человек того заслуживает. Даже письмо родителям со «спасибо» — великое дело. Это твой актив, которым ты должен очень разумно пользоваться. Красные уголки для проверяющих — это не работа, а видимость, бойся видимости как человеческой подлости. И в любое время заходи, спрашивай, у нас здесь нет приемных дней и часов, у нас приемные часы — любое время...

— Кто это? — спросил я Сергея, когда парнишка вышел.

— Новый замсекретаря комитета комсомола комбината «Черкаспромстрой», — ответил Сергей и добавил: — Хороший парень. Толк будет...

Потом мы заговорили о комсомоле. И тут, неожиданно для меня, Сергея прорвало: — Конечно, комсомол долго функционировал сам для себя. Все это так, но когда комсомол обвиняют — мол, вы молодежь упустили, — я этого не понимаю. У нас, между прочим, молодежь занимается все, начиная с роддома. Это не шутка. Дело в том, что перекладывать заботу о молодежи только на комсомольские организации несправедливо, потому что на психологию человека — и молодого в том числе — влияет вся совокупность жизни. А если уж требовать с комсомола, то тогда надо было бы подчинить комсомолу органы управления культурой и спортом, например. Нам говорят: молодежь не занимается спортом, а «спорт» существует где-то сбоку от нас, потому что мы спортивные организации не контролируем. Я уверен: наши методы значительно улучшатся, если перед комсомолом уменьшится количество задач, которые мы решаем. У нас слишком много дублирующих друг друга организаций, и кое-кто сидящий наверху давно забыл, что значит работать внизу, в первичной...

— Ну, а что ж для тебя, как первого секретаря горкома, важнее всего сегодня?

— Первое — комплексная программа горкома комсомола «Молодежь Черкасс — научно-техническому прогрессу». Мы создаем молодежную хозрасчетную организацию «Внедрение». Ее цель — быстро донести до предприятий идеи и изобретения молодых. Затем МЖК. Я считаю, что жилье — это тоже стимул, о котором мы не должны забывать в своей работе. Потом — военно-патриотическое воспитание. Мы задумали совместно с горкомом ДОСААФ создать военно-спортивный комплекс, хорошо оборудованный, современный. И, конечно же, огромное внимание досугу молодежи. В перспективе — строительство молодежного центра. К сожалению, когда речь идет

о досуге, приходится преодолевать слишком много трудностей. Чтобы отвоевать какое-нибудь кафе, где молодежь могла бы собираться — а таких мест в городе катастрофически не хватает, — приходится вести настоящую войну, и часто там, где вопросы идеологии сталкиваются с планом общепита, идеология проигрывает. Что можно взять с молодого человека? Рубль за коктейль? Не выгодно. А какая-нибудь свадьба дает сотни рублей... Вот и бьемся головой в стену финансовой выгоды... Но мы выиграем, я в этом не сомневаюсь...

Честно говоря, я тоже не сомневался, ведь сказал Саша, что, если Червонописский берет за какое-нибудь дело, можно быть уверенным — он доведет его до конца.

До того, как я посмотрел фильм о Сергее, у меня была встреча с первым секретарем горкома партии Владимиром Григорьевичем Сокоренко. Это он — Сокоренко — первым разглядел и поверил в Сергея, когда тот, преодолев боль и отчаяние, несмотря на прогнозы медиков, освоил протезы и пришел к Сокоренко на прием, чтобы сказать: «Хочу работать». Как это важно: понять, поверить и поддержать. Так и поступил первый секретарь горкома партии. И не ошибся.

— Для нас важно, что это настоящий большевик в строю, — говорил мне Владимир Григорьевич. — Начал он с заворга, потом стал вторым, а вскоре его избрали первым. Были и такие, кто сильно сомневался: как это — инвалид и комсомольский работник? А Сережа всем доказал, что работать умеет. И себя не щадит. Он постоянно среди людей. Его любят, уважают. Молодежь в нем видит своего и доверяет ему. До меня, бывает, и не дойдет какая-то информация, а до него доходит — люди сами к нему идут, рассказывают. Он на наших глазах взрослел, даже элементарное взять — выступает без бумажки, а за дело болеет — так бы каждому. Если бы у нас всегда были такие секретари...

И снова в памяти короткий, как крик, кадр: отец Сергея, крепкий, энергичный, а говорит тихо: «В ту ночь, когда он подорвался, мать закричала во сне и скатилась с кровати...»

С отцом Сергея — Василием Ефремовичем — я встретился на предприятии, где он работает юриконсультом и где его избрали секретарем парторганизации. От Сергея я узнал, что Василий Ефремович — полковник в отставке, еще мальчишкой узнал войну и часто рассказывал ему, Сергею, о пережитом.

Сидели мы долго. Червонописский старший много курил, и было видно, что, рассказывая о сыне, он словно проживает каждое слово, волнуясь и стараясь не показать, что волнуется: «Сергея всю жизнь искал приключений, преград для него не существовало. Но он добрый. Я помню, маленьким он каждое утро бегал на берег и приносил матери цветы...»

...В который раз подхожу к горкому комсомола. Хочу попрощаться с Сергеем — вечером мне улетать. И еще после того фильма хочу спросить его: начни он эту жизнь сначала, с нуля — то как?

Вхожу в его кабинет, он разговаривает по телефону. Перекладывает трубку из ладони в ладонь и кивает мне на стул. На столе замечая раскрытую книгу — она лежит на разорванной бандерольной бумаге. В левом углу книжки, на титуле читаю: «Сергею Червонописскому — человеку молодоговардейского духа». Переворачиваю страницу и читаю название книги — она посвящена памяти героев Краснодона. Прислал автор...

Сергей кладет телефонную трубку и смотрит на меня.

— Знакомый? — киваю на книгу.

— Да нет, пришла по почте...

Я не стал задавать ему вопрос, который хотел задать. Этот вопрос показался мне неуместным. Да и ответ был ясен.

НЕ МОЖЕШЬ
ПОДДЕЖИВАТЬ
СЕРГЕЮ

**В ШКОЛУ-ИНТЕРНАТ
ПРИШЕЛ
НОВЫЙ ДИРЕКТОР —
МОЛОДОЙ, ЭНЕРГИЧНЫЙ,
СТРЕМЯЩИЙСЯ УЛУЧШИТЬ
ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ.
КАЗАЛОСЬ БЫ,
ВСЕ, КТО ПРИЧАСТЕН
К СУДЬБЕ РЕБЯТИШЕК,
ДОЛЖНЫ
ПОДДЕРЖАТЬ ЕГО,
ПОМОЧЬ НАВЕСТИ
В ИНТЕРНАТЕ ПОРЯДОК...
НО СЛУЧИЛОСЬ
ИНАЧЕ...**

Мы шли коридорами, крашенными масляной краской. Казарменный сиротский уют. Заглянули в одну из спален. Девочки-первоклашки укладывали кукол. Увидев моего спутника, бросили свое занятие, закричали наперебой: «Здравствуйте, Николай Львович!.. Здравствуйте, Николай Львович!..» — кинулись к нему, стали обнимать, и каждая хотела прижаться, занять место поближе... И он тоже обнимал их, приговаривал: «Здравствуйте, мои милые, здравствуйте, мои хорошие...» Оторвался, сказал: «Сегодня вечером приду к вам рассказывать сказку. Или о Спартаке?» «О Спартаке! О Спартаке!»

Вышли на крыльцо. Роща вдалеке. — Приезжают комиссии, — сказал Сарапкин, — говорят: «О, да у вас здесь прямо дача!» А у нас здесь не дача — болото.

— Болото, где «едят» директора? — в тон уточнил я, зная уже некоторые обстоятельства его жизни.

— Похоже, — улыбнулся Сарапкин.

Несколько слов об истории подмосковной Дедовской колонии (потом детдома, потом школы-интерната).

В 1918-м в реквизируемый особняк то ли графини, то ли купчихи вселили детей тех, кто не вернулся с империалистической или затерялся в революционном бурене. Рабочие расположенной неподалеку фабрики технических тканей взяли бывших беспризорников на полный свой кошт. А значит, урезали в пользу детишек свои и без того скудные пайки, купали их собственноручно в принесенных из дома корытах, одевали в кое-какую одежду и вязали им варежки. Романтическое было время.

Потом еще две горестные прибавки воспитанников были в детдоме: после 1937-го и после войны. А о конце пятидесятых здесь теперь вспоминают, как о времени распрямленного, звонком. Поднимались мальчишки и девчонки до рассвета — не все, дежурные: надо накормить коров, подоить... Молоком детдом обеспечивал себя сам. Были к тому же и кролики, а их тоже надо и накормить, и погладить по бархатным ушкам. Сами убирали урожай на картофельных, морковных, капустных полях. Соревновались класс с классом. Пыхтели, подначивали, смеялись. Был яблоневый сад. Особняк пестрел от девчачьими косынками, и плотно ложились в корзины золотые яблоки...

Но позже хозяйство пришло к полному упадку. Оказались никому не нужными сельскохозяйственные хлопоты. Вымерз сад. Сдали на мясо коров. Оказались от картофельных и морковных угодий. Теперь ученики «воспитываются трудом», перетаскивая мебель или выколачивая матрасики. В постепенное запустение стал приходиться не ремонтируемый по-настоящему дом. Зимой холодно. В спальнях — не больше плюс десяти. Ребяшки укладываются в одежде и шапках.

А вот документы недавнего времени. Сохранились они в сейфе у директора (орфографию и пунктуацию подлинников оставляю):

«Уважаемый Министр просвещения!

Обращаюсь к вам ученики 7 класса Дедовской школы-интерната. Вы извините нас за беспокорство. Мы хотим сообщить вам, что у нас есть воспитатель, который относится к нам без уважения. Когда мы сдаем деньги ему на хранение, то назад он их не возвращает

и пропивает их. На домашний час приходит в нетрезвом состоянии. Сам работать не любит, а заставляет нас. Бьет некоторых ребят...»

«Докладная о том, что классный руководитель бьет не зашто. Меня догнал Владимир Владимирович и сказал что бы я снял куртку потом он меня ударил об стенку и пошел в низ... Потом мы пошли к учительской он вел меня за шею и душил...»

Записка от родительницы: «Евгений Дмитриевич пожалуйста примите меры с учителем Валентиной Павловной. Мою девочку взяла об угол стены шибанула головой и посмотрите какой у нее синяк я взяла справку у врача и меры с ней примут садистка настоящая».

Объяснение со слов ученика: «В понедельник я хотел вечером сходить в туалет, встал с постели, а сосед ударил меня ногой в глаз. На прошлой неделе, когда я спал, мне вставили спички между пальцев ног и зажгли. Пальцы у меня долго болели... На этой неделе меня били кулаками в лицо почти каждый день. Поэтому синяки под глазами не проходят. Сегодня в последнюю перемену одноклассники избили меня кручиной проволокой. Били по ногам и спине. Перед этим на второй перемене они облили меня какой-то смесью клея и мыльной воды...»

Нет, побои и издевательства здесь не стали системой. Были нередкими, но все ж таки исключениями. А вот крик как метод воспитания применялся постоянно. Рассказывает Нина Тихоновна Макрищева, учительница русского языка и литературы:

— Пять лет назад приехала я сюда после института. Первый урок, четвертый класс. Вхожу в кабинет, а они все, представляете? — стоят на партах и плюют. И кричат. Я начинаю говорить — а у меня голос вообще-то тихий — и вижу, что меня не слышат. Не то что не слушают, а просто не слышат. Они в интернате уже три года проучились, привыкли, что на них кричат, сами друг на друга всегда кричат. Они привыкли к этому ору. Для них это норма, понимаете?... Ну, тут и я гаркнула — начали тогда мои ребята рассказывать... Нас пятеро было, молодых специалистов. Стали для ребят что-то придумывать. Викторину, скажем, литературную олимпиаду или спектакль поставить. А завуч нам сразу заявила: «Нашим детям это не нужно».

Кто виноват в сложившейся ситуации? Об этом я спросил ветерана школы Александру Александровну Кириллову, секретаря партийной организации.

— Виновата частая смена директоров. Они сюда приезжали как временщики с одной мыслью: лишь бы три года отработать, а до интерната им дела не было.

Один директор погиб при загадочных обстоятельствах под колесами поезда. Тогда же посадили на семь лет завхоза. Потом была директрисой некая Сереженкова. Избила прямо на занятиях учительницу — ключами по голове. Судили за хулиганство, оштрафовали на пятьдесят рублей. По партийной линии никакого наказания не дали. Благополучно отпустили в Монголию учить детей. Последний директор, Сидоров, раскатывал по району на интернатовской машине. Влетел на ней в аварию. Держал заложного завхоза, который дважды пропивал школьные деньги. Оформлял на работу прикованных к постели пенсионеров. Они только в ведомостях расписывались, денежки получал неизвестно кто.

Взялся «раскручивать» эту историю Истринский горотдел милиции. Уголовного дела возбуждать не стали. Ограничились представлением в горно: в школе-интернате четыре года грубо нарушалась штатно-финансовая дисциплина. Что же горно? Был ли нака-

зан Сидоров? Нет. Спокойно поехал на Кубу делиться богатым педагогическим опытом.

Кто же выдвигал, назначал, поддерживал всех этих директоров? Последние годы заведующим Истринским горно был Вячеслав Михайлович Шолок. Сейчас он начальником одного из отделов союзного минпроса.

— Не стану утверждать, — сказал он мне, — что директора были отличные. Кто пойдет в школу-интернат? Средние были, удовлетворительные. Однако каждый внес свою крупицу в улучшение дел.

Ничего себе, улучшение...

В декабре 1986 года директорствовать в Дедовский интернат приехал Николай Львович Сарапкин. Педагог по образованию, он работал в комсомольских, затем в партийных органах. Теперь оставил хорошую должность в спорткомитете, двухкомнатную квартиру на Ленинском проспекте. Переселился в комнату при школе, холодную, без душа. Зачем он сделал это? В районе терялись в догадках. Одно дело, человек идет на «черную работу», чтобы заслужить хорошую характеристику для заграницы. А тут сам, по своей воле, с «выездной» должности и — в грязь? Решение Сарапкина выглядело непонятным и даже пугающим.

Зачем? А объясняется все просто. Он любил детей. Он истосковался по большому, небумажному, самостоятельному делу. Он видел заброшенный сад и думал: «Посадам новый!», отданные сельхозугодья — «Вернем!», старую кочегарку — «Отремонтируем!». Он читал Макаренку и думал о коммуне.

Появление такого директора тоже было отсветом времени. Никогда не поехал бы сюда, признался Сарапкин, если б не последние партийные решения, не изменившаяся атмосфера в стране.

Истосковалась школа по энтузиасту. Поддержать бы его, помочь советом, делом — ему, горячему, рвущемуся в бой, но неопытному пока и педагогу, и хозяйственнику. Но получилось все иначе.

Освоившись на новом месте и вникнув в проблемы, Сарапкин обратился к председателю горисполкома А. А. Сухину. «Нужно срочно ремонтировать котельную, — писал Сарапкин, — перевести ее на газовое отопление. Канализация и водопровод в аварийном состоянии. Вышло из строя большинство батарей. Почти забилась артезианская скважина. Течет крыша. Капитального ремонта не было двадцать пять лет!» Кроме дел неотложных, Сарапкин писал и о другом: нужно пустить до станции маршрутное такси, чтоб связать интернатскую глушь с внешним миром. Построить хоть сколько-нибудь жилья, чтобы взять молодых специалистов. Вернуть интернату сельхозугодья. Отремонтировать скотный двор, купить коров. Приобрести навесные орудия для бездарно простаивающего трактора...

От председателя исполкома письмо соскользнуло в горно. Ответила заведующая Т. Б. Михайлова: «Капитальный ремонт будет проводиться в 1989 году... Для реконструкции котельной обратитесь в трест № 13... Для укрепления материально-технической базы обратитесь в шефствующие организации...» И в том же духе: «Вам необходимо связаться... Предлагаем Вам написать письмо... Обратитесь в...» Между строк ясно читалось: «Твой интернат — твои проблемы, сам их и решай, нас не впутывай».

Сарапкин не успокоился. Пошел на прием к заместителю министра просвещения. Написал письмо в обком партии. И добился своего. Интернату стали помогать. Исполком «нажал», и строители взялись за газификацию котельной. По всему району стали отыскивать газовое оборудование. На лето

1988 года запланировано начало капитального ремонта. Несколько субботников отработали в школе милиционеры из горотдела. Принялись вести три кружка для учеников. Даже комсомольцы — шефы из Дедовского монтажного управления, последние годы гордо не замечавшие интернат, — теперь вызвались организовать для ребят баскетбольную секцию. И комсомольцы фабрики технических тканей (да-да, той самой, которая в 1918 году организовала детскую колонию) собрались было в интернат на субботник — за много лет впервые — уже ждали автобуса, но выскочил директор фабрики Строев: «Субботник? В интернате? А урожай собирать кто будет? Прекратить!» Так и не поехали... Горком комсомола, кроме собранных детских книжечек, никакой помощью интернату похвастаться не может. «Разрабатываем план мероприятий», — сказал мне секретарь горкома Александр Лесневский.

Да, Сарапкину стали помогать. Но помогают как-то... сквозь зубы, что ли. Визит к замминистра не забыли.

— Мы сделали большую ошибку, — напрямик сказала мне секретарь горкома партии Г. И. Иванова, — что взяли директором человека не из нашего района. Сидит теперь, строчит во все инстанции.

При мне ходил по интернату зампредгорисполкома Сафронов. «Почему линолеум не моете?» — спрашивал он у Сарапкина, показывая на затертый тысячами подошв, но чистый пол.

— Мыли, Вячеслав Михайлович, он просто светлый.

— Нет, не мыли!

В спальне заметил символическую пылинку:

— Дежурные сегодня здесь не убрали. Поставьте им, Николай Львович, двоек.

— Непременно.

— А почему матрацы короче кровати? Вы что, не видите, не можете заметить?

— Заменим, Вячеслав Михайлович. Пришли в кабинет Сарапкина.

— Где проектная документация на колодец гашения?

— Звонил проектировщиком, говорят, еще не готова.

— Плохо звонили. Дайте сюда телефон... Вот, видите, как это решается — легко и быстро.

Легко — зампреду исполкома. А директору?

За месяц в интернате побывало одиннадцать комиссий. Начиная свою работу, Сарапкин просил-умолял: «Пришлите одну комплексную комиссию, оцените состояние школы». Не слали. Теперь он вошел в должность, за все недостатки, накопившиеся годами, отвечает он, и только он. И комиссии не заставляли себя ждать. Со сладострастием фиксируют упущения Сарапкина.

Он уже и выговор успел схлопотать. За невыполнение плана набора учеников. Пытался объясниться: «Я не имею морального права агитировать директоров, чтобы слали ребят ко мне, в нетопленные спальни!» Не послушали... Сравните: никакого замечания Сидорову за многолетние нарушения дисциплины — и выговор Сарапкину за формальное упущение.

...Мы стоим на крыльце. Сарапкин как бы про себя рассуждает:

— Все думаю: а не предрешена ли уже моя судьба? Стоит ли драться? Не дай бог сейчас допустить хоть какую-то ошибку. Ведь снимут...

И заменят, добавлю, удобным, понятным, «невывосывающимся» человеком. Из своего района.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР. В конце сентября, после очередной комиссии, Сарапкин написал заявление об уходе «по собственному желанию». В туно Мособлисполкома его немедленно подписали.

Вновь и вновь мы обращаемся к нашим нравственным истокам, к революции. К тем, кто все силы, энергию, жизнь отдал самому благородному, святому делу. К тем, кто был рядом с Владимиром Ильичем Лениным в труднейшие, напряженные моменты нашей истории. Время безжалостно. Их остается все меньше и меньше, единицы, тех, кто работал рядом с Ильичем, кто видел его. И потому нам особенно дороги встречи с ними. Революцией призванные... Именно так можно сказать и об Эдуарде Эдуардовиче Смильге, латышском красном стрелке. Член партии большевиков ленинского призыва с 1919 года, кадровый военный, он участвовал в первой мировой войне, гражданской, Великой Отечественной. Преданность ленинским идеям, великой цели помогала ему выстоять в самых тяжелых условиях. В этом году Эдуарду Эдуардовичу исполнилось девяносто лет. Среди тех, кто пришел поздравить его с днем рождения, было много молодых людей. Старый большевик всегда с удовольствием встречается с молодежью, делится своими воспоминаниями о незабываемых событиях Октября. Его слова прежде всего обращены к молодежи, ветеран дает урок молодым, размышляя о том, как важно знать историю своей страны, как найти свое место в жизни, как воспитать в себе целеустремленность.

К 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТАБРЯ

латышский
красный стрелок

Я на несколько лет старше нынешнего века. Вся история нашей страны развивалась на моих глазах. Несмотря на преклонный возраст, я ощущаю прилив сил, словно ветер моей революционной молодости донесся из Октября.

Вы, молодое поколение, живете в счастливое время. Да, оно очень трудное. Но разве счастье бывает легким?

Что двигало нами, когда мы совершали революцию? Мы шли в бой не потому, что нам хотелось пострелять и попробовать свою силушку. Мы шли в бой, потому что видели цель, которая стала смыслом жизни, потому что верили: перевернем мир! И сегодня есть такая возможность — многое изменить.

Видеть цель! Вот без чего жить нельзя.

За свою долгую жизнь я испытал всякое: и радость побед, и горечь потерь, и боль разочарований. Однако не было еще у меня так пасмурно на душе, как после просмотра документального фильма «Легко ли быть молодым?». Нет, картина мне понравилась. А к грустным размышлениям привело вот что. Есть в фильме кадры, когда у старшеклассника, вернувшегося из почетного караула у памятника красным латышским стрелкам, спрашивают, что он знает о них.

— Были такие... — пожимает плечами школьник. — А что они делали, как жили? Разве это сейчас важно знать? От нас требуется хорошо прошагать к памятнику и обратно.

Как же так, неужели нынешней молодежи неинтересно знать, как мы, их деды и прадеды, жили и боролись? Если так, то это, пожалуй, не столько их беда, сколько наша вина. Слишком долго мы рассказывали им лишь о парадной стороне нашей жизни. На уроках много говорили о победах и очень мало о том, какой ценой они нам доставались. И практически ничего — о наших ошибках и просчетах. А ведь на ошибках учатся! Беспристрастный, честный анализ прошлого дает возможность лучше разобраться в происходящих событиях сегодняшних дней.

Не зная историю, трудно отбивать и атаки наших идеологических противников. Именно поэтому-то всевозможные зарубежные «голоса» то и дело обращаются к нашей молодежи. Хорошо, что в последнее время интерес к истории нашей страны резко возрос. То, о чем долго молчали или только шептались дома, стало широко известным. И это крайне важно. Правда, какой бы горькой она ни была, — лучший повод для оптимизма. Эта ленинская мысль не потеряет актуальность никогда, и сегодня она звучит с новой силой.

Поистине революционные преобразования, проводимые партией после апрельского Пленума ЦК, невольно заставляют меня вспомнить сегодня, когда мы отмечаем 70-летие Великого Октября, те далекие уже, но все равно незабываемые события...

...Для защиты революции не хватало сил: отряды Красной Армии состояли из плохо обученных рабочих, было мало подготовленных военных специалистов. Вопрос о вызове латышских стрелков с фронта в Петроград был обсужден Военно-Революционным Комитетом 10 ноября 1917 года. Предполагалось отправить не какой-то конкретный, а любой латышский стрелковый полк: так были уверены в преданности каждого из нас делу революции.

Помню раннее морозное утро 26 ноября, когда я в составе сводного отряда латышских стрелков прибыл в Петроград для охраны Смольного — штаба Советского правительства. Мерный, чеканный шаг гулко раздавался по пустынным улицам. Сердце заколотилось, когда подошли к Смольному. У самых ворот горел большой костер. Во дворе у главного входа стояли 76-миллиметровые орудия.

Взводу, в который я попал, предстояло охранять помещения Совета Народных Комиссаров, в том числе и квартиру Владимира Ильича. После митинга, на котором мы принесли присягу на верность Советам, нас попросили не расходиться. И вот в сопровождении коменданта Смольного в зал вошли двое.

— Кто это? — повернув головы к вошедшим, спрашивали мы друг у друга.

— Ленин! Ленин! — понеслось по рядам.

— Слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину, — сказал, поднявшись на сцену, Свердлов.

В течение нескольких минут Ленин смотрел в бушующий от аплодисментов зал. Я впервые видел вождя и был настолько взволнован и счастлив, что не расслышал первых слов Ильича.

Ленин говорил о том, что страна переживает тяжелое положение: хозяйственная разруха, нет хлеба, одежды, топлива. Советской власти грозит и внешний враг — империалисты немецкие и других стран, и враг внутренний — притаившаяся контрреволюция.

И еще я крепко запомнил слова Ильича о том, что на нас, латышских стрелков, ложится ответственная задача — охранять завоевания Октября, защищать Советскую власть. Для меня эти слова стали смыслом и целью жизни.

Ленинская правда звала за собой. Я говорил себе: я с Лениным навсегда! И был горд оттого, что за нами шел народ. Потому что мы боролись за интересы простых людей. И каждый из нас ощущал себя частью великой силы.

Наш отряд участвовал в ликвидации гнезд контрреволюции, заботился о поддержании порядка в столице. Порой мы не спали сутками, как на поле боя. Принимали участие в национализации частных банков, выполняли самые сложные боевые задания Военно-Революционного Комитета, ВЧК, Совнаркома и ВЦИК.

В начале 1918 года немецкая армия перешла в наступление по всему фронту, заняла Латвию и Эстонию, захватила Псков и двинулась к Петрограду. Меньшевистская газета «Новая жизнь» в провокационных целях сооб-

щила, что латышские стрелки выступят против заключения мира с Германией. Утверждая это, враги революции делали большую ставку на оскорбленное национальное чувство латышей. И вот, чтобы узнать наши настроения, к нам пришел Ленин. Он спросил нас: правда ли, что мы против заключения мира с Германией?

Среди стрелков началось оживление. Кто-то воскликнул: «Нет у нас такого решения! Мы тебя поддерживаем, Ильич!»

Ленин говорил о том, что теперь воевать с немцами мы не можем. Какой бы мир мы ни заключили, он лучше войны, потому что будет поддерживать Советскую власть. Недалек тот момент, когда и в Западной Европе произойдет революция. Тогда и Латвия будет освобождена от немецких завоевателей, тогда рухнут все навязанные договоры.

Когда Ленин закончил, в зале наступила тишина. Петерсон поднялся на трибуну и спросил:

— Товарищи, кто хочет высказаться?

Прозвучали голоса:

— Что говорить! Мы — «за!» Присоединяемся, Владимир Ильич!

А ведь как было тяжело тогда на душе от сознания, что наши семьи находятся в оккупации! Однако мы верили Ленину, готовы были идти за ним до полной победы. Всех нас объединяла преданность делу революции. А какую гордость мы чувствовали оттого, что Ленин пришел к нам!

Никакая партия — с самой замечательной программой и целями — не добьется успеха, если не будет советовать с народом. Ленин, революционное правительство всегда советовались с народом, не по справкам и докладам знали мнения людей, их настроения. Меня очень радует тот факт, что эта ленинская традиция в последнее время получает широкое развитие. Это, безусловно, поднимает авторитет партии.

Мне хорошо запомнилось, как Ленин вел себя на собраниях, во время встреч с трудящимися. Склонив голову, он с неподдельным интересом слушал каждого выступающего, задавал ему вопросы, подбадривал. Слушая, часто записывал что-то. Любой человек мог к нему обратиться по любому вопросу, и каждому Ильич старался разъяснить все как можно проще и сердечнее.

...А ситуация вокруг Петрограда да и в самом городе становилась все сложнее. Правительство приняло решение в целях безопасности и более оперативного руководства обороной Советского государства переехать в Москву. Об этом узнали наши враги. Они намеревались воспользоваться удобным случаем и одним ударом закончить с советским руководством. Вокруг Смольного рыскали подозрительные личности, безуспешно пытались узнать день отъезда Совета Народных Комиссаров.

Я в это время уже постоянно был в личной охране Ленина. Наш отряд предупредили, чтобы мы были готовы в любой момент выступить и ни на ми-

Эдуард СМИЛГА

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁ

ниту не выпускали оружия из рук. Спали, не раздеваясь, тут же, в Смольном, рядом с квартирой Ленина.

И вот 10 марта 1918 года, поздним вечером, из ворот Смольного выехали две машины. Впереди — закрытая, в ней находился Ленин, позади — открытая грузовая машина, в которой были мы, охрана. Машины на полной скорости мчались по безлюдным улицам к окраине города. Из предосторожности поезд с Лениным отправлялся не с Николаевского (ныне Московского) вокзала, а с одной из загородных станций. По прибытии на место мы тотчас же оцепили помещение станции, платформу и вагоны. Поздно ночью поезд тронулся с места. Я приступил к несению дежурства в вагоне, где ехал Владимир Ильич.

Несколько часов прошли без происшествий. Неожиданно с паровоза передали, что впереди замечены хвостовые огни неизвестного поезда. Это не мог быть правительственный эшелон, который ушел из Петрограда первым, так как по времени его никак нельзя было догнать. Всем стало ясно, что впереди кому-то удалось вклинуться между головным правительственным поездом и нашим.

Был уже третий час ночи, когда от машиниста поступило новое сообщение: «Подъезжаем к станции Любань. Впереди — идущий поезд, по-видимому, намеревается остановиться на первом пути и загородить нам дорогу на Москву».

Как потом оказалось, в поезде были анархисты. Мне не раз приходилось сталкиваться с ними в Петрограде. Выскочив из вагонов, мы бросились навстречу приближающейся толпе. В это время наши пулеметчики успели взять на прицел горланящую массу анархистов. Несколько выстрелов вверх голов бегущих посеяли среди них страх и панику. Буквально на «плечах» противника латышские стрелки ворвались на станцию и заставили всех анархистов забраться в теплушки. Через несколько минут на двери вагонов мы накинута засовы.

Весь инцидент продолжался не более пятнадцати минут, но мне казалось, что прошло несколько часов, настолько велико было напряжение. Только сейчас мы осознали, какой опасности подвергалась жизнь Ленина...

Переживая происшедшее на станции, я стоял у окна вагона, и тут открылась дверь, и из купе вышли Владимир Ильич с Бонч-Бруевичем. Ленин подошел ко мне и спросил:

— Вы тоже участвовали в разгоне анархистов?

— Участвовал, товарищ Ленин, — ответил я.

— И не страшно было?

— Поначалу очень страшно, а потом ничего, даже весело стало, когда они начали драться.

Владимир Ильич улыбнулся. Каждый из нас был готов закрыть своей грудью Ленина. Уже потом, когда я узнал, что Ильича тяжело ранила эсерка Каплан, я долго не находил себе места, сожалея, что в тот момент не оказался рядом с Лениным.

Наступило лето 1918 года. Шестого июля в Москве подняли мятеж «левые» эсеры. Они захватили центральный телеграф, здание ВЧК на Лубянской площади, арестовали Дзержинского и члена коллегии ВЧК Лациса.

В критических ситуациях к стрелкам всегда приходил Ленин. И на этот раз он пришел к нам, чтобы лично убедиться в нашей решимости дать достойный отпор мятежникам.

...Противник готовился к штурму Кремля, вражеские снаряды рвались уже на его территории. Два отряда стрелков ушли в бой. Я остался в резервной группе, готовой в любую минуту выступить навстречу врагу.

Помню, стоял у открытого окна третьего этажа и смотрел на расстилавшуюся под окном Красную площадь. Отчетливо доносились выстрелы со стороны Варварской площади. Значит, мои товарищи сдерживают врага и не дают ему прорваться к Кремлю. Надолго ли их хватит? И вдруг перед окном, у которого я стоял, на Кремлевской стене появился мужчина в штатском. Окно было на пару метров выше стены, и потому находящийся на ней человек не видел, что за ним наблюдают. И тут только я разглядел, что это был... Ленин!

— Переживает Владимир Ильич, — сказал кто-то из глубины комнаты.

— Конечно, переживает, — послышалось в ответ.

— Пусть не волнуется, до последне-

го вздоха будем защищать революцию.

— В ружье! — гулко раздалось в нижнем коридоре. Был получен приказ срочно идти на помощь высланным ранее подразделениям, которые начали отходить под натиском противника.

Ближе к утру положение в столице стабилизировалось. Прибыли части латышской дивизии, и наш отряд был возвращен в Кремль. После ночного дождя по улицам разлился густой туман. Не было видно ладони вытянутой руки. Используя плохую видимость, артиллерия прибывших частей красных латышских стрелков приблизилась к штабу противника и открыла огонь. Несколько снарядов разорвались внутри здания в тот момент, когда эсерские руководители совещались. Я в это время участвовал в штурме морозовского особняка. После получасового обстрела штаба противника пехота ворвалась в особняк. Мы бросились искать арестованных эсерами Дзержинского, Лациса, Подбельского и других руководителей. Никто не знал, в каком из подвалов они находятся. Наконец мы обнаружили своих товарищей целыми и невредимыми.

Мятеж был разгромлен. Во дворе строились пленные. Мне необходимо

было сообщить об исходе операции в Кремль. Вбежав в Никольские ворота, на ходу крикнул часовому:

— Эсеры разбиты! Несу донесение! — Тогда давай скорей, — подбодрил меня часовой, пропуская в Кремль.

Быстро поднявшись по лестнице, я буквально влетел в приемную, столкнувшись в дверях с Бонч-Бруевичем.

— Что случилось, товарищ Смилга? — встревоженно спросил меня Владимир Дмитриевич.

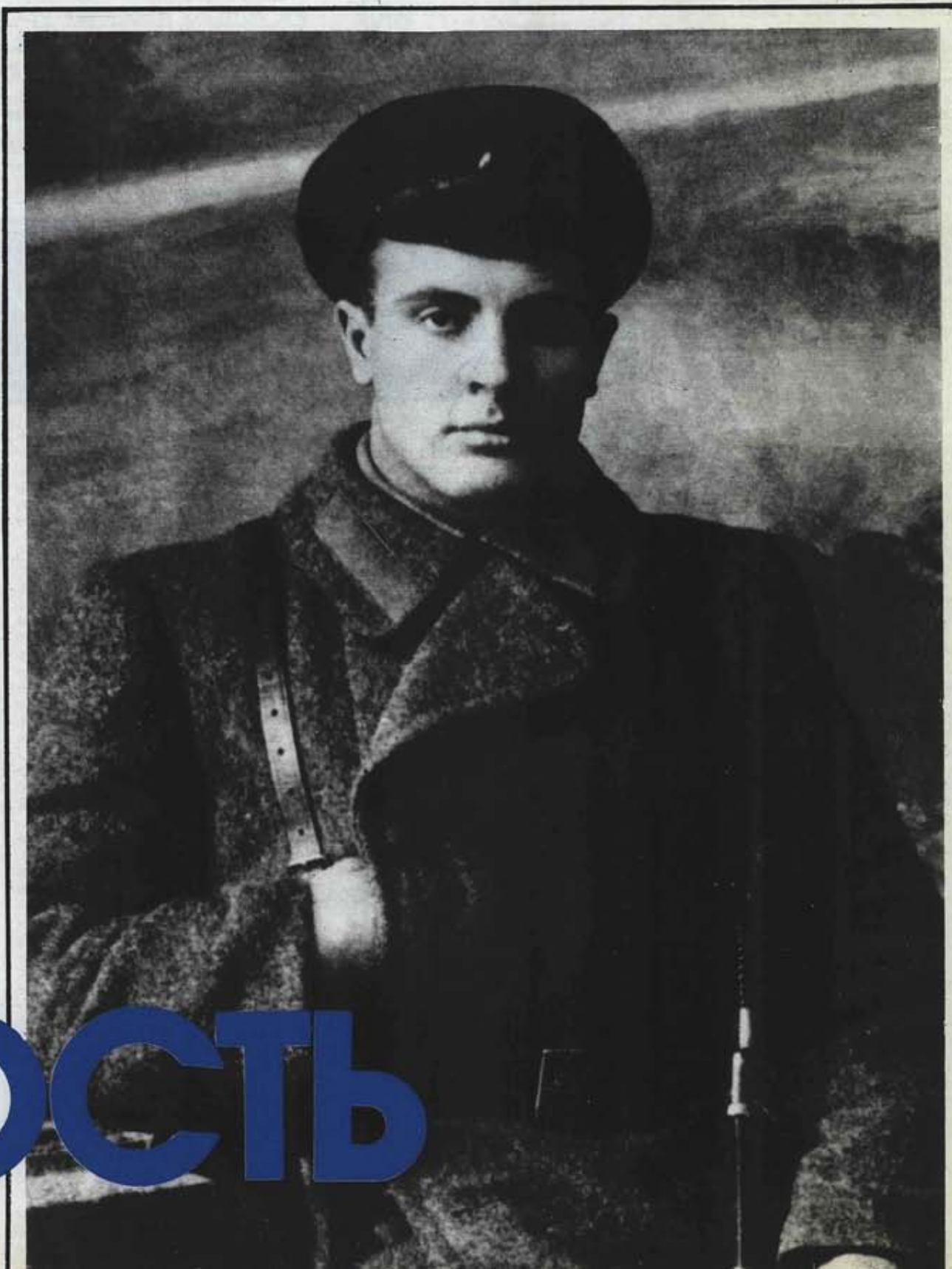
— Эсеры разбиты! — радостно воскликнул я.

И тут дверь распахнулась, и из кабинета вышел Владимир Ильич.

— Это вы принесли донесение? — спросил он у меня и, не дожидаясь ответа, крепко пожал руку. — Спасибо, товарищ, за хорошие вести!

Я так растерялся, что не мог произнести ни слова: сам Ленин пожал мне руку! Это рукопожатие было высшей наградой не только мне, но и всем стрелкам за преданность революции.

Мы остались преданными делу Ленина, делу революции на всю жизнь. Всегда были последовательными и верными защитниками идей Ильича. Однако в тридцатые годы к бывшим латышским стрелкам, к тому времени опытным

ННОСТЬ

командирам и комиссарам Красной Армии, вдруг стали относиться с недоверием и опаской. Многие мои товарищи по оружию, как и я сам, были репрессированы. Преданные защитники революции, не щадившие своих жизней, были объявлены «врагами народа». От полного отчаяния нас спасла вера в торжество ленинских идей и ... природное латышское упрямство. Мы знали, что рано или поздно справедливость будет восстановлена и люди будут вновь жить по ленинским принципам. Впрочем, настоящие большевики всегда жили по-ленински, никогда не кривили душой.

С годами мы яснее понимаем: можно обижаться на конкретных людей, можно даже ненавидеть кого-то. Но разве можно обижаться на родную страну? Ведь те, кто травил лучших сынов революции, были не «лицетворением» советского народа, а его позором. Мы знали, что придет время и люди узнают правду, все назовут своими именами.

И вот это время пришло, время воистину революционных перемен. Мне повезло: даже в мои преклонные годы я чувствую себя в гуще жизни, продолжаю работать в совете ветеранов, встречаюсь с молодежью. Да, молодые сейчас очень разные — ершистые, прямолинейные, некоторым не хватает целеустремленности. Нужно больше делать для молодежи и строже с нее требовать. Судить о ней по конкретным поступкам, а не по прическам. А главное — молодым нужно больше доверять, говорить с ними честно и открыто.

Мне пришлось слышать из уст молодых: «Вот у вас раньше была великая цель в жизни, было ради чего идти на подвиг, на смерть. А сейчас ради чего? Поэтому мы так и живем». Какая же это ошибка — так считать! Времена, видите ли, изменились, цели измельчали!.. Таким объяснением просто легче прикрывать собственную пассивность, безделье!

Да, приходится признать, многим сегодня не хватает цели в жизни. Как объяснить вам, что это такое? Когда ты видишь цель и живешь ради нее, жизнь твоя наполняется смыслом, ты ощущаешь себя частицей единого целого, тебе любые дела по плечу. Ты поднимаешься высоко, чувствуешь себя творцом, созидателем. Только большая цель дает такую возможность.

Разве можно сравнить с чем-либо ощущение гордости, если ты можешь сказать: «Я делал революцию!» А ведь я могу так сказать: я был частицей той великой силы, что смела царизм и совершила революцию. И так может сказать каждый из моих товарищей.

Помню, во время одной из встреч с молодежью ребята рассказывали мне о своих планах, кто куда собирается поступать после школы, а один парень собирался поехать в Сибирь — на строительство электростанции. Однокурсники отнеслись к его решению скептически и даже иронично: романтики захотелось!.. Я спросил его прямо: «Зачем тебе это надо?» И он просто ответил: «Хочу построить свою ГЭС, своими руками». И не было в его словах позерства. И как-то притихли его однокурсники. И я понял: этот парень наш! Нет, другие тоже наши, но они еще только ищут свою цель, а этот уже нашел. Жизнь его наполнена высоким смыслом, а не мелкими заботами личного свойства.

Я, старый большевик, верю в нашу молодежь. Верю, что революционная эстафета в надежных и честных руках. Я счастлив, что мое поколение выполнило свой революционный долг перед Родиной. Помните, у Рождественского о латышских стрелках:

«...Петерсы, Клавиньши, Лютерсы
Отдали все революции.
Все, что могли».

Дело теперь за вами, мои молодые товарищи.

Записал
Вячеслав ДАВЫДОВ.

СМЕНА

Беседа с директором
НИИ нормальной
физиологии
академиком АМН СССР
К. В. СУДАКОВЫМ.

В Проекте ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Основные направления развития охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года» отмечается, что среди первоочередных задач медицинской науки — анализ состояния и динамики здоровья в связи с изменяющимися условиями производства. Роботизация, гибкие системы, поточные и конвейерные линии, манипуляторы с программным управлением, электронно-вычислительные машины... — таковы лишь некоторые приметы современного — интенсивно работающего — производства; приметы научно-технического прогресса наших дней, который не только изменяет условия жизни, работы, но и активно влияет на самого человека, причем оказывает и отрицательное влияние. Этими проблемами уже несколько лет занимаются ученые НИИ нормальной физиологии имени П. К. Анохина АМН СССР; ими же разработана необычная оздоровительная служба «САНАТРОН».

НЕЛИЧНОЕ

Константин Викторович, насколько велико влияние научно-технического прогресса на здоровье, самочувствие людей и кто особенно уязвим в современном производстве?

— Мы подошли к тому, что уже сейчас темпы смены поколений техники стали опережать темпы смены поколений работников. На одно поколение людей приходится несколько поколений техники. И дело не только в том, что современное производство постоянно модернизируется, усложняется. Ведь меняется и его ритм. Добавьте сюда поток информации, психоэмоциональные нагрузки... Словом, человек, от которого ждут больших усилий, максимальной трудовой отдачи, оказывается в напряженной производственной обстановке, подвергается весьма ощутимым перегрузкам... Все это провоцирует неврозы, болезни сердца, желудка, опорно-двигательного аппарата. Если раньше, как правило, этими заболеваниями в основном страдали люди среднего и преклонного возрастов, то ныне страдают и молодые. И прежде всего те, кто выполняет монотонные, мелкие и микроскопические операции, работает в интенсивном режиме, в неудобной или скованной позе... Думается, пора бы обратить внимание и на здоровье человека, разобравшись в тех производственных условиях, в которых он работает. И, пожалуй, это главная проблема наших дней.

— Но ведь идет диспансеризация населения, в том числе и здорового, проводятся осмотры на различные профессиональные заболевания. Наконец, действуют ведомственные программы «Здоровье» — они приняты в последнее время на многих промышленных предприятиях.

— Диспансеризация, как известно, нацелена на раннее выявление заболеваний. При обследовании констатируется факт: больны вы или нет. Если больны, вас начинают лечить. Нет патологии — иди и спокойно трудись. Вот, в сущности, и вся работа со здоровым человеком.

Профосмотры... Зачастую они проводятся формально, от случая к случаю. Кроме того, осмотры, как правило, проходят в поликлинических условиях, когда производственное напряжение перестает действовать. Понятно, что при таком одностороннем обследовании врачи не видят — не могут видеть — те функциональные расстройства организма, которые проявляются именно во время трудовой деятельности человека, которые постепенно накапливаются и в итоге вызывают нервно-психические, сердечно-сосудистые заболевания... Вот и получается, что основная часть работающего населения рассматривается как «практически здоровая» и выпадает из-под регулярного врачебного, диспансерного наблюдения. А что на самом деле? Сегодня человек вроде бы здоров, а завтра он уже болен... Не всегда эффективны и ведомственные программы «Здоровье». Напомню: эти программы предусматривают не только непосредственное медицинское обслуживание работников, но и социально-оздоровительные мероприятия. Однако различные организации решают эти задачи либо своим путем, либо просто механически копируя чей-то опыт. «Самодельности» тут хватает. Программы «Здоровье», как правило, осуществляются под организационным началом учреждений практического здравоохранения, часто по инициативе отдельных энтузиастов, без всяких научных обоснований... Нет единых принципов, единой методологии.

— Стало быть, нужны новые подходы. А в чем, собственно, они заключаются? Как Вы себе представляете практические шаги перестройки здравоохранения?

— Прежде всего надо пересмотреть идеологию нашего здравоохранения. Вне всякого сомнения, она должна быть сориентирована на работу со здоровыми людьми в условиях их реальной производственной деятельности. Это особенно важно. Ведь только тогда мы сможем объективно определить ту самую «физиологическую цену», которую платит человек за социально значимый труд. Во-вторых, надо активнее выявлять и анализировать те условия работы, что порождают у человека психоэмоциональные перенапряжения, вызывают функциональные и органические нарушения... Такая работа, думаю, обязательно должна проводиться совместно с гигиенистами. Мы, кстати, расширяем контакты со специалистами 1-го Московского института и Институтом гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР. Наконец, эта работа должна вестись на научной основе. И она у нас есть: это теория функциональных систем академика Петра Кузьмича Анохина. Согласно его теории, человек достигает того или иного социального результата с помощью специальных функциональных систем организма, которые и «управляют» сердечной, мышечной, дыхательной и другими деятельностью. Рассматривая трудовой процесс как сумму отдельных и последовательных результативных операций (мы их называем «квантами поведения»), можно объективно определить физиологические показатели работающего человека не вообще, как это делается обычно, а во время каждой отдельной результативной операции. И, анализируя каждую операцию, можно заключить, в какой конкретной

помощи нуждается человек. Более того, тогда перед нами открываются резервы, возможности организма.

Человек — существо субъективное. Оценивая себя, он может и не знать своих истинных возможностей, недооценивать или переоценивать их даже в обычной жизненной ситуации, не говоря уже о каких-то экстремальных условиях, когда требуется мобилизация всех сил, когда надо принять ответственное решение... Понятно, какова цена последствий, если человек находится не на своем месте. Так вот, исследуя состояние органов и тканей, можно выдать объективную оценку профессиональных способностей, возможностей, создать своего рода банк физиологических характеристик на каждого работника, разработать объективные практические рекомендации. То есть речь идет о создании оптимальных условий труда с учетом физиологических особенностей человека. Это принципиально новый подход.

Сотрудники нашего института уже не первый год проводят соответствующее исследование на московском заводе «Хроматрон» — при помощи телеметрии изучают физиологические показатели монтажниц-вакуумщиц в соответствии с результатами их труда, а он, замечу, весьма трудоемок, монотонен. Выяснилось, на каких этапах работницы (а это молодые, 18—25-летние женщины) напрягаются, на каких — насту-

ливать общие принципы создания системы оздоровительно-лечебной службы сохранения и восстановления здоровья трудящихся в условиях реального производства. Система получила название «Санатрон». Принципиальное отличие этой системы от программ «Здоровье» состоит в том, что он охватывает не только профилактические, поликлинические и отдельные оздоровительные, социальные мероприятия на производстве, но и объединяет их в единый комплекс. И достигается, замечу, главное — создаются условия, в которых люди максимально сохраняют здоровье.

— **Надо полагать, система «Санатрон» заинтересует многих дальновидных хозяйственников, руководителей производства да и медиков, видимо...**

— Мы в принципе готовы к сотрудничеству, но оно реально несколько позже. Дело в том, что только сравнительно недавно (несмотря на всевозможные бюрократические препоны) Президиумом АМН СССР, Минздравом СССР, Министерством электронной промышленности и ГКНТ решен вопрос об организации на базе нашего института временного творческого коллектива. Этот коллектив в течение трех лет, начиная с 1987 года, разработает автоматизированную систему контроля, профилактики и направленной коррекции состояния здоровья рабочих электронной промышленности. Вот тогда мы будем

вы можете приступать к работе. Аналогичные обследования и оздоровительные мероприятия нужны и после трудовой смены. Ведь, согласитесь, важно, чтобы человек и по завершении работы чувствовал себя нормально.

Конечно же, здоровье работника будет контролироваться (в автоматическом режиме) и во время трудовой деятельности. Тут, на наш взгляд, может быть бесконтактный телеметрический или контактный контроль. То есть каждый человек, видимо, будет работать со специальной — удобной и красивой — повязкой с микродатчиками на голове или с аналогичным bracelet на руке... А на каждом рабочем месте — дисплей, небольшой пульт, подключенный к ЭВМ, с визуальными и звуковыми сигналами. Предположим, постоянный зеленый сигнал говорит о нормальном состоянии организма, а вспыхнет красный — значит, есть отклонения, необходимо прервать работу и провести соответствующую восстановительную процедуру! Каждый человек после специального обучения, владея простыми, но эффективными упражнениями, сможет осуществить целенаправленную саморегуляцию нарушенных функций. Если потребуется помощь специалистов, то ее окажут в том же реабилитационно-профилактическом центре.

— **Однако не исключено, что работнику потребуется помощь врача — терапевта, кардиолога, хирурга или уролога... Вы же не клиницисты! Значит, больного направят в обычную поликлинику, обычную больницу, где понятия не имеют о вашей системе, о физиологических особенностях конкретного человека...**

— Поэтому и предусматривается базовый лечебно-профилактический комплекс, который будет подключен к автоматизированной системе «Санатрон». Комплекс может быть организован путем объединения территориально близких промышленных предприятий и учреждений практического здравоохранения, взаимодействие которых регламентируется положением о межотраслевых коллективах.

Как сами понимаете, при такой постановке дела можно на более высоком уровне проводить диспансеризацию населения, разрабатывать эффективные рекомендации по снижению заболеваемости, снижению уровня временной нетрудоспособности, анализировать поликлиническое и стационарное лечение трудящихся... Таким образом, мы уже говорим о формировании принципиально новой — профилактической социальной физиологии и медицины.

— **Константин Викторович, все, что Вы рассказали, впечатляет и... настораживает. Представим себе такую ситуацию. Коллектив цеха (завода, фабрики...) попал, как говорится, в цейтнот — надо во что бы то ни стало выполнить план. Ситуация, впрочем, обычная. Естественно, в таких условиях люди работают с повышенным психологическим и физиологическим напряжением. У кого-то организм не выдерживает, и тут идет сигнал: «Прекратите работу... обратитесь к врачу...» Во-первых, работник рискует не выполнить задание, потерять какую-то часть зарплаты, а во-вторых, не думаю, что начальник придет в восторг от того, что его работник в разгар производственного цикла «сбежит» в сауну...**

— Вы затронули весьма серьезный вопрос. Мы уже сейчас с этим сталкиваемся. Увы, люди частенько находятся в плену сиюминутных выгод, живут сегодняшним днем. А кто, собственно, дал право, пусть даже во имя самых важных производственных целей, не считаться со здоровьем людей? Ведь это, если говорить по большому счету,

преступление! И надо наказывать за это. Вообще-то хорошо организованное предприятие не должно иметь авралов. А главное — надо с уважением относиться к себе и к людям, смотреть в будущее, ориентироваться на конечный результат. А ведущий параметр этого результата один — здоровье людей, нации. Вы посадили дерево. Год, другой, третий оно не плодоносит. И что же, прикажете рубить?..

Я, как физиолог, убежден, что тот, кто разумно, грамотно сочетает труд и отдых, кто учитывает свои возможности, работает куда эффективнее, качественнее, производительнее того, кто игнорирует свое здоровье... Я уже не говорю о том, что резко сокращается профессиональное долголетие таких людей. Тут нет альтернативы.

Научно-технический прогресс не опасен для здоровья, если его воздействия на человека ритмичны, если за периодами напряженной работы следуют периоды отдыха. Только тогда функциональные системы организма приходят в норму. Других путей нет. А если мы по-прежнему будем игнорировать здоровье здоровых, то, поверьте, очень скоро дойдем до того, что работать станет некому. В этом я глубоко убежден. Тут есть над чем задуматься. Но, к сожалению, не все хотят даже проникнуться проблемой... Однако хотим мы или не хотим, а ее придется решать — от этого никуда не уйти!

На волнует и другое. Смотрите, мы ежегодно готовим и выпускаем огромное количество врачей. Но, верите, у нас нет специалистов, которые бы профессионально занимались проблемами здоровья человека в условиях производства. Наши вузы их просто не готовят! А ведь в свое время были кафедры физиологии труда, существовали авторитетнейшие школы Введенского, Шатерникова, Ухтомского... Сколько опыта, знаний растеряно! И вот появляется на производстве дипломированный специалист в белом халате, который понятия не имеет, как подступить к здоровому человеку. Видите, и эту проблему надо решать — и решать сегодня, сейчас.

— **Если я правильно Вас понял, подготовка соответствующих специалистов должна быть тесно связана как с наукой, так и с производством? Между тем практика подсказывает, что подобную подготовку не так-то просто осуществить.**

— А производственное объединение? Оно вас разве уже не устраивает? Я говорю о тех производственных объединениях, которые работают по схеме: НИИ — кафедра вуза — промышленное предприятие. Именно такие объединения и способствуют повышению качества подготовки специалистов, обогащению научных исследований, совершенствованию преподавания, быстрейшему внедрению новшеств в практику... Это не голословные утверждения. Уже более десяти лет мы с кафедрой нормальной физиологии 1-го Московского медицинского института работаем в рамках производственного объединения, сотрудничаем на основе хоздоговора. Безусловно, проблем у нас да и в целом в отечественном здравоохранении, как известно, предостаточно. Но все же, говоря о неурядицах в поликлиниках, стационарах, производстве препаратов, внедрении новейших лечебных методик, квалификации врачей, мы — медики и все те, от кого зависит уровень медицинской помощи, — обязаны обеспечивать реальную, действенную профилактику заболеваний, обязаны создать все необходимые условия работающему человеку, которые гарантировали бы ему здоровье, профессиональное долголетие.

Беседу вел
Сергей КАЛЕНИКИН.

пает относительное расслабление, как развивается утомление... Стало очевидным, кто трудится без напряжения, а кто — с напряжением (так называемая группа «риска»). Удалось определить своеобразные факторы риска, вызывающие дисфункции в организме... Оказалось, что те работницы, которые трудятся без напряжения, трудятся хорошо. Они, сами того не подозревая, очень удачно «вписались» в производство — их физиологические данные, возможности полностью соответствуют профессиональной деятельности, в отличие от тех, кто работает с напряжением. Но и эти, выполняя плановые задания, также стремятся к максимальному результату... и «расплачиваются» здоровьем. Рабочие из группы «риска» чаще болеют и, как правило, расстаются с предприятием, несмотря на то, что оно их чем-то привлекает... Вот причины болезней, а то и конфликтов, текучести кадров... Но ведь все это можно свести к минимуму. Как я уже говорил, человеку надо дать не бездарные, расплывчатые рекомендации, а предельно конкретные — с учетом особенностей его организма. И рабочим из группы «риска» такие рекомендации давались — проводились нелекарственные восстановительные процедуры, включающие регуляцию питания, психотерапию, массаж, дыхательную гимнастику, специальные физические упражнения и так далее. У рабочих стали улучшаться физиологические показатели — трудовое напряжение заметно ослабевало. Да и сами люди как бы преобразились — у них постепенно пробуждался интерес к работе, активизировалось творческое мышление, появился оптимизм, изменился и микроклимат в коллективе... А количество больничных листов сократилось на одну треть — и это не предел.

Опыт работы и позволил нам сформу-

готовы к сотрудничеству с любым другим министерством — система «Санатрон» применима в любой отрасли.

— **Константин Викторович, Вы сказали о разработке автоматизированной системы, которая будет действовать в условиях реального производства. Признать, пока смутно представляешь, как это может выглядеть на практике...**

— «Санатрон» — это несколько взаимосвязанных медицинских служб, главная задача которых — не допустить заболеваний, вызываемых производством. Представьте себе: вы приходите на завод, но, прежде чем приступите к работе, должны пройти экспресс-контроль. Это пост с высокой пропускной способностью. У вас при помощи датчиков и специальных приборов, микропроцессорной техники исследуют физиологические показатели — пульс (частоту сердечных сокращений), электрокожное сопротивление, артериальное давление, температуру... Вы ответите на психофизиологические тесты.

На каждого работника с помощью ЭВМ будет составлен банк физиологических данных — так сказать, психофизиологический и социальный портрет со всеми особенностями реагирования на производственную, эмоциональную и физическую нагрузки. Причем в ЭВМ будут заложены не какие-то общие, средние показатели, а те, которые свойственны только вам. Поэтому, «осматривая» вас, специалист без труда поймет характер отклонений в работе организма. И тут же будет выдан оздоровительно-лечебный рецепт. Помощь вы получите в реабилитационно-профилактическом центре предприятия. Вам пропишут либо иглотерапию, либо ауто-тренинг, массаж, водные процедуры, климатотерапию, дыхательную гимнастику... И только после этих процедур

РДЕССА

Валерий ХАЙРЮЗОВ

от безобразной посадки в самолет, и Торгашов отказал.

Грабок захлопнул дверь. Оправившись от потрясения, Орешкина прошла по проходу, всем своим видом показывая: уж теперь-то она спуску не даст.

Летчики запустили двигатели, погрели их и, вырулив на взлетную полосу, поднялись в воздух. Слово стесняясь показывать городу закопченное брюхо самолета, едва набрав положенные двести метров, раздвигая тупорылым носом утро, отвернули в сторону.

Вскоре справа по курсу обозначилась крохотная полоска, она поползла в разные стороны. На самой середине проклюнулась крохотная, размером со спичечную головку, алая точка и, точно сломав невидимую перегородку, разделяющую день и ночь, полькнувшись нестерпимым пламенем, выбралась наружу и поперла вверх. На секунду Торгашову показалось, из-за горизонта выкатилось не солнце, а раскаленный металлический шар, и темная гигантская чаша земли, качнувшись на невидимых весах, начала медленно спускаться вниз. Он вдруг почувствовал: все заботы, волнения остались позади, будто их и не было вовсе, они остались там, в темноте, отсеченные набравшим силу светом, оставив его наедине с огромным наплывающим на самолет миром, и лишь где-то далеко вдали дремал в нем сторож, который, связывая все в единое целое, вполуха следил за гулом моторов.

В пилотскую кабину постучалась, даже не постучалась, а поскреблась Орешкина. Грабок открыл дверь. — Товарищ командир, пассажиры спрашивают: сколько будем лететь? — достав из кармана блокнотик, деловым голосом спросила она, нацелившись в него острым карандашом.

— К вечеру долетим, — улыбнувшись, ответил за Торгашова второй пилот Огурцов. — Два часа до Киренска, потом столько же до Ленска, а там и совсем пустяк — чуть больше трехсот километров.

Орешкина записала все, что ей сказал второй пилот, и уже хотела выйти из кабины, но тут подал голос бортмеханик:

— Анна Николаевна, как ваше самочувствие?

— Нормально. Немного, правда, испугалась, — глянув на Торгашова, ответила Орешкина. — Лезут и лезут.

— То-то и оно, лезут, — поднял палец бортмеханик. — Я же говорил, работа ответственная. Это тебе не детский сад, тут надо держать ухо востро.

Бортпроводница обиженно заморгала глазами, и Торгашов, зная, что Грабок может ни за что обидеть девушку своими плоскими шуточками, прервал бортмеханика.

— Мог бы и помочь, — сказал он. — Девушка летит в первый раз.

— Это каким же образом? — поинтересовался бортмеханик. — У меня своих обязанностей полно.

— Очень просто, — влез в разговор Огурцов, — встал бы около трапа заместо шлагбаума. Ну, а когда пассажиры наперли, мог бы лечь, такое бревно не сразу обойдешь.

— Ой, и правда, Александр Никитич, вы мне в следующий раз помогите, ладно, — рассмеялась Орешкина.

Грабок молча, точно пробуя на вкус конфету, обиженно пошлепал губами и, обращаясь куда-то в пространство, философски заметил:

— Помогают тому, кто в этой помощи нуждается. А наша Анна Николаевна курсы бортпроводников заканчивала. Они и так все знают. Верно я говорю?

— Нет, я еще не училась, — растерянно ответила Орешкина. — Скоро должны послать.

— Ну, а комиссию, надеюсь, проходила? Отбирали вас или прямо так, с улицы, взяли?

— Ой, что вы, конечно, проверяли. Все строго.

— А ты, видно, хорошо поешь.

— А вы откуда узнали? — польщенная, улыбнулась Орешкина.

— Да уж догадался, — с головы до ног оглядев бортпроводницу, усмехнулся бортмеханик, — ноги как у канарейки.

По инерции Орешкина еще продолжала улыбаться, видно, еще не до конца дошел до нее смысл сказанного, но в следующее мгновение откуда-то из бездонной глубины глаз выпрыгнули слезы.

— Как вы сказали?! — свистящим шепотом произнесла она. — У канарейки? Птичьей, значит? Да что ты, — от потрясения Орешкина пошла на короткое сближение, но тут же поправилась, — что вы понимаете? У меня нормальные ноги. Смотрите!

Прямо перед носом Грабка взметнулась синяя юбка и, уткнувшись в спинку сиденья острой тупелькой, Орешкина вытянула затянутую в серую паутинку колготок ногу. Произошло это мгновенно, Торгашов даже не успел вмешаться. Одернув юбку и пристукнув об пол каблучками, бортпроводница быстро развернулась и плечом начала биться в дверь, пытаясь выскочить из кабины. Грабок потянулся к двери, намереваясь открыть защелку, но Орешкина шарахнулась от него в сторону.

— Александр Никитич, — в голосе Торгашова зазвучали металлические нотки, — извинись!

— Да че, я ниче, я не хотел, — смущенно забормотал Грабок. — Анна Николаевна, прости, чего в нашей работе не бывает. Ты учти, если бы я не подпер самолет плечом, то мы бы точно упали на хвост. Пока ты бабке в самолет помогала подняться, я его, как Атлант, на себе держал.

— Спасибо, — швыркнув носом, ответила Орешкина. Как известно, кто быстро вскипает, тот быстро и остывает.

Вытерев платочком глаза, Орешкина на минуту вышла к пассажирам, затем вновь вернулась в пилотскую кабину. На радостях, что ему так легко сошло с рук, Грабок пообещал ей показать новый кроссворд.

— Вот что, будешь в Киренске пассажиров высаживать, гляди, чтоб они у тебя опять в хвосте не скопились, — доставая из портфеля пачку старых журналов, сказал он. — Если кто в хвосте задержится, ты коленкой или тем местом, которым в самолет не пускала. У тебя, я видел, неплохо получается.

— Александр Никитич, ты бы лучше за приборами последил, — предостерегающе сказал Торгашов, — не то придется опять извиняться.

— Да я, товарищ командир, ей технику безопасности напоминаю. Думаю, пригодится. Как ты считаешь, Анна Николаевна?

— Да вы не шутите, я и так сегодня страху натерпелась. Говорю: входить по одному. А они точно с ума сошли.

— В следующий раз будешь умнее, — назидательно сказал Грабок. — А если бы упали на хвост? Ты учти, тогда бы с тебя высчитали за ремонт. Представь, сколько стоит самолет.

— Вы меня, Александр Никитич, не пугайте,— сдвинула круглые глаза, замахала руками Орешкина.

— И вообще,— бортмеханик вошел в роль наставника,— запомни: за все, что находится в самолете, ты несешь материальную ответственность. За дорожку, питьевой бачок, чехлы. Пассажиры, они, сама видела, какие. Пока ты здесь с нами разговариваешь, может, уже дорожку свернули, а тебе скажут — не было. Ищи потом по рюкзакам.

— Ой, чего это я тут с вами заболталась! — не на шутку испугалась Орешкина.— Пойду к себе.— Она взяла у Грабка журналы и ушла в пассажирский салон.

— Как она тебя? — спросил на Грабка глаза второй пилот.

— Меня аж пот прошиб,— сознался Грабок.— Ничего не скажешь, нога что надо, на ее месте я бы мини-юбки носил, а не эти шторы. Хотелось бы узнать, у какой старушечки она их одолжила.

В Кирилске никаких происшествий не произошло. Прослушав от бортпроводницы лекцию на тему, как нужно вести себя при выходе из самолета, пассажиры не спеша, один за другим сошли на землю и потянулись к вокзалу с тайной надеждой раздобыть что-нибудь в буфете.

Орешкина помогла спуститься на землю бабке и, увидев, что ее никто не встречает, решила помочь, схватила тяжелый чемодан и, согнувшись, понесла его к вокзалу.

— Замаливает грех,— сказал второй пилот Торгашову, ткнув пальцем в стекло.— Так недолго и грыжу нажать. Пассажиры вон сколько, за всеми не перета-скаешь.

В это время из-под самолета раздался громкий голос Грабка.

— Анна Николаевна, ну сколько можно повторять,— укоризненно сказал он,— носить чемоданы не входит в обязанности бортпроводницы. Кто за тебя будет охранять дорожку, она, как минимум, две сотни стоит. А помощники найдутся. Вон Дима свободен.

— Почему я? — мельком глянув на командира, пожал плечами Огурцов.— Я носильщиком не нанимался.

— Мужчина ты или так, одна видимость? — давил на психику второго пилота Грабок.— Я бы сам помог, да самолет заправлять надо. А ты выходяй.

— Сходи, Дима, помоги,— попросил командир Огурцова.

— Дела,— протянул второй пилот.— Полетаем с этой чудой день-другой, глядишь, вокруг пассажиров плясать начнем. К тому дело идет.

«Не начнем,— с непонятным для себя сожалением подумал Торгашов.— Через несколько полетов Орешкина будет другой. Все то хорошее, с чем она пришла в авиацию, она сама спрячет в себе, заткнет в дальний угол, потому что везде, в любом деле не любят белых ворон, чтоб избежать насмешек, нужно жить и делать, как все, не высовываясь, но и не отставая, и она это быстро поймет. Огурцов даже не представляет, как скоро это произойдет. Когда он вот так же бросался помогать — таскал чемоданы, а потом в городе искал глазами своих пассажиров, пока не понял, что ищет вчерашний день — они забывают экипаж, едва ступят на землю. Да и пассажиры пошли не те. Его первый командир Борис Глухарев, начавший летать еще до войны, как-то жаловался: раньше, бывало, после посадки подсказывает к тебе пассажир, раскрывает портсигар — извольте прикурить. А теперь наоборот, достанешь пачку папирос, пассажир тут как тут — не дадите ли закурить».

В Нюрбе, где им полагалась замена, летчики оставили Орешкину сдавать почту, а сами отправились в пилотскую. Гостиница расположилась в березовой роще, до нее от стоянки было что-то около километра. Минут через тридцать смотрят, Орешкина тащится к пилотской, в одной руке питьевой бачок, в другой свернутая в рулон самолетная дорожка. Пройдет немного, остановится, отдохнет и короткими, метров по пятьдесят, перебежками приближается к гостинице.

Со стороны аэровокзала за бортпроводницей наблюдали пассажиры, чем-то помочь они не могли, выходить на летное поле не разрешалось. Со стороны стоянок ей что-то кричали техники, видимо, предлагали свою помощь, но она даже бровью не вела: по инструкции материальные ценности доверять другим лицам строго воспрещалось.

— Да что она, сдурила? — свистящим шепотом протянул Грабок.— Я же пошутил. Нет, видел я дурочек, но эта,— бортмеханик покрутил около виска пальцем,— с дипломом.

— Ну вот что, шутник. Иди и отнеси все обратно,— хмуро сказал Торгашов.— Да побыстрее, не то осрамишь девушку.

Выругавшись, Грабок перепрыгнул через забор и, цепляя на брюки репейник, прямоком дунул к Орешкиной спастись свою, а вместе с ней и репутацию всей службы бортпроводников.

В гостинице было отведено две комнаты, одна для бортпроводниц, другая для пилотов. Разделяла их фанерная перегородка. Столовая закрывалась рано, Торгашов позвал Орешкину на ужин, но она отказалась. Поняв, что ее разыграли, молча, не поворачи-

вая головы, прошла к себе в комнату. Пообедав и поужинав одновременно, летчики вернулись в гостиницу и легли отдыхать.

Через час Торгашова разбудил скрип открываемой двери. Он открыл глаза — дверь захлопнулась. В комнате было еще светло, и, пожевав немного, он оделся и вышел на свежий воздух. Вокруг гостиницы, прихваченные заморозком, стояли невысокие, одна к одной, березки. Обшитая листовым железом крыша пилотской гостиницы уставилась в сиреневую стынть неба, вдоль забора лежал деревянный тротуарчик, на боках которого цепко держалась, наверное, еще с лета утоптанная до каменной твердости желтоватая глина. Понизу вдоль тротуара белой оборкой лежал первый нарастающий снег.

За углом послышались шаги, оглянувшись, Торгашов увидел Анну Николаевну, она собирала опавшие листья.

— Домой отвезу, пусть братишка посмотрит,— поймав его взгляд, пояснила она.

— Так они такие же и у нас.

— Такие — да не такие,— возразила она,— эти северные. Посмотрите, какие они красивые. Она на секунду замолчала, посмотрела вверх.— И небо здесь не такое — сиреневое.

Торгашов поднял с земли подпаленный холодом красноватый лист, помял его в пальцах, и тот рассыпался на мелкие кусочки.

— Вы вон туда, на вышку посмотрите,— вдруг зашептала Орешкина.— Там орел сидит, такой огромный. Я даже испугалась, какой он большой.

Торгашов пригляделся и увидел на тонком шпиле большую серую птицу. Нахолившись, она смотрела куда-то через полосу, где серой волосистой щеткой торчал лесок, а над ним догорало небо, обещая на завтра ветреную погоду. И Торгашов вдруг вспомнил свой первый полет в Нюрбу. Было это лет десять назад. Он впервые забрался так далеко на север, впервые увидел белые ночи и запомнил странную тишину, которая была осязаемо живой, казалась, ее можно было потрогать руками. Только куда все делось? Для чего же он летает сюда? Уже давно жизнь шла по накатанной дорожке — рейсы, самолеты, гостиницы, столовые. Все одно за другим, и нужно, наверное, чтоб обвалился потолок или раскололась земля, чтоб откатиться от сложившегося в себе порядка и поглядеть вокруг таким же, как у Орешкиной, взглядом.

Поздно вечером Анна Николаевна сбегала в буфет, купила печеню, пирожков, вскипятила воду, заварила чай, накрыла стол и пригласила летчиков к себе. Без пиджака, в беленькой кофточке она, как бабочка, летала по комнате, ей очень хотелось выглядеть домовитой хозяйкой. И надо сказать, получалось у нее неплохо. Она наливала в стаканы чай, улыбалась, рассказывала, как проходила комиссию.

Оказалось, что свой первый рейс она должна была лететь в Москву, но по технической неисправности самолет вернули со старта.

— Все потом говорили: из-за меня,— сокрушенно качала головой Орешкина.— Говорят, как только в Москве узнали, что я лечу, так сразу закрыли все аэропорты. Неужели правда?

— Очень может быть,— сказал Огурцов.— Если судить по сегодняшнему полету. Нам тоже надо было отмениться.

— Что, из-за меня? Разве я виновата, что пассажиры такие ненормальные попадают? — надув губы, обиженно ответила бортпроводница.— Вот послушайте. Пришли мы на самолет. Вскоре привезли питание, пассажиров. Рассадили мы их, трап уже должны были откатить. Смотрим, бежит еще один. В одной руке чемодан, в другой авоська, а в ней колбаса, пирожки, еще что-то. С ходу на трап залетел, билетом машет: мол, возьмите. Я к старшей, давайте, говорю, возьмем, жалко парня. Та мне: пусть заходит, свободные места есть, только питание у нас по комплекту, на него нет. Я выхожу и говорю: мы вас возьмем, только без питания. Парень глянул на авоську, на меня посмотрел и бах авоську на перрон. Шут с ним, говорит, полечу без питания.

— Анна Николаевна, а у тебя парень есть? — спросил вдруг Грабок, и Торгашов, пораженный даже не самым вопросом, а какой-то новой интонацией в голосе бортмеханика, которого знал, как пять своих пальцев, переглянулся со вторым пилотом. Хоть и пытался Грабок прикрыть свой интерес, нарочитое безразличие выдавало его с головой. Оставалось только гадать, в какой момент у бортмеханика маятник качнулся в обратную сторону.

— Был, да сплыл, — отмахнулась Орешкина.— Уехал на гастроли. Ну и пусть. Он еще за мной побега-ет. Подумаешь, Гамлет нашелся. Я, может быть, тоже артистка.

— Мы это сразу поняли,— пряча улыбку, сказал Огурцов.

— Анна Николаевна, ты учишься или как? — вспомнил свою дочь, спросил Торгашов.

— Училась в торговом, два курса закончила. А как только медицинскую комиссию прошла, бросила.

— Так тебе совсем немного осталось, год, — сказал Торгашов.— Надо было закончить, а уж потом сюда.

— Зачем? — удивилась Орешкина.— Я бы все равно в торговле работать не стала. Вы бы видели, мне все девчонки завидуют. Я боюсь, что буду плохо полеты переносить. Ничего, долетела и не заметила.

А за окном тем временем начался снег, тихий, теплый, он неслышно падал сверху, мимо освещавшей бревенчатый угол пилотской лампочки, мимо стоявшей под ним железной бочки, и укрывал плотным пушистым ковром землю.

— Ой, снег! Как я люблю снег! — восторженно сказала Орешкина, поглядывая в окно.— У нас на деревьях листья, а здесь уже снег, зима.

Торгашов смотрел на нее и думал: это сейчас, в первые дни, для нее праздник, а потом начнутся будни, когда уже не принадлежишь себе. Она еще не знает, что за рекламным проспектом, на котором в белых перчатках улыбается бортпроводница, не видно грязных северных аэропортов, холодных, продуваемых со всех сторон гостиниц, где нет теплого туалета и где один умывальник на всех. За все это придется расплачиваться. Женщине от роду предусмотрено быть хранительницей очага, а кто же хранит очаг между небом и землей, от одной гостиницы до другой? Тут хранишь не свое — чужое. А время в полетах летит, не остановишь, не успеешь оглянуться — месяц прошел, а там, глядишь, и год упорхнул за хвост самолета. И все равно где-то в глубине души он завидовал ее молодости, даже тому, как она в кабине поставила Грабка на место. Счастливое время, когда еще не боится показать себя. И он поймал себя на том, что беспокоится даже не за Орешкину, а за дочь, которая тоже мечтает летать бортпроводницей, нет-нет, куда угодно, только не сюда.

На другой день к Нюрбе подошел холодный фронт, началась пурга.

Бортмеханик, человек основательный, запасливый, достал из чемоданчика свои байковые шаровары и предложил Орешкиной. Она взяла шаровары, приложила их к подбородку, на секунду замолчала, подыскивая нужные слова:

— Они же, Александр Никитич, меркой на индийского слона. Сюда таких, как я, пять влезет. Я уж как-нибудь потерплю. Вот только спать холодно, от окна дует.

Грабок осмотрел окна, поковырял в щелях отверстием, покачал головой, сходил в медпункт, выпросил у врача вату и заткнул все щели в окнах, затем принес свои кроссоворды. Но все его планы нарушил Огурцов, он раздобыл где-то карты, и Грабку вольно или невольно пришлось уступить: целыми днями они дулись в «подкидного». Торгашов не вмешивался, наблюдал со стороны, ждал, чем же все это закончится. Ему нравилось, что Орешкина вела себя достойно, одинаково улыбалась тому и другому, но после десяти выпроваживала из своей комнаты. Соперники ложились спать, но Торгашов видел, они караулили друг друга: едва кто-то ночью соберется выйти на улицу, как следом идет другой. Не желая доводить дело до греха, Торгашов сделал гениальный по своей простоте, но изумительный по сути ход. Он углядел, что дверь в комнату бортпроводницы не запирается, отремонтировал задвижку.

— Народ здесь разный, ты на ночь закрывайся,— не то посоветовал, не то приказал он.

Анна Николаевна, привыкшая доверять старшим, стала закрываться.

В конце концов все проходит. Туман разошелся, аэропорты открылись, и самолет, которого ждали целую неделю, прилетел. Грабок вызвал обогреватель, до банной температуры раскалил кабину, затем на топливозаправщике подъехал к пилотской, усадил Орешкину в кабину и отвез в самолет, чем, кажется, окончательно склонил чашу весов в свою пользу.

— Замерзнет где-нибудь по пути, отвечай потом,— оправдываясь, говорил Торгашову.

В Ленске Орешкина благополучно пересидела стоянку в пилотской кабине, Грабок, чего он не делал раньше, посадил за нее пассажиров, захлопнул дверь, и они, продыривив после взлета облака, полетели дальше. Уже перед посадкой в кабину заглянула Орешкина, и тотчас же на лице бортмеханика появилась улыбка. Торгашову на миг показалось, что вопреки всем небесным законам солнце решило взойти с западной стороны.

После этого рейса судьба развела их в разные стороны. Орешкина летала с другими экипажами, но едва узнавала, что прилетел Торгашов, если у нее была свободная минута, бежала встречать самолет. Первый экипаж, первый самостоятельный рейс — такое на всю жизнь.

Вскоре Орешкину перевели на союзные линии, она получила положенную ей форму, которая очень шла ей, хоть сейчас снимай на рекламный плакат, но в душе оставалась прежней, наивной и непутевой.

Сведения о ней, как фронтовые сводки, продолжали поступать к Торгашову. Принесил их Грабок. Будто невзначай, каким-то непривычным снисходительным тоном, которым обычно говорят о близких людях, начинал рассказывать:

— Слышишь, командир, мне вчера тут донесли... Наша-то опять отличилась...

Дом, в котором они живут, маленький, покосившийся, обшитый почерневшими от времени досками. Я с трудом отыскал его между сараями. Ночью в Куйбышеве прошел сильный ливень, и все было еще мокрое. Я ступил на кривые ступеньки, ведущие вниз, в полуподвал, и, поскользнувшись, еле удержался на ногах. По всему было видно, что вход в помещение постоянно заливает водой. Здесь уже более шести лет и проживает Наталья Камаева с 14-летним слепым сыном.

Валерий ЗЕНКОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Осторожно! — открывая дверь, предупредила меня Камаева. — Пригните голову: видите, какой потолок. Смотрите под ноги, тут половица сгнила. Мы-то с сыном привыкли...

Внутри было темно, пахло сыростью. В потолке около печной трубы зияла большая дыра, вокруг нее торчали обгорелые доски — следы пожара.

— Раньше мы жили в другом городе — Сергиевске. Когда сыну исполнилось восемь лет, мне пришлось отвезти его в Куйбышев, в спецшколу для слепых детей, — рассказывает Камаева. — На выходные приезжала к нему. Если б вы знали, как мы с ним каждый раз мучительно расставались! Он плакал навзрыд, просил не оставлять его, забрать с собой. Да что там говорить, я сама потом плакала. Слепота у него с рождения. Сколько мы по больницам помотались! А отца у нас нет, сбежал, скрывается от алиментов...

Не выдержало материнское сердце разлуки с сыном, и Наталья перебралась в Куйбышев. Устроилась работать в одно из отделений связи. Прописали ее в общежитии главпочтамта, но жить — с разрешения Самарского райисполкома — она стала в этом неприглядном, предназначенном к сносу доме (в общежитии не было мест). Правда, ее поставили на учет на получение благоустроенного жилья.

Наталья кое-что подремонтировала, навела маломальский порядок. Утром она отвезла сына в школу, а вечером забирала его. Зимой катались на санках, гуляли, а летом ходили купаться на реку Самарку и Волгу. Как-то жили.

В 1985 году съездили на юг к морю, а в следующем — к родственникам на Дальний Восток.

— Мне очень запомнились эти поездки, — вспоминает Андрей. — Я почувствовал, какая у нас большая страна, как много интересного. Жаль, что я не могу все это увидеть своими глазами...

Со временем мать купила сыну пишущую машинку, магнитофон, радиоприемник. А совсем недавно приобрела аккордеон — у мальчика неплохой слух, и он быстро стал подбирать полюбившиеся мелодии. Конечно, на это потребовались немалые средства. Наташа вынуждена была устроиться по совместительству. А три года назад она перешла на работу в комбинат питания станции Куйбышев. Из общежития главпочтамта ее тут же выписали...

Кто знает, может быть, так бы они и жили тихо-мирно в покосившемся старом доме, а потом получили и благоустроенное жилье. Да только в нача-

ле этого года случилось непредвиденное.

Зима в Куйбышеве была суровая. Чтобы хоть как-то поддерживать тепло в полуподвале, приходилось постоянно топить печь. Однажды ночью дом загорелся — как потом выяснилось, из-за плохой изоляции трубы. Приехали пожарные и быстро сбили пламя. Хотели было крушить печь, но Наталья буквально грудью встала на ее защиту.

— Не ломайте, пожалуйста, — взмолилась она. — Мне же здесь жить с ребенком!..

А на следующий день пришла техник-смотритель жилищно-эксплуатационного участка № 5 и вручила Наталье Камаевой предписание за подписью начальника участка М. Лазутина: «ЖЭУ-5 предлагает Вам в трехдневный срок освободить незаконно заселенную квартиру... В противном случае будет собран материал на административное выселение».

— Морозы тогда стояли сильные, — вспоминает Камаева. — Как и куда я могла выселиться? Да и почему? Ведь я живу тут с разрешения райисполкома! Конечно, никуда не двинулась. Тогда пришли из ЖЭУ и отключили электричество и газ... Жить стало совсем невыносимо. А тут еще вызывают в районную прокуратуру. Там мне показали новую бумагу от Лазутина — он все настаивал на выселении. Ох, если б вы знали, сколько пришлось пережить!

Прокуратура, однако, встала за защиту матери с сыном. Но вскоре Камаеву вызвали в районный суд. Иск о ее выселении исходил от управляющего производственным жилищно-ремонтным трестом С. Стародубцева.

— Не знаю, что было бы, если б не звонок из районной прокуратуры, — говорит Наталья. — Помощник прокурора Любовь Николаевна Изгагина сказала мне, что никто выселить нас не может, что волноваться не надо, что закон на нашей стороне...

А вот в действиях работников ЖЭУ-5 были обнаружены грубые нарушения жилищного законодательства. Они не имели права не только требовать выселения семьи, но и отключать электричество, газ... К сожалению, и работники райисполкома оказались не на высоте. Вместо того чтобы после пожара предоставить Камаевой и ее больному сыну нормальное жилье — причем на вполне законных основаниях, — райисполком исключил их из списков очередников.

Без электричества, без газа Камаевы прожили почти всю зиму. И лишь к весне — и то по предписанию прокуратуры — им подвели свет.

В начале апреля прокурор района Кондрикова выдала предписание и райисполкому по поводу предоставления Камаевой жилья. Кроме того, прокурор просила восстановить ее в очереди на улучшение жилищных условий и привлечь к ответственности тех, кто нарушил жилищное законодательство, отключив электричество и газ.

Прошел месяц, за ним другой, третий, четвертый, но все осталось по-старому...

И вот я встречаюсь с заведующей отделом учета и распределения жилой площади Самарского райисполкома Ниной Николаевной Гусаровой.

— О, как же, знаю, знаю Камаеву, — сказала Нина Николаевна. — Ой, ужасные у нее жилищные условия, просто ужасные! Слов нет! Я сама видела все своими глазами. Так, а в чем вопрос? Мы ей уже подбираем жилье. Разве можно в таких условиях жить? У нее, знаете, сын слепой. Правда, у нас очередников вон сколько...

Сколько же времени надо, чтобы «подобрать» жилье Камаевой? Полгода, год, два?.. Ведь предписания прокуратуры необходимо исполнять в течение месяца.

Начальник жилищно-эксплуатационного участка № 5 М. Лазутин, не глядя мне в глаза, выговорил:

— Камаеву выселить? Да как можно! У нее же сын слепой! Об этом не может быть и речи! Вы, наверное, шутите... Никто Камаеву с сыном не выселял. И не пытался. Тут что-то не так. Или вы ошибаетесь, или вас кто-то ввел в заблуждение.

Если б я ошибался! Но как быть с предписанием о выселении Камаевой, на котором в январские морозы с жаром настаивал тот же М. Лазутин? А что делать с иском заявлением в суд, подписанным С. Стародубцевым?

Удивительное дело: в райисполкоме, в жилищно-эксплуатационном участке и даже в горисполкоме (там заведено специальное дело) прекрасно знали, в каких условиях живут Камаевы. Знали, но равным счетом ничего не делали, чтобы хоть как-то помочь... Хуже того — никто из руководителей этих органов не пресек сразу же баталию с выселением, затеянную морозной зимой!

Мне говорили, что случай с Камаевой надо рассматривать объективно, комплексно, не отрывая от всех накопившихся проблем. Просили «войти в положение». А в каком «положение» войти? Искать оправдание волоките, бюрократизму? Да и не только волоките, не только бюрократизму, а еще и душевной глухоте. Именно глухоте к чужой беде, к чужому несчастью, к чужой судьбе, той самой глухоте, которая,

как ржа, подтачивает души, делает их ущербными. Скажите, какие нужны дополнительные распоряжения, чтобы помочь матери с больным ребенком?..

Я многим, кто так или иначе причастен к случившемуся, задавал эти вопросы. Однако ответа не услышал. А вот оправдания были. Должностные лица говорили о своей большой загруженности, об остроте жилищной проблемы...

Да, в городе велика очередь нуждающихся в жилье — более ста тысяч человек. Многие десятилетиями ждут квартиры! При этом с каждым годом увеличивается ветхий жилищный фонд: это последствия той недальновидной политики, когда капитальный ремонт отодвигался на неопределенные сроки. Дело усугубляется еще тем, что новые дома возводятся весьма медленно. Вместо ускорения строительства — снижение темпов. В 1985 году введено 464,7 тысячи квадратных метров общей жилой площади, а в 1986-м — всего 417,3 тысячи. Кроме того, еще немало различных злоупотреблений при распределении квартир, нарушений жилищного законодательства. И как итог — люди перестали надеяться, что им помогут на месте. Только в прошлом году — по сведениям, полученным мной в горисполкоме, — в партийные и государственные органы, общественные организации, редакции газет и журналов поступило более семи с половиной тысяч жалоб, заявлений трудящихся.

В письмах не только личные просьбы, но и тревога за выполнение решений партии и правительства о том, чтобы к двухтысячному году каждая семья имела отдельную квартиру или дом. Если в Куйбышеве дела будут идти нынешними темпами, то эта государственная задача останется на бумаге.

...Когда материал готовился к печати, от Камаевой пришла телеграмма: ей предоставляют квартиру. Правда, неблагоустроенную — нет ванны, горячей воды, — но все-таки лучше полуподвала. Значит, после вмешательства журнала чужая боль все-таки прочувствована, услышана? Но полного удовлетворения исходом дела у нас нет. Потому что остается открытым вопрос: какое наказание понесли должностные лица, которые столь бесчеловечно поступили с больным ребенком и его матерью? И те, кто равнодушно взирал на это? Какие меры принимают руководители города, чтобы исключить в будущем подобные ситуации, навести порядок в своем жилищном хозяйстве?

Мы ждем ответа из Куйбышева.

Четыре месяца в Москве, на ВДНХ СССР, работала центральная выставка-ярмарка научно-технического творчества молодежи, посвященная XX съезду ВЛКСМ. В ее павильонах размещалось 3,7 тысячи экспонатов, созданных руками молодых новаторов. Главная цель выставки заключалась не столько в том, чтобы продемонстрировать лучшие образцы техники и научных достижений, сколько содействовать их быстрейшему внедрению в производство. Выставка должна была помочь реализации передовых идей, новейших конструкторских, инженерных, научных решений. Насколько это удалось?

На стенде лежал предмет, напоминающий отбойный молоток. Он не собрал вокруг себя массы любопытствующих — уж больно неказист на вид. Но именно его-то ожидает славная судьба — широкое внедрение, массовый «тираж». Этим «молотком» можно раскалывать гра-

нитные глыбы без помощи компрессора. Он очень нужен там, куда громоздкую технику не затащишь. Например, в глубоких и тесных штольнях, горных расщелинах, в дальних экспедициях... Компактен, сравнительно легкий, экономичен, удобен в эксплуатации.

Такое же решение принято и по другому, невзрачному с виду экспонату, который наверняка заинтересует шоферов, механизаторов, инженеров, механиков — словом, всех, кто имеет дело с машинами и механизмами. В прозрачной пробирке темнеет смазка с присадкой — жидкой одновалентной медью. Растворенная в смазке медь обволакивает трущиеся поверхности тончайшей антифрикционной пленкой, защищая их от износа. Оболочка постепенно стирается и сразу обновляется за счет новых ионов. Когда сей чудодейственный бальзам испытывали, то мотор с такой присадкой в картере, выработав плановый ресурс, остался как новый, другой же, работавший без присадки, потребовал капитального ремонта. В общем, это изобретение экономит народному хозяйству немало средств, а эксплуатационникам — существенную толику сил и нервов, которые они затрачивают на поиски запчастей.

Все это хорошо, но почему путевку в жизнь изобретениям вынужден давать Совмин? А потому, что при сложившейся традиции внедрения новинок науки и техники надежда на министерства и предприятия пока плохая. Хотя в данном случае речь идет не о расходовании валюты, не о многомиллионных затратах на капитальное строительство промышленного супергиганта. Всего-то скромный ручной агрегат для скальных работ. Всего-то присадка для смазки.

До сих пор судьба необходимейших машин и товаров, сравнительно простых в изготовлении, не требующих особых лицензированных средств и фондов, почему-то решается направленно в высоких сферах. Бедь только на выставке НТТМ-87 в Москве сколько разработок пред-

ставлено! А еще проводятся межотраслевые, отраслевые, местные выставки... Что ж, по каждому поводу надо обращаться в Совмин, чтобы там рассмотрели, решили судьбу какой-нибудь горелки к примусу? Или директора, главные специалисты заводов, фабрик, объединений неспособны определить значение новшества и внедрить его по собственному усмотрению? Думаю, все-таки способны. Но... внедрение новой техники влечет за собой дополнительные хлопоты, нередко связанные с перестройкой производства. Поэтому будущие выгоды от новшества в глазах многих хозяйственников ничто по сравнению с сегодняшним выполнением плановых заданий. Кроме того, за долгие годы отвыкли они без указаний «сверху» осваивать даже простейшие вещи. А министерствам, ясное дело, за каждой новинкой не уследить.

Павильон НТТМ-87 принял более миллиона посетителей. Но можно ли

мерить результативность такой выставки числом экскурсантов? Слово — заместителю директора выставки НТТМ Вячеславу Дроздецкому:

— Выставка, несомненно, должна рассчитываться на массового посетителя. Иначе нет пропаганды достижений науки и техники. Однако сегодня этого уже мало. Наш главный гость должен быть деловым человеком, а не просто любопытствующим. Только тогда выставочный павильон даст настоящий экономический эффект. Нет, не тот, что образуется из выручки за входные билеты. Надо пояснить? Сейчас отношение к выставке сродни отношению к рекламному проспекту: да, красиво, да, познавательно, да, порой ахнешь, удивляясь талантищу. А павильон надо приспособить в первую очередь для серьезной коммерческо-хозяйственной работы. Чтобы у стендов с экспонатами совершалась купля-продажа, заключались договоры на изготовление новых изделий, подписывались

Олег
ПОВЕТКИН
Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ

ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ

технику, а через них вышли на соответствующие предприятия... Картина оказалась грустной. Почти все предприятия сказали категорическое «нет». Объективные причины, трудности с материалами, рабочей силой... Вот что происходит, когда производство не слишком заинтересовано внедрять новую технику... Кроме того, сообщали нам, невыгодно заниматься производством технических новинок «самостоятельно» (читай — по собственной инициативе). Очевидно, на этих предприятиях и без нас внедряется множество видов современной аппаратуры, оборудования, приспособлений? Правда, по оснащению лечебных учреждений этого почему-то не заметно.

На выставке был представлен отличный пульсомер, вещь нужная и в домашнем быту, и в любой больнице. Нажал на кнопку, и, пожалуйста, на табло показана частота пульса, давление. Москвичи продемонстрировали криогенную технику для лечения злокачественных опухолей. И что же? Полное равнодушие к ним со стороны предприятий. К счастью, нам удалось все же добиться для этих изделий статуса государственного заказа. На сей раз даже обошлось без Совмина. Хаатило и решения Госплана... Это стало возможным благодаря вмешательству настоящих, непредвзятых, похорошему заинтересованных в успехе специалистов. Но сколько же экспонатов, достойных внедрения, так и остались «слоном в зоопарке», ушли как золото в отвалы у нерадивых старателей!..

Нет, сегодня выставка не только зрелище, но и место работы. Очень серьезной и нужной всем нам работы, которую не все хотят делать. Выставка — повод для дальнейшего совершенствования экономических отношений, хозяйственной деятельности, для укрепления связей науки и техники с производственной практикой.

Сегодня министерства и ведомства, участвующие в выставках, озабочены одним: собрать как можно более богатый урожай наград. Например, медалей ВДНХ. Тут они проявляют завидные расторопность и инициативу. Уже заблаговременно самые энергичные работники ведомств начинают пробивать «свои» разработки, делая основательный нажим на количество экспонатов. Они забрасывают организаторов выставки чуть ли не одами и панегириками в адрес представляемых разработок. Потому что медали ВДНХ распределяются в зависимости от количества представленных экспонатов. Больше экспонатов — больше медалей, меньше экспонатов — меньше медалей. И только попробуй отвергнуть какой-то из них... Куда там! Сразу раздаются: люди работали, старались, ночей недосыпали, а вы... И вот уже на стендах расположились предметы, у которых, заранее ясно, никто и не остановится. Разве что знаток глянет и изумится: «А что, собственно, эта штукавина делает тут, на Всесоюзной выставке? Да ей место на стендах местного кружка «Умелые руки!»»

Ради чего — в погоне за медалями? Не только. Еще и для отчетности. Для солидности, так сказать. Допустим, спросят «сверху»: товарищи, а как вы работаете с творческой молодежью, как пестуете юные таланты? Ответ готов: отхватили столько-то медалей, рады доложить об успехах! Положение о наградах ВДНХ надо срочно пересматривать, дорабатывать в соответствии с требованиями дня.

Выставка не благотворительная организация. К тому же у министерств и ведомств достаточно других средств поощрить активных рационализаторов за их труд. Почему же они перекладывают эту миссию на отдел по наградам ВДНХ?

Порой до казусов доходит. Вот

пример. В нынешнем году организаторы выставки решили поставить заслон формализму в распределении наград. Собирая предложения министерств и ведомств, они одновременно создали и свое жюри, куда вошли специалисты Госкомизобретений, ГКНТ, представители общественности, изобретатели, рационализаторы... И что же? Выясняется, например, что ни одна из разработок молодежи Нефтекамского завода автосамосвалов, представленных к наградам Минавтопромом СССР, медалей не заслуживает. Зато жюри отметило другие экспонаты этого же завода: алюминиевую цистерну для перевозки различных агрессивных жидкостей — она лучше мировых аналогов по всем основным параметрам; вахтовый автомобиль высокой проходимости, салон которого отлично приспособлен для жизни и работы практически в любых погодных условиях...

А не приглядишься жюри повнимательнее, что бы ожидало эти экспонаты?

Если спортсмен, прыгнувший выше всех, по каким-то причинам окажется вдруг в стороне от пьедестала почета, он обратится с протестом к судейской коллегии. Почему бы не призвать к ответу лиц «проталкивающих» через выставку и даже представляющих к награде недоброкачественный товар?

Увы! Никакой ответственности за это ведомство не несет. Да и сами награды ни к чему их не обязывают. Медали сами по себе, народное хозяйство вроде само по себе. Но почему? Раз золотая медаль — значит, изволь запускать изделие в серию, закладывая в планы, в основу комплексных заданий, но не пуская автора по миру с его детищем. Авторы — люди. Молодые люди. Они — основа и надежда перестройки. Не каждый в состоянии соорудить нечто настолько беспрецедентное, что оно само пробьет и ведомственные барьеры, и личностные амбиции, и в конце концов окажется на пьедестале. Такое случается чрезвычайно редко, как и в спорте, где не всегда побеждают нокауты, а чаще по очкам, опережают соперника на доли секунды... В них, в этих очках и долях, — залог успеха перестройки. Значит, расчет необходимо делать на настоящую взыскательность, внимание к новинке, на объективность, честность, квалификацию судейской коллегии, если уж и дальше придерживаться спортивной терминологии.

Отношение к выставке как к празднику, как к спортивному мероприятию, как к рекламному плакату, как к испытательному полигону амбиций и пробивных качеств участников изжило себя давно, еще в дни, когда снимался фильм «Свинарка и пастух». Просто мы поздно это заметили. Самые тучные свиньи, самые удоистые коровы, самые мощные машины... Самые, самые, самые... А на фермах, заводах, полях, в карьерах, на дорогах... Трехсотграммовые привесы, двухтысячные надои, хилые комбайны... Не вылезавшие из-под капота, все в сольерке и масле водители... Кто подсчитает, во что обошлась нам эта показуха?

Но вот широко рекламируется легковой автомобиль «Ока». Сделан он молодежью, сделан, считается, для молодежи. Занимает место в ряду, казалось бы, наиболее благополучных разработок, имеющих счастливую судьбу. Запущен в серию, на нем уже ездят. Чего, казалось бы, еще желать? Но когда узнаешь подробности, то определения «благополучный», «счастливы» хочется поставить в кавычки. Почему?

«Тираж» автомобиля — всего 50 тысяч. Выпускается он на дедовских «тележках» чуть ли не вручную. Он, собственно, и планировался для полукустарного производства, рассчитан на технологию позавчерашнего дня. А стоимость его — четыре

тысячи рублей. Государству невыгодно выпускать такую машину. Кустарщина — штука дорогая, с высокой себестоимостью. Это было ясно задолго до пуска цеха-динозавра. Вред двойной — экономический и социальный. Ведь получается, что молодежь разработала не современный автомобиль, а телегу вчерашнего дня. Не такой машина была в первоначальном авторском проекте. Но посылку на современных автоматизированных линиях места ей не нашлось, пришлось «подогнать» ее под древнее оборудование, с помощью которого она сегодня выпускается. И все же «Оку» будут покупать. Будут, потому что за приемлемую для молодой семьи сумму на автомобильном рынке покупать больше нечего. Впрочем, есть «Запорожец», стоит он столько же. Но тогда зачем вообще производить «Оку», намного уступающую «Запорожцу» по техническим характеристикам?..

Словом, полная неразбериха.

Да, соглашаются автомобиль-строители, то была ошибка. Однако дальше этой фразы они не пошли, хотя логически продолжение напрашивается такое: «Оку» мы с кустарного производства срочно снимаем. Доработаем ее и запустим в серию по полмиллиона штук в год на современной технологии. Нет, этого сказано не было. Сегодня «Оку» вновь тащат на выставку в качестве экспоната, представляющего творчество молодежи. И не на какую-нибудь отраслевую...

...И все же в целом выставка прошла с успехом. Число «золотых» разработок достигло 130. Технические характеристики новинок и адреса авторов направлены во все советы научно-технического творчества молодежи, в хозрасчетные центры НТТМ, где они, надо полагать, пригодятся не только в качестве «информации к сведению». Достигнута договоренность с Гостелерадио СССР о выходе на телеэкран регулярной передачи, посвященной проблемам творчества молодых, под названием «Телеаукцион».

Началась подготовка к новой выставке НТТМ, теперь уже, очевидно, с цифрой 89. И хотя времени до ее открытия еще много, уже сейчас организаторы рекомендуют будущим участникам в первую очередь обратить внимание на принципы отбора экспонатов. Не стараться любой ценой застолбить свой приоритет, не стремиться во что бы то ни стало зафиксировать факт своего участия в выставке, а твердо осознать: разработки нужны не только как экспонаты, но как товар, необходимый людям. И, конечно, нужно вовремя позаботиться о технической документации, чтобы потом не пороть горячку. И еще нужны честность, правдивость аргументов в пользу выставочных разработок, объективная их оценка, а не расчет на «пробивные» бумаги солидных учреждений. Теперь по благу на стенды НТТМ не попадет ни один экспонат, численность которых, кстати, намечено уменьшить до полутора тысяч. Пусть их станет меньше, но пусть это будут работы по-настоящему талантливых молодых новаторов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуя эту статью, мы надеемся, что министерства и ведомства, Госкомитет по науке и технике не останутся равнодушными к судьбе научно-технических разработок молодых новаторов. Мы рассчитываем также получить от них деловые отклики: что конкретно будет сделано для скорейшей реализации прогрессивных идей.

смена

ФЕЛИКС ЧУЕВ

Памяти Михаила Громова

*Он лошадей любил удалых,
вожистый сам, как сильный конь,
и, как положено металлам,
он был и льдина, и огонь.*

*Летал и знал: не разобьется,
не разобьется никогда,
поскольку взять сумел от солнца
талант и волю для труда.*

*Сработал сам себя на совесть,
и на какую б ни взошли,
как говорил он, безвесомость,
дерзаний новых корабли,*

*пусть по неведомой планете
пройдет тень других времен,
никто не высветит на свете
такого подвига, как он.*

*Моторы в небо тянет жажда —
он испытал их торжество
и лишь не справился однажды
с мотором сердца своего.*

*Нет человека. Только голос
слетает с пленки, как с крыла...
Не просто небом
шел на полюс —
вся жизнь, как «от и до», прошла.*

*И в ней, земной, небесной, ратной,
незавершенья нет ни в чем —
он прожил так, что было правдой
все, что написано о нем.*

*■
Не хочу быть любимым поэтом —
я выдал у иных, как росла
незаслуженным, пошлым букетом
похвала,
а должна бы хула.*

*Не завидую — просто иначе
я глядеть на такое привык,
не ропщу и, конечно, не плачу,
понимая подачек язык.*

*Словно корка намазана лярдом
и над нею сиротский снежок...
— Вы становитесь, друг,
популярным! —
Смеляков мне сказал, как обжег.*

*■
Может, эти слова и негоже
принимать как огонь и как нож,
но в любой популярности все же,
хоть немножко, да кроется ложь.*

*Не хочу быть любимым поэтом,
потому что коробит меня
то, что слышится модным куплетом,
и за этим куплетом возня.*

*■
Но слова смеляковской науки
из теперь уже выцветших дней
перейдут в осторожные руки
язычками холодных огней.*

*■
Не знал я, что в самом начале
я правильно мыслил и жил!
О детстве счастливым кричали
плакаты, и счастлив я был.*

ЯЗЕП ОСМАНИС

Я думал о судьбах ужасных,
вливаясь в газетный листок,
и сверстникам стран буржуазных
отдал бы последний кусок.

Когда ж будут приняты меры,
чтоб были довольны, как я,
и все угнетенные негры,
и белые, те, что друзья?

Голодный, не ведал сомненья,
душой и стремленьем не мал,
я видел земли единенье
и всех бедняков обнимал!

Ведь дело не в чем-то особом,
в каком-то достатке, друзья,
а в том настроенье высоком,
когда по-иному нельзя.

■ Там, где не первым быть ему,
он снова первый стал,
великий нелюбимец
а не второй,

летчик Громов,
высокоуважаемый Герой.
В эпоху крыльев
стоит оглянуться —
он высвечен над ней как эталон.
Все знали:

до него не дотянуться,
и этим он отчасти объяснен.
Из воли,

мастерства и вдохновенья
натуру чемпионскую слепа,
он превзошел и славу,
и забвенья,
все пережил.

Но только не себя.

■ Я лишился родителей рано
и умею почуять вранья,
но придумали правду,
как рану,
про меня и про детство мое

те, что клешем мели тротуары,
с мамой-папой росли без нужды
и под хрип прилпатенной гитары
столько плюнули злой ерунды!

Понимаю, что тоже не сладко
им и прочим в ту пору жилось,
да не хуже, чем мне, и, однако,
помню я доброту, а не злость.

Да, я прямо глядел.
Не обижу
первых лет незабывтый озноб.
Все, что глаз моих было повыше,
было запросто в бровь или в лоб.

Неужели был слеп, неужели
обманула победная медь
наших песен,
которые пели,
потому что хотелось их петь!

Я, как финка,
прошел сквозь науку
поселковой отпетой шпаны,
подражая, однако, не уркам,
а героям великой войны.

Сказки

Самые лучшие сказки в детстве живут,
в детстве, когда мы еще чудесам доверяем,
и, полагая,

что после они прорастут,
мы семенами их в детскую душу роняем.

Дни убегают, и солнце, как веретено,
новые дни и заботы иные приносит.
Мельница кошки не мелет у печки давно,
старые годы никто передвинуть не просит.

Старые сказки уже обросли бородой,
в старые годы уже мы дороги не знаем,
то у одних мы начало забудем порой,
то у других мы счастливый конец забываем.

Только лишь сердце не хочет, не может понять,
тщетно надеясь,
что сказка помочь в жизни может...
Сказку такую мечтаю тебе рассказать,
чтобы в нее ты со мною поверила тоже...

Времена года в Латвии

Какое же в Латвии лучшее время,
когда небосвод над землею яснее,
когда излучает свечение лес
и веет покоем с высоких небес?
Наверное, май — первых листьев рождение,
цветения яблонь и пчел завихренья,
когда напрягается ветка в струну
и птицы спешат возвратиться в страну.
А может, июнь, когда рано светает
и лето венки из ромашек сплетает.
А может, июль, когда дождик грибной
блеснет, словно радуга, над головой.
Как долго потом будет август нам сниться
с тяжелыми косами спелой пшеницы,
с падением яблок в ладони земли,
с глухими ударами сердца в груди.
И, кажется, заново мир расцветает,
когда первым снегом поля заметает,
когда первый лыжник проложит лыжню
сквозь ельник, как будто сквозь книжку мою.
Какое же в Латвии лучшее время?
Когда будет солнце сиять надо всеми,
росу испаряя, над морем горя
и людям короткое счастье даря.

Вечер добрый

Вечер добрый. Ах, как быстро
вечер наступает.
Жизнь была, и день смотрел
светлыми глазами.
Голый тополь за окном
вечер в дом впускает.
А потом уже и ночь
прилетит за нами.
С каждым годом дни мои
будут все короче.
Будут гаснуть все быстрее
перед жизнью новой.
Лишь бы видел я тебя
перед этой ночьюю.
Лишь бы ты шептала мне:
добрый вечер, добрый...

Под тяжестью ветра

Поля белоснежные, леса белоснежные,
сны белоснежные.
На сердце легко, словно дни возвращаются
прежние.
И ты, словно ветка,
пронзенная грустью и светом,

от тяжести гнешься
под снегом холодным и ветром.
Серебряный иней не склонит тебя,
так уж было.
И в жизни не раз ты
сквозь зимние дни проходила.
Тропа белоснежная, жизнь белоснежная.
Лишь на мгновение
замрешь, чтобы снова идти вперед
без сожаления.

Рассвет

Когда в пути рассвет встречал,
Луч солнца в грудь мне бил,
Я в сердце целый мир вмещал,
Я жил.

Пусть жизнь то сладка, то горька,
Но загоралась кровь.
От дуновенья ветерка
Дрожало сердце вновь.

Всем — доброго пути, и вдаль,
Покуда хватит сил.
Мне ни мгновения не жаль,
Я жил.

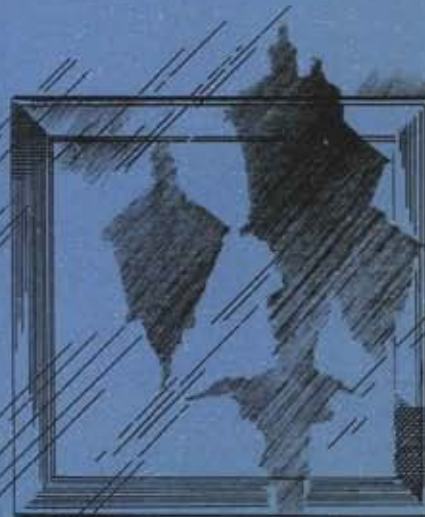
Воздушный поцелуй

В спешке вечной
нет времени годы копить,
только ты от того не грусти,
все равно, то, что было,
уже не забыть,
остается лишь дальше идти.

Но наступит мгновенье —
и свяжет узлом
время юные наши года,
и тогда поцелуй
мы в былое пошлем
и о старости вспомним тогда.

И в такую минуту важнее всего
не за прошлым идти по пятам,
а чтоб смог поцелуй
улететь далеко
и чтоб кто-то вернул его нам.

Перевел с латышского
Александр ШАТАЛОВ.

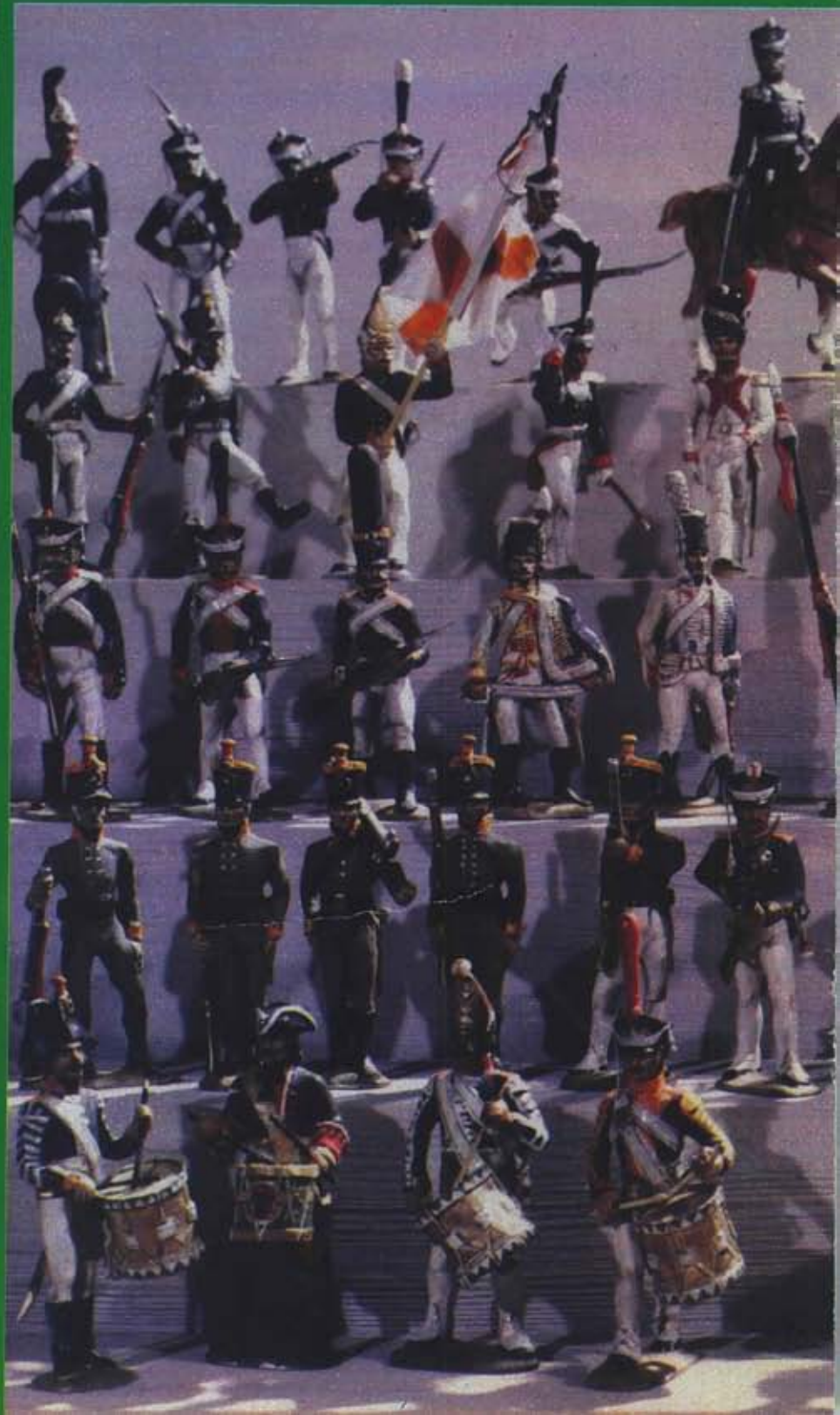

Алла БЕГУНОВА.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

И ОЖ СТРАНИЦЬ

Такую военную форму носили, быть может, их прапрадеды.

ИМИ ИСТОРИИ

Оловянные солдатики — увлечение и детей, и взрослых.

Аля начала нам потребуется сорок частей свинца и шестьдесят частей олова, расплавленных в тигле, твердый скульптурный пластилин, алебастр, паяльник, комплект резцов, изготовленных из обычных надфилей, масляные краски и... специальные знания по военной истории — Александр Жданкин, молодой житель подмосковного города Люберцы, готов дать подробнейшие пояснения. Ведь изготовление оловянных военно-исторических миниатюр, а проще говоря, оловянных солдатиков, имеет немало секретов, доступных только мастеру.

Саша сидит за столом, где на белой скатерти, специально для гостей, расставлены разноцветные фигурки. Его друзья Александр Ломзин и Владимир Балов демонстрируют нам новые и новые работы, удивляющие законченностью форм, филигранностью отделки, проработкой деталей.

— Вот первые образцы нашего совместного творчества, — говорит Ломзин. — Сравните, пожалуйста. По моему, прогресс налицо...

Спорить не приходится. Прогресс действительно налицо. И понятно, что за этим кропотливая, ювелирная работа, невероятная усидчивость, огромное трудолюбие. Чем же привлекло ребят нелегкое занятие?

Саша Жданкин в детстве увлекался рисованием, лепкой. И, как все мальчишки, интересовался военной техникой. В семье его немало говорили о войне: в гражданской, в Великой Отечественной участвовал дед. Стал постарше и заглянул в более отдаленные эпохи. Для него живыми предстали Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Первый, Суворов, Кутузов. Прочел множество книг по военной истории, и, когда вместе с друзьями увлекся изготовлением оловянных солдатиков, страницы этих книг будто ожили: вот так выглядели наши предки в своих мундирах, так воевали, так побеждали, так умирали за родину на поле боя.

Итак, увлечение оловянной миниатюрой помогает глубже понять славную боевую историю нашего народа. Ощутить ее, приблизиться к ней с помощью предметов, вещей военного быта ушедших эпох. Здесь нельзя не упомянуть, что токарь Владимир Балов, инженер-экономист Александр Ломзин и инвалид I группы Александр Жданкин провели работу,

близкую к научно-исследовательской. Досконально изучив исторические источники, найдя недостающие материалы и сведения, скрупулезно воссоздав утерянное, они восстановили чертежи уникального русского изобретения XVIII века, не имевшего аналогов за границей, — артиллерийского орудия «единорог». По чертежам изготовлена точная модель орудия в масштабе 1:30.

Я знаю, поиск ребят оценен специалистами, их коллегам по увлечению. И тут, наверное, пора сказать о том, что Жданкин, Ломзин и Балов совсем не одиноки в своем интересе к военной истории. В Москве при поддержке ЦК ВЛКСМ с 1982 года существует клуб создателей оловянных миниатюр, любителей и знатоков русской и советской военной истории. Называется он Военно-исторической комиссией (ВИК) и действует при Центральном совете Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. На одном из заседаний ВИК и были детально рассмотрены и обсуждены чертежи «единорога» и его модель.

Военно-историческая комиссия проводит свои заседания раз в месяц. У нее есть устав, есть бюро, избранное на общем собрании, есть проверенные практикой формы работы. Есть и признанный лидер — председатель ВИК художник Петр Космолинский, известный своими работами в области оловянной миниатюры. Начинал он один, а теперь рядом с ним — целый отряд единомышленников. На сегодняшний день в ВИК более 110 членов. Это люди разных возрастов и разных профессий.

Александр Михайлович Горшман, в прошлом офицер-сапер, получил тяжелую контузию, в мирное время обезвреживая снаряды и бомбы. Почти потерял слух. Но увлекся военной историей и стал настоящим специалистом по униформологии. С его помощью были обнаружены два прежде неизвестных портрета Лермонтова. И именно по мундиру, по «выпушкам, погончикам, латничкам».

Александр Александрович Смирнов — полковник. Он, кажется, знает об Отечественной войне 1812 года абсолютно все. Написал несколько книг на эту тему, является членом ученого совета музея-панорамы «Бородинская битва».

Александр Сомов — молодой врач. Он избрал предметом изучения униформы тех армий, с которыми рус-

Автор этих миниатюр — художник Петр Космолинский.

ским приходилось сражаться в XVIII—XIX веках. В его коллекции — около двухсот фигурок, выполненных в масштабе 1:13.

Посвятив свое свободное время военной истории, точнее, прикладным ее областям: наградным знакам, униформе, вооружению и т. п., — собрав собственные библиотеки специальной литературы и составив коллекции, эти энтузиасты приобрели знания, в наше время почти никому не доступные и, к сожалению, мало распространенные. Теперь они хотят эти знания распространить, сделать их достоянием общества. Хотят развить своим увлечением всех, кому дорого славное боевое прошлое нашего народа. Они уверены, что оловянный солдатик может очень хорошо послужить военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Потому они стучат во все двери, обращаются ко всем заинтересованным организациям. Они пишут письма в издательства, редакции газет и журналов, отмечая все удачные и неудачные публикации по военной истории. Они консультируют музеи и съемочные группы военно-исторических фильмов, участвуют в выставках, отечественных и зарубежных, ездят по городам с экспозициями своих работ, читают лекции на предприятиях и в учебных заведениях как лекторы общества «Знание».

Некоторое время им казалось, что эта деятельность имеет лишь узкоспециальное значение. Но одна публикация в «Комсомольской правде» заставила иначе взглянуть на свое увлечение. Это было письмо члена ВИК Михаила Лидина из Барнаула, в котором он через газету обратился ко всем любителям военно-исторической миниатюры, просил откликнуться единомышленников. Лидин получил более трехсот откликов, причем подавляющую часть — от сверстников.

Таким образом выяснилось, что молодежь привлекает это занятие. Она хочет знать не только историю общественных формаций, политических течений и войн (что преподают в школе), но и историю жизни, быта рядовых участников эпохальных событий.

Михаил Лидин, не успев ответить своим корреспондентам, отправился на службу в армию. Подробные ответы всем без исключения адресатам дали другие члены Военно-исторической комиссии. Разъяснять им пришлось и с чего начинать работу, и как обращаться со свинцом и оловом, как раскрашивать оловянных солдатиков и что читать по униформологии, истории вооружения.

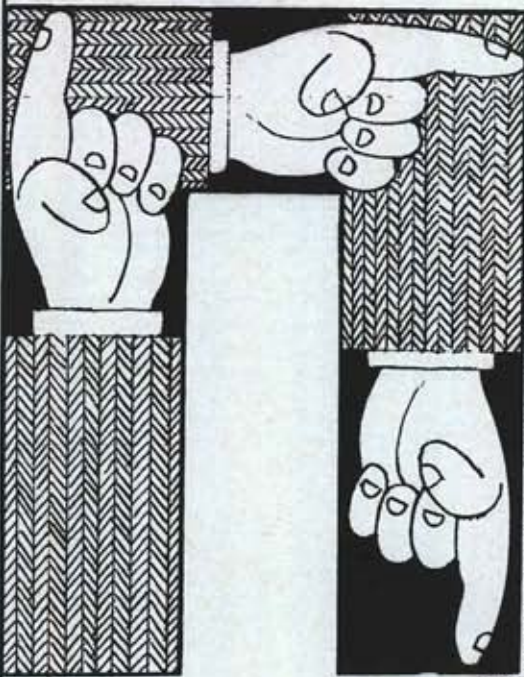
Пропаганда приносит свои плоды. Еще в семи городах «по образу и подобию» московской ВИК возникли подобные объединения. (Исключение составляют ленинградские энтузиасты, еще в шестидесятые годы объединившиеся в военно-историческую секцию при Доме ученых.) Более чем со ста городами ВИК ведет переписку, снабжая живущих там любителей военно-прикладной истории необходимыми материалами.

— Мы стараемся помочь всем, кто к нам обращается, — говорит заместитель председателя ВИК инженер Александр Таланов, — но многое сделать просто не в силах. Единственное помещение — зал в доме № 4 по улице Рылеева — выделяют только на два часа в месяц. А нам нужны постоянно как минимум три помещения: для библиотеки, для мастерской, выставок работ...

Чувствуя общественный интерес к своему увлечению, энтузиасты, конечно же, стараются поделиться с другими всем, что имеют сами: опытом, навыками, знаниями. Но нуждается ВИК в конкретной помощи: помещения, регулярные публикации материалов по военно-прикладной тематике. Да, клубу надо помочь. Дело того стоит...

НА ПОШИБКАХ УЧАТСЯ

Евгений
ДОДОЛЕВ

Отношение к молодежи — особенно в последнее время — характеризуется широкой амплитудой: то мы беспричинно, безудержно причитаем о духовной неурядице молодых, то бьем себя в грудь: «Взрослые-де сами во всем виноваты», то, напротив, укоряем еще не определившихся в жизни юношей и девушек — не на верном, мол, пути. И принимаем порой соответствующие радикальные меры, регламентирующие будущее молодого человека не самым желательным для него образом.

В корне слова «наставники» слышатся поучительные, строгие интонации, которые кристаллизуются порой в обоюдонеприступную баррикаду. Конечно, заигрывать с молодежью не надо, даже дети недоверчиво выслушивают покровительно-снисходительное сюсюканье. Но старшим не мешает стать внимательнее, честнее во всем разбираться, не упражняться в морализаторстве, но вести самый настоящий диалог, а не беспепелляционно вершить судьбы подопечных, как должностные лица в описанных ситуациях.

ромозглым, пасмурным днем Андрея попросили освободить комнату общежития. В его трактовке мотив был такой — «захотели выбросить на улицу, как бездомную собаку». С беременной женой и годовалым младенцем на руках.

Это, так сказать, кульминационный момент взаимонеприятных «разборок» Андрея с его альма-матер.

Не ведал он, не гадал, что так закончится его студенческая карьера в Московском университете, когда, задолго до этого ненастного дня, находясь на летней практике в Крыму, столь безответственно отмахнулся от своего обещания: быть такого-то числа в военкомате.

Локти потом кусал студент из-за своего беспечного головотяпства: были нервные походы и в военкомат, и в отделение милиции, в прокуратуру и в райком комсомола. А толку?

«...Лишь при содействии 76-го о/м г. Москвы Андрею Владимировичу Фурнэ, 1961 г. р., студенту III курса геологического факультета МГУ, была вручена повестка в Гагаринский РВК... Во время неоднократных бесед в... комитете ВЛКСМ Андрей признавал, что... сознательно уклоняется от призыва в ряды ВС СССР. Тем самым он совершил действия, наказуемые в уголовном порядке».

Справка по персональному делу комсомольца смахивает на приговор. Андрея стремительно исключают из комсомола, затем — из университета. Еще бы! «Военкомат передал материалы на А. В. Фурнэ в районную прокуратуру». Такие вот дела.

Заметный на курсе, способный студент, отличник. Признанный фаворит преподавателей. Организатор научной работы. Обладатель грамот и благодарностей. Староста группы начинающая с 1-го курса. Комсомольский стаж — без малого 10 лет. И вдруг «... в уголовном порядке». Составлявший справку секретарь факультетского бюро комсомола явно перегнул палку. Решать такого рода вопросы — прерогатива судебных инстанций.

Во всех перипетиях незадачливого призвыника вполне компетентно разобрались правоохранительные органы.

Выяснилось, что горе-призывник не сумел толково разъяснить причину своей задержки — более позднее, чем ожидалось, окончание срока практики — работнику военкомата. А тот, в свою очередь, погорячился и, обвинив студента в несовершеннолетних им гре-

хах, чуть не подвел его под статью, что называется. Коса на камень... Не услышали, получается, друг друга два взрослых в общем-то человека. Тем не менее вина не поровну! Как-никак старший по возрасту, опытный (по стажу работы) офицер с очень уж легкой душой определил для себя: Андрей — отрезанный ломоть.

Прокуратура района закрыла несколько надуманное, сказать по правде, дело. Однако в университете рассудили — прокуратура нам не указ. И оставили свой «приговор» в силе. Согласно, видимо, некоему «УК МГУ», основанному на презумпции виновности, очевидно. Не захотели признать, что малость поторопились.

Когда вся подноготная этой истории стала известна в группе, состоялось экстренное собрание. Решили — ограничиться выговором. На более серьезное наказание лжедезертир, по мнению сокурсников, не тянул. В факультетском бюро это расценили как «непринципиальное отношение и нетребовательность к своему товарищу».

Но ведь в самом деле — к товарищу, с которым не один год делили они нагрузку семестров, волнения и тревоги сессии, отраду и расслабленность каникул, упительность и загар летней практики. Андрея знали и уважали не только как старосту. Ему многие сочувствовали, понимая, что стал он жертвой досадных обстоятельств и накладок, «попал под лошадь», как говорили.

Собственно, большего Андрей и не желал. Сохранить доброе имя. Чтобы не перешептывались за спиной у жены: «Ну вот, Светлана второго ребенка ждет... Ясное дело — рассчитывают на очередную отсрочку для Андрея. Лишь бы в армию не идти».

Огромными, не вмещающимися в карманах брезентовой куртки ладонями и солидной черной бородой Валентин куда больше похож на будущего геолога, нежели Андрей. Выглядит (не иначе из-за той же бороды) несколько старше. Хотя на деле пятикурсник Московского энергетического института Валентин Соломатов младше бывшего студента геофака МГУ Андрея Фурнэ на целых три года. И о «геологической» романтике знает только как руководитель КСП факультета по «костровым» песням.

Общее в их студенческих биографиях то, что обоих исключили из вузов «за дезертирство». Что касается Соломатова, то — с трудового фронта. Он поехал на «картошку». Хотя, если быть точным, согласно приказу Минвуза, СССР, причиной отчисления может

служить лишь академическая неуспеваемость или аморальный поступок.

Чего греха таить, в отличие от Фурнэ Соломатов учился не блестяще. Но за должностей у него не было. А вот насчет «аморалки»...

Декан Николай Владимирович Астахов, оправдывая суровую меру по отношению к Валентину, счел возможным припомнить без пяти минут выпускнику выговор на первом курсе, ссору с преподавателем на втором... что-то там еще. Дела давно минувших дней, словом. Действовал декан с этим прокурорским размахом, но без учета срока давности, как положено у юристов.

Право, у Валентина характер далеко не сахарный. Бывает резок и вспыльчив. Правду-матку в глаза запросто рубанет, что не всякому по нраву... Кандидатура для принятия дисциплинарной кары самая соблазнительная. Неудобный.

Короче, у декана рука не дрогнула, когда он подписывал докладную. При чем дату — 03.09.86 — указал такую, что выходило: Соломатов — тот еще плут, поскольку в институт-де пришел уже после отправки курса на сельхозработы.

А между тем «дезертир» был на факультете накануне отъезда. Приходил не отпрашиваться от работы, а с просьбой перевести его на «внутривуз» (работу в городе). И не был голословен: документы удостоверения, что состояние здоровья его беременной жены (обморок за обмороком) не позволяет ему на месяц оставить ее в пустой квартире без присмотра.

...Хорошо еще, что никому не пришлось в голову обвинить Марину Соломатову в том, что она намерена родить, дабы помочь мужу «уклониться от выполнения гражданского долга».

«В 4.00 27 июля 1986 г. сотрудника 1-го о/м г. Москвы в комнате общежития Московского института народно-хозяйства были задержаны студенты Зограбян, Корнаев, Насиров. На окурке и марле, изъятых у Зограбяна Т. Н., и в смывах с лица и рук Насирова А. А. обнаружены следы вещества гашиш. Медицинским освидетельствованием всех троих установлены признаки послепаркотического опьянения».

Подписанное районным прокурором, это письмо не было ни первым, ни последним в адрес Плехановского института относительно «тройки наркоманов».

Самое первое пришло из отделения милиции, в которое той летней ночью были доставлены ребята. Отчислили их, само собой, в мгновение ока, сразу после прочтения бумаги.

Наркоманов — вот из стен альма-матер. Все верно. В том смысле, что — вон. А вот как насчет доказательств?

Ни с одним из трех не переговорили. Минуты не нашлось, чтобы побеседовать со студентами. Пусть гневно, но спросить: как такое могло случиться? Или самим задуматься: что произошло? С отличником учебы Зограбяном. С кандидатом в члены КПСС, командиром оперотряда Корнаевым. С окончившим школу с золотой медалью Насировым.

Рубанули сплеча. И стояли на своем с завидным упорством. Даже после того, как ребята рассказали, что их шантажировали. После того, как вымогавши у них взятку проходимец получил свои 4 года. (На суде выяснилось: обыск в общежитии происходил без всяких санкций; пепельница с окурком вещественным доказательством не является, так как изъята в отсутствии понятий; загадочное «серое вещество в кульке» обернулось чаем грузинским, 2-й сорт; «протокол изъятия марли в 1-м отделении милиции утерян» и т. п.)

После того, как Управление уголовного розыска установило, что «направление заместителем начальника 1-го о/м Ерохинем А. Н. информации по месту учебы произведено необоснованно».

После того, наконец, как «постановление бывшего заместителя начальника 1-го о/м майора милиции

Голованова Н. И. о привлечении Зограбяна и Корнаева к административной ответственности отменено и им принесены извинения» и в МИНХ пришло официальное письмо, отзывающее «липу» из милиции...

Так вот, после всего этого в институте крепко призадумались и решили защищать... честь мундира. А посему не зарегистрировали в канцелярии оправдывающее ребят контрписьмо — ему нашлось место в столе юриконсульта вуза.

Зато из прокуратуры «пришло» (не почтой, а с помощью спецгонца) письмо, дублирующее бумагу из отделения («В 4.00...» и т. д.), и прокурорской подписью под ним, как цитом, парировали в МИНХе материнские мольбы и вполне обоснованные рекомендации куратора курса, присутствовавшей на суде, о восстановлении оговоренных...

Почему так случается, что веры одной-единственной бумажке бывает больше, чем слезам и словам ничем себя покуда не запятнавших людей?

Отчего так спешно и безоговорочно доверяем мы наветам, пусть даже и украшенным круглой печатью? Что за преклонение перед официальным бланком? Почему слова машинописные так магически действуют на нас, что живой голос словно бы и не слышен становится?

Разве есть у кого-либо право решать судьбу коллеги или тем паче подопечного, не задав ему ни единого вопроса? Не попытаться разобраться, что к чему?

Почему охотнее мы разворачиваем палец вниз? Конечно, вопрос вроде не гладиаторской жизни, а всего лишь... А чего, собственно? Сломленного бедой человека втоптать в грязь проще, попранным достоинству доверия меньше, сперва надо «отмыться»... Будущность одного-двух людей для бюрократа, привыкшего воспринимать фамилии в списке записанных на прием как некий перечень досадных, назойливых помех, — сущая безделица!

Значит, вопрос не в судьбе отдельных людей, а в утрате нравственных устоев, делающих человека таким, каким он быть обязан, — честным к другим. И к себе.

Если презумпция невинности не превратится из понятия абстрактно-юридического в категорию нравственно-утилитарную, если этот гуманный принцип не ляжет краеугольным камнем нашей морали, то бедам повторяться. Будут множиться ошибки. И каждая из них не просто покалеченная судьба, разочарование в идеалах, но и возведение в квадрат хамства и цинизма всех уверовавших в свою непогрешимость и всевластие бюрократического подхода к человеку, еще один аргумент в поддержку тезиса о том, что существуют, мол, две правды.

Наверное, перестраховочное решение (пусть речь идет всего-навсего о чьей-то карьере) подобно неправильному диагнозу. Оно, такое решение, может спровоцировать новый недуг, позволит запустить существующий, и в итоге преступно.

Врач не имеет права на ошибку. Невсет за нее юридическую ответственность в конце концов. А руководитель? Администратор? Профсоюзный деятель? Комсомольский вожак?

Так уж сложилось, что студент во многом беззащитен. Где-то даже бесправен, если рассматривать его как клеточку минувшего организма.

Это не мнение абстрактного «забитого студента». Как раз нет. Сам студент настолько свякся с мыслью о своей «правовой» уязвимости, что вряд ли задумывается над тем, что в суд он, скажем, с иском о восстановлении обратиться не может... О неогороженности студенческих прав не раз говорил в своих выступлениях председатель совета ректоров московских вузов Владимир Николаевич Виноградов. А уж он-то в курсе дел — четверть века ректором. (Наверное, всякий выпускник остается в душе студентом!)

Дело не только в том, что институты «обвешаны» бесчисленными минузов-

скими инструкциями, а в том, что при масштабности планов перестройки высшей школы как-то обходится стороной едва ли не основной вопрос — студенческих полномочий. Худо-бедно, но студенты реализуют политику своего вуза. Но сегодня этого просто недостаточно. Они должны по-деловому участвовать в формировании этой политики. Так, как это сделал тот же Виноградов в своем вузе — Московском институте нефти и газа имени Губкина; впервые в истории отечественной высшей школы он пошел на смелый эксперимент: ввел в ученый совет десяток студентов, то есть приобщил через эту «студенческую фракцию» к управлению всем институтским механизмом каждый его «винтик». Сегодня это становится общим правилом...

Конечно, разговор не о том, что, мол, студентов исключать негоже. Как знать, быть может, напротив, отчислять надо чаще и больше. Дамоклов меч отчисления — убедительный стимулятор активности. Но самое существенное — кого и за что. Не секрет: в институтах хватает и бездарей, и откровенных лентяев, твердо уверовавших: государство, вложив в их образование зную сумму, заинтересовано получить «на выходе» запланированное количество дипломов, а уж качество знаний, мол, дело десятое.

Но коль скоро уступчивость, — оплачиваемая из государственного кармана, между прочим, — покладистых, «добрых» преподавателей сменится жесткой требовательностью, то не радивые школяры отсеются сами собой. Преимущество здоровой конкуренции налицо. Станет ясно, кто есть кто. (И в среде профессоров тоже, кстати.) Смело можно прогнозировать появление массы свободных рук. Вырастет престиж диплома. А с мечтой о нем расстанутся те, кто учится спуская рукава, совмещая необременительное сидение на лекциях с сомнительными заработками на стороне. И те, кто попал в институт по знакомству (протекционизм разлагает, он опасен). И уж тем более придется либо уйти из института, либо ввязаться за дело всем привыкшим заполнять зачетку «автоматом», прикрываясь «активной общественной деятельностью» (а по существу, бесполезной трескучей говорильней), «временными семейными обстоятельствами» (тянущимися от «академки» к «академке») и спортивными разрядами (ведь репутация альма-матер складывается не из успехов сборных команд на стадионах и аренах). В условиях должной взыскательности утвердится естественный отбор. А за каждую действительно некрасивую провинность студенты сами выгонят недостойного. Недаром сейчас столько разговоров о САМОуправлении...

Однако разговоры разговорами, но пока за нравственное здоровье студенчества отвечает прежде всего комсомол. Всегда ли вузовское руководство принимает во внимание мнение комсомольцев?

...Трое «наркоманов» оказались за воротами Плехановского института в конце прошлого года. Пока суд да дело, сокурсники не сидели сложа руки. Ходатайствовали об отмене приказа на собраниях. Заносили свои решения в протоколы. Невзирая на некоторый прессинг со стороны руководства, с достойной твердостью отстаивали свое мнение. «Если не мы возьмем на поруки парней, то кто же еще им поможет?» — таков лейтмотив выступлений, обретших статус документа после занесения в протокол собрания. Разве это корпоративная солидарность школяров? Нет, это принципиальная, совестливая позиция людей честных и за свои слова готовых ответить. Только слушать их тогдашнее руководство не пожелало, все просьбы — как об стенку горох.

Приказ был-таки отменен. Но — увы! — не в октябре 1986 года (когда было принято соответствующее решение факультетского бюро комсомола), а лишь весной 1987-го. Более полугода

исключенные студенты писали не конспекты и лабораторные, а пространные письма и жалобы в самые разные инстанции. Заучивали не формулы, а канцелярские обороты... Новый ректор Владимир Павлович Грошев, принявший МИНХ в этом году, отменил распоряжение, столь поспешно перечеркнувшее судьбы студентов.

Со скрипом, с натугой, но правда все-таки восторжествовала. «...На и. о. ректора Волкова О. И. наложено партийное взыскание. Деканам механического и технологического факультетов... а также юриконсульту института... поставлено на вид за формальный подход при подготовке решения об отчислении».

...Пусть лишь отчасти, но все-таки честную позицию занял в истории с Валентином Соломатовым секретарь факультетского бюро. Во всяком случае, письменно подтвердил, что Валентин был в деканате до отъезда курса на «картошку».

Правда, потом он пошел на поводу у бывшего (теперь уже!) декана, но для любого противоядия администрации требуется изрядная доля мужества.

Соломатова восстановили в МЭИ. После разбора столь очевидно раздутого «дела» комиссией Минвуза.

А ведь институт мог потерять дельного выпускника. Государство — толкового специалиста. Соломатов (сразу по восстановлению) проявил себя как вполне состоявшийся инженер. Им запатентовано изобретение... Месяц назад Валентин, сдав госэкзамены, вышел на преддипломную практику.

А Андрей Фурнэ служит на Крайнем Севере. Скоро домой, в Горький... Круто обошлись со своим студентом в столь горячо любимом им университете.

Не посчитались с мнением группы, а ведь учившиеся с ним бок о бок знали его не хуже, чем принимавшие жестокое решение. Запросто мог Андрей разобидеться на весь белый свет. Но нашел силы начать сызнова. Свидетельством тому его письма из части: «Не дожидаясь ответа на апелляцию, отправленную в МГК ВЛКСМ, я снова вступил в комсомол... Избран секретарем бюро ВЛКСМ роты... членом комитета ВЛКСМ батальона... заместителем секретаря комитета... выполнением обязанностей секретаря... Вот такие бывают в судьбе повороты».

Наверное, это — распространенное заблуждение, что жизненные невзгоды идут на пользу, страдания, мол, облагораживают. Попав в подстроенную стечением обстоятельств ловушку, человек, и молодой прежде всего, очень рассчитывает на выручку, понимание. Это тем более касается молодежи современной, поскольку ее культура зачастую оказывается изолированной от старших, замкнутой на самой себе, стало быть, связей с окружающим миром меньше, и мироздание воспринимается как некая капризная и недоброжелательная сила.

Молодые, даже представляющиеся такими неуязвимыми анархистами, отчаянно нуждаются в учителях, которым могли бы верить. На которых могли бы положиться.

Студенты всегда слыли племенем беспокойным, к несправедливостям чутким, импульсивно реагирующим и на хорошее, и на плохое. Разумно, наверное, в рамках складывающейся сегодня системы самоуправления в высшей школе продумать и ходы обратной связи в tandem «студенчество — преподаватели». Чем выше уровень доверия, тем строже спрос. Но спрос — по делу. Ни на одного нельзя махнуть рукой. «Если не мы, то кто?»

Беспечно отгоражив нескольких, как-то упускают из виду: такие «недочеты в воспитательно-профилактической работе» приводят к ставшей уже притчей во языцех неприкаянности молодежи.

Той самой молодежи, которой нужны поддержка, понимание и искреннее, непоказное сочувствие. В конце концов на ошибках ведь и учатся.

МЫ ВМЕСТЕ

Миша, только честно: вы выбрали такое обязывающее название своего театра, к тому же слава твоего отца Олега Николаевича Ефремова, создавшего легендарный «Современник» в 60-е, к тому же твой возраст — 23 года для художественного руководителя по нашим понятиям вещь необычная, к тому же... Словом, таких «к тому же» может быть очень много. Не страшно?

— Конечно, страшно. Но мы пока идеалисты, мы с жизнью мало сталкивались, так что верим... А что касается отца... У нас в студии — Ефремов, Высоцкий, Невинный, Евстигнеева. Все — дети известных родителей. И это комплекс, наш комплекс. Но с другой стороны, а мы-то в чем виноваты? Конечно, я понимаю, нам повезло, мы вот так сразу, вдруг как-то состоялись, нам позволили создать театр. Естественно, с нашими фамилиями у нас более «зеленая улица», чем у других, наверное, так. И мы это понимаем. Но ведь мы и другое понимаем — каждый для себя отлично понимает: если к нам не будут ходить зрители, если все только благодаря фамилиям, тогда мы действительно ничего не стоим. Если в нас будут швырять помидорами, когда мы выйдем на сцену, тогда мы разбежимся, и все на этом закончится. У нас психологических трудностей гораздо больше возникает. Мы вынуждены не один раз смотреть на мизансцену, а сто

раз, и ошибок нам не простят — мы это знаем. Из-за наших фамилий еще жестче спрашивать будут. Уже спрашивают. А мое лидерство... Меня нельзя назвать абсолютным лидером. Розовский, Белякович, Табаков — они лидеры абсолютные, они сами выбирали и собирали вокруг себя людей. В их коллективах точка отсчета — они. У нас же скорее коллективный лидер — совет. В него входят шесть человек: трое так называемых основоположников, авторов идеи создания театра, и еще трое выбираются от труппы. У меня, правда, два голоса на случай какой-то конфликтной ситуации...

— А они уже были, эти конфликтные ситуации? И вообще как ты считаешь, сколько вы продержитесь вместе, если, конечно, «не полетят помидоры»... И можешь ли ты сформулировать идею, которую принято называть главной, когда речь идет о создании нового творческого организма? Что нового вы хотите предложить в театральной эстетике?

— Меня в нашем диалоге только одно смущает — и это тоже комплекс сына Ефремова, — мне очень не хотелось бы выглядеть молодым нахалом, который формулирует что-то там новое в театральной эстетике. Я, конечно, попробую объяснить наши общие взгляды на театр, но скорее они основываются на интуитивном ощущении перспективы... и они могут быть даже ошибочными. Надо проверить делом. Но мы хотели бы развиваться на базе

При московском театре «Современник» создан театр-студия «Современник-2». Художественным руководителем молодежного коллектива стал недавний выпускник школы-студии МХАТ Михаил Ефремов. Первый спектакль студийцев, «Пощечина», поставленный по произведению Ю. Олеши, вызвал интерес и зрителей, и прессы. И все же дело не только в самом факте открытия нового театра-студии. Гораздо важнее другое — руководство «Современника» предоставило молодым выпускникам школы-студии право на самостоятельность.

С Михаилом
ЕФРЕМОВЫМ
беседует
корреспондент
«Смены»
Андрей КУЧЕРОВ.

психологического театра. Это, наверное, естественно — мы выросли из школы-студии МХАТ с его исповедальной традицией театра психологического. И я совершенно не согласен с Ефремовым-старшим, когда он называет «Пощечину» формалистическим спектаклем. Он говорит, что это не его искусство...

— А ты как относишься к спектаклю Ефремова-старшего?

— Я не могу сказать, что они мне

Искренность —

это самое главное в театре.

Так считают молодые актеры

«Современника-2».

«Открытый театр»,

«театр без четвертой стены» —

вот как без видят они свою студию.

сильно не нравятся: режиссер он все-таки хороший... Но Васильев и Виктюк работают сейчас лучше, современнее — это точно. Я их больше понимаю, они мне ближе. Мне очень нравится ефремовский спектакль «Дядя Ваня». Ведь у Ефремова в принципе виртуозная актерская режиссура. И тут все зависит от личности актера, который играет роль: сможет он дотянуться до уровня Ефремова или нет. Если сможет, тогда дело. Ефремов «Зинаиду» уже два года репетирует. Может, и провалится... Тогда его, наверное, ругать все начнут. Только это неправильно, надо бы еще подождать немного, а там посмотреть, что выйдет. Ведь он большую группу молодежи взял, значит, наверняка что-то задумал...

— Все ясно... Что ж, будем оптимистами... И так, мы остановились на театральной эстетике, которая близка вашему коллективу...

— Так вот. Мы пытаемся снять с психологического театра «четвертую стену», чтобы не только Сопреживание зрителей, а их СОдействие получить. Никита Высоцкий придумал определение, которое нам понравилось и кажется более или менее точным, он назвал наш театр «открытым театром». Возможно, через год мы придумаем другое определение, но пока так. Вообще наши эстетические поиски — сложный методологический вопрос, в котором я могу запутаться, но вот еще пример — если взять цитадель нашего психологического театра МХАТ, то на

его спектаклях я видел какую-то картинку из жизни, которая меня задевала психологическими токами. Просто говоря, наблюдая, я начинал переживать или, например, плакать. Нам же хочется сделать так, чтобы сам зритель мог психологически подменить собой актера. Это и есть снят «четвертую стену». Робкая попытка такого поиска есть в «Пощечине», поэтому нам так дороги в спектакле прямые обращения в зал. Мы очень довольны, когда зал нам отвечает. Правда, это бывает редко. А что касается начала вашего вопроса — конфликтных ситуаций и сколько мы продержимся... Конфликтов много, мы орем друг на друга часто. И спорим часто. Но это ругань хорошая, нормальная. Без ненависти. И потом сейчас очень спланирует момент самостоятельности, которую нам дали. Это какая-то детская, но страшно важная вещь, когда ребенок говорит: «Я сам». На этой энергии можно держаться довольно долго.

— «Пощечина», которой вы открылись, твоя первая режиссерская работа, но ведь ты заканчивал актерский факультет и в качестве режиссера, насколько я знаю, пробуешь себя впервые... И почему вы решили инсценировать именно произведения Юрия Олеши?

— Дело в том, что в афише принято писать «режиссер-постановщик», вот меня и написали. Но я считаю, что этот спектакль — наше сотворчество, многие мизансцены придумали наши ребята. Если и говорить о моей режиссуре, то у меня, как и у отца, режиссура актерская. Не могу сказать, что я решил стать режиссером, потому что хочу поведать миру то-то и то-то, нет, наверное, все происходит проще. Я с первого курса делал капустники, и страшно мне это нравилось. У меня дикая тяга ко всяким начинаниям. Это так прекрасно, когда что-то начинается... И у большинства из нас так... Мы уже на втором курсе делали отрывки по «Заговору чувств» Олеши. Нравится нам этот писатель. И вот как-то ночью ко мне приходят Андрей Зайков, Гена Венгеров, Сережа Шеховцов и говорят: надо сделать спектакль самостоятельно. Ты, сказали, будешь режиссером, папа у тебя режиссер и вообще... Словом, мы старательно работали два месяца, собирались, где могли, и в школе-студии, и по квартирам. Сначала даже разговора о театре-студии не было. Были только воспоминания о «Современнике» шестидесятых, как о символе настоящего творчества. Мы постоянно «оглядывались» в ту атмосферу. Я на репетиции протоколы худсоветов того периода таскал: чтоб посылнее заводились. Когда мы уже сейчас сочиняли наш устав и программу, мы многое из тех протоколов взяли. Когда был готов спектакль, показали его Галине Борисовне Волчек. Еще Гафт смотрел, Вокач... Потом они очень теплые слова сказали. Но тот спектакль мы действительно на невероятном подъеме сыграли — для нас это была огромная честь. На этой работе мы сошлись и профессионально, и по-человечески и захотели остаться вместе — это точно. Хотя я допускаю, что, возникни какие-то суперсложности, мы бы помыкались годик, разочаровались бы во всем и разбежались бы по театрам — очень может быть. Но нас пустили в театр. Нам повезло. Наверное, я, как везучий, не имею права об этом говорить, но на самом деле положение с молодыми актерами и режиссерами у нас в стране катастрофическое. Все заканчивается призывами: пробуйте, ошибайтесь, доказывайте, дерзайте!.. А где дерзать, где доказывать, где ошибаться — это никого не волнует. И — если уж совсем откровенно — я бы внес предложение в Союз театральных деятелей. Этот союз должен иметь хотя бы по Москве площадок десять. Пусть построят примитивные баракы — это же недорого! — для тех, кто хочет себя попробовать. Пусть будут установлены сроки, скажем, два месяца — вот вам два месяца, давайте. Пусть приходят никому не известные, молодые или немолодые,

пусть приходят сумасшедшие и просят постановку — пусть ставят, искусство все равно делают сумасшедшие. Нет, я не говорю, что надо деньги давать на декорации, на костюмы, — не надо. Мы, например, для «Пощечины» все декорации сами сделали. Городская свалка любой спектакль оформит. Сейчас Жена Митта — наш художник — следующую постановку со свалки оформляет: мусорные баки — пожалуйста, полиэтилен — пожалуйста... Короче, надо строить баракы, а деньги от удачных спектаклей пускать на строительство новых бараков. Это нормальный экономический подход. В общем, плохо, что закон об индивидуальной трудовой деятельности у нас не распространяется на театрально-зрелищные предприятия. А так бы собрали люди деньги — рублей по триста, — сделали бы себе декорации, костюмы, свет, сыграли бы спектакль. А что?.. Не получилось бы — сами виноваты. Зато дело.

По-моему, лучшая демократия — это когда все есть и есть разное, и пусть зритель сам решает, что ему смотреть, а что освистывать...

— Ну вот, мы заговорили о зрителе... На вашем спектакле я видел молодежь и видел, как они смотрели, им действительно было интересно. Если вы сегодня выиграете нашего хладнокровного юного зрителя, вы выиграете театр завтрашнего дня. Вы задумываетесь об этом?

— «Свой» зритель появляется у каждого театра. У одних в залах — «фарца», у других — приехавшие в Москву за покупками, у третьих — самая различная молодежь — я говорю о студиях... Наверное, у нас появится тот зритель, который почувствует психологическую совместимость с нами. Вот, например, я могу прийти в фильм Бергмана и умом буду понимать, что фильм гениальный, но душе фильм не понравится. И ничего тут не сделаешь. «Свой» зритель — он не только думает, как мы, а чувствует, как мы. А делить на поколения я бы не стал. Спектакль для молодых... Спектакль для пожилых... Это как спектакль для Москвы и спектакль для Московской области — глупо, правда? Молодежь отличается от других поколений разве что формой, имиджем. Возможно, сегодня она более пассивна по содержанию, хотя и это спорно. Ведь стоило создать условия, и эта пассивность переросла в активность, джинна выпустили из бутылки. Ходить за примерами не надо, возьмем хотя бы «англетерские события» — на площадь вышла молодежь. Многие из них предпочитают театр рока? А возможно, потому, что не видели другого театра, в который они не могут попасть? Мне кажется, и молодых, и пожилых волнуют одни и те же вечные проблемы. Сможешь ты подставить вторую щеку или дашь сдачи? Быть или не быть?.. И если театр эти проблемы решает искренне — это, по-моему, самое главное в театре, молодежь пойдет туда охотно.

— И все же толпы молодых зрителей собирают сейчас рокеры, а не театральные залы...

— Вот насчет толп у меня резкое отрицание. Мне кажется, что одна из самых ужасных «частей» рок-музыки — ее стадность. Хотя я сам получал кайф оттого, что находился в этом стаде на рок-концертах, тем не менее считаю, что стадность — это ужасно. А может, молодежь увлекается роком потому, что там они делают все, что хотят? Они устали от школ, институтов, где учат только одному — исполнять и повинаться. У нас же воспитывают людей, готовых в основном слушать и подчиняться, не способных к самостоятельному поступку. Сейчас демократия, а психологически к ней мало кто готов, и все заканчивается тем, что одни судят других. Сам тон разговора в основном осуждающий, а тон, мне кажется, должен быть как размышление. Психологическая перестройка еще только в зачатии. Еще очень мало лю-

дей, ориентированных на самостоятельные поступки, на свободу личности без оговорок. И когда это наблюдаешь среди людей театра — совсем плохо. Кому, как не им, быть авангардом?

— Каким ты представляешь себе современного молодого героя, в которого поверят, за которым будет интересно следить? Словом, попробуй нарисовать словесный портрет твоего современника, чтобы он был интересен тебе самому и как актеру, и как режиссеру, и как зрителю.

— Если бы я был еще и драматургом, я бы писал его приблизительно так... Это обязательно современный Гамлет. Ему лет двадцать. Он должен решать вопрос «быть или не быть». Он должен решать и еще одну проблему — заикнется ли он на роке или откроет когда-нибудь еще и «Бесов» Достоевского. Несомненно, внешне циничный. И по отношению к себе самому такой же. Наверное, будет зависеть от обстоятельств: станет ли этот цинизм только формой — своего рода защитой — или перейдет в содержание. Он умнее предшественников и осторожен в выборе ценности. Очень скроен — боится быть искренним. Он может идти на тот же рок-концерт и говорить, что это потрясающе, хотя на самом деле будет думать наоборот. Если, конечно, умный. Но мы берем сейчас талантливого человека, не дурака. Героя берем. С женщинами его взаимоотношения могут быть легковесными — вечный поиск. К женщинам легкомысленным относится спокойно, не возмущается. Потому что он циничен, но цинизм, повторяю, форма. Но если полюбит, то как Ромео! И по деревьям будет лазить, и под балконом орать... Сегодня он вряд ли ударится в пьянство. Если опять же умный. Пьянство сегодня уже неинтересно. Это раньше было интересно, потому что раньше нельзя было совершить поступок, и поступок виделся в этом. Сейчас можно делать — и сделать — что-то другое. Это уже интересно. И вообще то, что сейчас происходит, интересно. Политическая борьба — интересно, собрания — интересно, выборы — интересно. Он не обязательно бросится принимать активное комсомольское участие в начинаниях, но следить за ними будет. Раньше такового не было. А его прекрасное качество — и новое — это то, что он интересуется историей страны, понятие «духовность» перестало быть чужим. Я говорю сейчас не о положительном герое, а о новом, на мой взгляд, герое. Он будет вызывать сильное неприятие у многих людей, но на этом неприятии будет закаляться. Сегодня ему дано за короткий период времени прожить столько всего!

— Миша, и последнее: как вы собираетесь жить дальше?

— В ближайших планах у нас спектакли: «Седьмой подвиг Геракла» Рощина, «Тень» Шварца, «Шарманка» А. Платонова. Играть мы собираемся на сцене «Современника» по выходным. Если получится — по два спектакля в день. Будут и выездные — по сценкам ДК. Гастроли. Зарплату нам будут платить из фонда театра, а мы в течение финансового года должны вернуть театру эти деньги. У нас хозрасчет. Но только не с государством, а с театром. Это более сурово, потому что государство может иногда улыбнуться и пожалеть, а тут жалеть никто не станет. Словом, начиная с августа 1987 года мы в минусе на 128 тысяч рублей... А вообще я даже не ожидал, что наши взаимоотношения с труппой «Современника» сложатся так хорошо. Если честно, то мне казалось, что обязательно будет какая-то группа артистов, которые начнут смотреть недобро, кося глазом и шушукаясь. Этого ничего нет. В театре к нашему приходу отнеслись спокойно, делово и... повторяю, все здороваются. У Волчек все же есть замечательное свойство — она молодым доверяет. А сколько можно сделать, когда доверяют!..

В жаркий и душный, предгрозово-июньский вечер пол-летнему одетая публика собралась в Большом зале Московской консерватории на концерт лауреатов VII Международного конкурса имени П. И. Чайковского Сергея Стадлера и англичанина Питера Донохоу.

Под аплодисменты зала, стремительно, но плавно шагая, грациозно держа перед собой скрипку, на сцене возник молодой человек, имя которого было — Маэстро. В том, что это так, не усомнился бы даже случайный зритель — это подчеркивалось почтительным видом идущего следом англичанина, пианиста мирового класса, это было ясно по вспыхнушему с первым взмахом смычка залу. Впрочем, случайных людей здесь, наверное, не было...

Я не буду описывать, как звучали сонаты Брамса в первом отделении концерта. Это стоит пера музыкального критика. Тому порукой отзывы мировой прессы об игре Сергея Стадлера, приведенные на этих страницах. Я хочу обратить внимание на тот факт, что играл он почти пятьдесят минут, а одет был в неизменный фрак и затянут обязательной «бабочкой».

В антракте, едва дав отдых ладоням, публика ринулась к открытым в коридоре окнам. В духоту помещения вливалась последождивая свежесть, принося с собой облегчение...

Я прошел за кулисы и заглянул в артистическую. Сбросив фрак, Сергей и Питер вытирали струйки пота... На роляной крышке в раскрытом футляре покоилась скрипка. Скрипка, которую изваял два с половиной века назад великий Страдивари, которая в течение шестнадцати лет звучала в руках великого Ойстраха, которая может быть гордостью знаменитой Государственной коллекции музыкальных инструментов. Но меня поразила не скрипка (мне доводилось ее видеть вблизи). Меня поразило наглухо закрытое окно артистической!

Даже беззащитная журналистская натура имеет совесть. Задавать вопросы измученным музыкантам, которым через десять минут предстояло выйти на сцену (опять во

фраках!) играть сонаты Дебюсси и Франка, было бы верхом безумия. И, напрягши разум, я понял, что окно в антракте открыто не будет: скрипка — создание чуткое и отзывчивое не только касанию смычка, но и малейшему перепаду температуры.

Я знал и раньше, что значит для музыканта классный инструмент. Я знал цену этой скрипки (цена, конечно, номинальная, ибо все создания Страдивари сегодня бесценны!). Я знал, как дорожит этим инструментом Сергей, не позволяя никому из любопытных прикасаться к нему. И все же только в тот душный вечер я прочувствовал до конца: скрипка для настоящего музыканта — больше чем жизнь.

Выдана была эта скрипка Сергею Стадлеру из Госколлекции после его блистательной победы на конкурсе имени П. И. Чайковского в 1982 году. С тех пор он с ней не расстается. По мнению специалистов, такая привязанность полезна и инструменту: скрипка, не знающая в течение нескольких лет прикосновений испол-

нителя, говорят, портится. В этом ее сходство с жемчугом: лишенный тепла человеческого, он быстро умирает.

Мы уже привыкли к публичным севотованиям (надо сказать, совершенно справедливым!) эстрадных музыкантов по поводу отсутствия качественной аппаратуры. И в этом горестном хоре давно уже затерялись голоса филармонических солистов. Их нужды не зависят, конечно, напрямую от уровня развития отечественной электроники, но вопрос остается тот же: на чем играть? И чем выше класс исполнителя, тем острее этот вопрос. Есть необыкновенные мастера, энтузиасты и подвижники — создатели замечательных инструментов. И все же, и все же... Слава великих итальянцев не меркнет, их творения остаются непревзойденными.

Представьте себе, что перед ответственнейшими гастроллями в Австрии и ФРГ, когда вам предстоят концерты в лучших залах Европы, в вашем почтовом ящике обнаруживается письмо следующего содер-

жания: «Уважаемый т.! Просим вас вернуть инструмент в Государственную коллекцию музыкальных инструментов в связи с истечением срока». Интересно, что чувствует прыгун с шестом, когда перед штурмом мирового рекорда у него забирают фирменный фиброгласовый шест и вручают допотопный металлический?

Предвижу возражения: фирменных шестов много, а скрипок Страдивари наперечет. Но если мы допускаем ситуацию, когда уникальная скрипка, выданная из Госколлекции, забирается обратно, мы должны задуматься и над тем, на чем будет играть ее бывший временный обладатель.

Я не буду вам сообщать, за какую сумму, по слухам, была недавно продана у нас в стране скрипка работы Гварнери. Я могу сказать, что однажды Сергей Стадлер видел отличную скрипку этого мастера в музыкальном магазине в Вене. На табличке значилась цена — 150 тысяч долларов.

ЛЕГКО ЛИ
БЫТЬ СКРИП

Исполнитель уровня Сергея Стадлера (если за основу оценок брать хотя бы победы на международных конкурсах) за рубежом в состоянии приобрести такой инструмент через несколько лет гастрольных выступлений. У Сергея такой возможности не будет реально еще долгие годы. Его концертная ставка спустя пять лет после победы на конкурсе имени П. И. Чайковского — 25 рублей. Пояню для несведущих, что за сольный концерт в двух отделениях солист получает три концертные ставки. А ведь каждый концерт — плод

огромного труда, долгой и напряженной работы. В отличие от эстрадных исполнителей филармонический артист не выступает с одной и той же программой целый год, более того, в одном городе никогда не будет двух одинаковых концертов. В течение года Сергей Стадлер, например, готовит 15—20 различных программ! Не знаю, как читателям «Смены», а мне система оплаты труда исполнителей представляется далекой от совершенства.

После XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве це-

льный ряд молодых творческих работников был представлен Центральным Комитетом комсомола к почетным званиям. Списки многократно были согласованы в Министерстве культуры СССР и его ведомствах. Дело было за малым — подготовить наградные документы. Такие документы на представление Сергея Стадлера, лауреата премии Ленинского комсомола, участника творческой мастерской классической музыки XII Всемирного фестиваля, к званию заслуженного артиста РСФСР шли через все инстанции — от отдела

ясь увлеченности молодежи классической музыкой, не худо бы подумать и об общественном престиже исполнителей. Здесь, важно все: и зарплата за их высококвалифицированный (природный талант плюс фантастическая работоспособность) труд, и социальные блага, и внимание прессы, телевидения, радио, органов государственной власти. Вроде пустяк, дело прошлое, но после победы на конкурсе в Москве Сергея в родном Ленинграде не поздравил никто из официальных лиц, не считая комсомольских работников...

Без всякого сомнения, нам хорошо запомнится имя Сергея Стадлера из Ленинграда.

На самом деле редкий талант!

Юноша с детским лицом сыграл скрипичный концерт Мендельсона блестящим образом.

«Лидова Демократия»,
ЧССР, 1977 г.

Сергей Стадлер, 17 лет, из Советского Союза.

Как только смычок коснулся струн — это восхищение!

Абсолютная чистота, каждая нота на месте, удивительное освещение, привносимое в трактовку Прокофьева.

Откровенно говоря, этот молодой скрипач убедил меня, что он уже «очень велик».

«Le Courrier d. Angens»,
Франция, 1979 г.

Но если искать скрипача, который в состоянии стать выразителем новой эпохи, выразительные средства которого могут достичь общечеловеческого значения, а ход мысли и чувства может повлиять на звуковую картину мира, тогда я ставлю этого молодого сокрушителя гранитных скал одним из первых.

Чувствуется, что он получил духовное наследие, эту универсальную отправную точку, которую создали великие русские предшествующие поколения.

«Хельсингин саномат»,
Финляндия, 1981 г.

Тот, кто говорит о мировой скрипичной элите, не должен забывать имени Сергея Стадлера. Даже если молодой русский — ему всего 24 года — у нас на Западе еще не достиг заслуженной им степени известности, то он в ближайшем будущем, несомненно, должен завоевать концертные залы крупнейших городов. Его выдающиеся возможности превосходятны.

«Abendzeitung Bensheim»,
ФРГ, 1986 г.

24-летний ленинградец Сергей Стадлер, ученик Когана и Третьякова, устроил олушателям (партия фортепиано Феликс Готтлиб) праздник благородного звучания.

Штрихи Стадлера безупречны, его техника позволяет раскрыть необыкновенный спектр выразительности. В его исполнении даже ф-миорная соната Прокофьева теряет «ужасы модерна», местами отражая мир образов XX века сильнее, чем симфоническое творчество композитора.

«Вечерняя газета»,
Нюрнберг, ФРГ, 1986 г.

Наряду с дирижерами звездой концертов стал 25-летний С. Стадлер. С исключительной уверенностью и чувством стиля он исполнил в первый вечер концерт № 2 Прокофьева, а во второй — большую и сложную сольную партию в скрипичном концерте Б. Тищенко. Победитель конкурса Чайковского 1982 года, С. Стадлер еще раз показал, какого высокого уровня достигла советская скрипичная школа...

«Прасе»,
ЧССР, 1987 г.

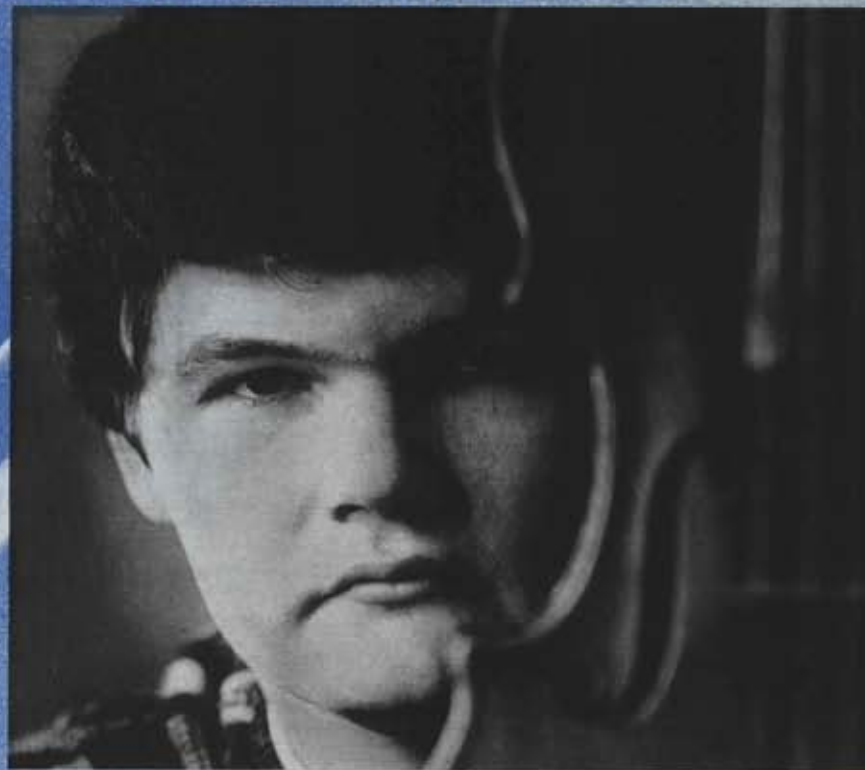

Фото: Сергей Лявдова

кадров Ленинградской консерватории, где он преподает, до Министерства культуры РСФСР... два года! Думаете, после этого дело пошло быстрее? Ошибаетесь. Больше месяца документы пробыли в управлении музыкальных учреждений, после чего были переданы в управление учебных заведений (ведь С. Стадлер — преподаватель консерватории!). А там задумались: ведь заслуг преподавательских у С. Стадлера пока нет, его студенты еще не окончили консерваторию. Все заслуги у него связаны с исполнительской деятельностью, а это вотчина управления музыкальных учреждений... Непросто оказалось разорвать порочный круг, но удалось. Пока только для того, чтобы документы отправились на согласование в Центральный комитет профсоюза работников культуры...

Вот и думаешь: за что получит все-таки звание Сергей Стадлер (а в этом сомневаться все же не хочется) — за заслуги в области исполнительского искусства или за выслугу лет? И как только у нас появляются семнадцатилетние заслуженные мастера спорта?

Надо сказать, что вести с Сергеем Валентиновичем разговоры о зарплате, наградах и званиях — дело совершенно безнадежное. Во всяком случае, у меня это никогда не получалось. Он тактично и деликатно, но всегда быстро и бесповоротно переводит разговор в иное русло — о музыке, о проблемах музыкальной жизни. Скромность украшает. А вот правы ли мы, обходя в публикациях об артистах такие прозаические проблемы? Многие мои знакомые находятся в полной уверенности, что все известные миру творческие люди загребают огромные деньги. А ведь это далеко не так. Платят не за известность, а «за место в иерархии»: народный артист и за концерт в пустом зале получит больше, чем дебютант — в переполненном.

Мне представляется, что, добивая-

Не хотелось бы создавать впечатление, что у Сергея Стадлера жизнь складывается неудачно. Хочется, чтобы мы увидели: даже у него, уверенно идущего к вершинам высокого искусства, масса проблем, которых могло бы не быть! Вы думаете, Сергей очень переживает, что у него нет почетного звания? Ему, как говорится, не так уж и обидно: званий до сих пор не получил практически никто из того самого, фестивального списка! Звания до сих пор нет, скажем, у Михаила Плетнева, который старше Сергея на 6 лет и стал лауреатом премии Ленинского комсомола еще в 1978 году(!).

Неужели-таки нет пророков в своем отечестве? М. Плетнев, С. Стадлер, другие наши талантливые музыканты, гастролируя за рубежом, не только приумножают славу Отечества, но и приносят Родине немалую экономическую пользу. Гастролируя по Советскому Союзу, они делают нашу жизнь одухотвореннее. Неужели мы не научимся ими гордиться?

Меня до сих пор обжигает стыдом такое воспоминание. Возвращается как-то Сергей в гостиницу перед концертом. И видит, что его вещи, в том числе футляр со скрипкой Страдивари, валяются в коридоре. «А нам велено всех, кто не делегат, срочно выселять», — пояснила горничная.

Будем надеяться, что теперь делегата XX съезда ВЛКСМ, кандидата в члены Центрального Комитета комсомола Сергея Стадлера из гостиницы уже так просто не выставят. Будем надеяться, что скрипку так просто не отберут. Будем надеяться, что повысят концертную ставку и когда-нибудь присвоят почетное звание. Я уверен, Сергей Валентинович своим трудом и талантом такое отношение к себе стократ оправдает.

Но говорят, что в одной консерватории появился еще один выдающийся юноша... На какой скрипке предстоит играть ему?

ПОЧУМ?

ПОСТИЖЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЕ ПОСТИЖЕНИЕ

Трехсерийный телевизионный художественный фильм «Где-то гремит война» поставлен по прозе Виктора Астафьева. Этот фильм о горе, утратах, неизбывной печали на сердце, о том, как уходил на войну симпатичный семнадцатилетний Митя, пионер на далекой сибирской станции.

Последние кадры картины... Скрывается вдаль поезд, увозящий Митю на фронт от его немудреной, такой обыкновенной жизни — воспитанник детского дома, учился в ФЗУ, когда пришел сорок первый... Звучит голос автора: «И все не умолкает во мне война, сотряса усталую душу. Вогранный свет пробивается сквозь немую толщу времени, в сплюснутая, окаменевшая, но не утерявшая запах гаря и крови клубится она во мне...» Пожалуй, есть особая генетическая память, заставляющая каждого хранить в себе непережитое, и всякий раз, сопрякоснувшись с темой войны, проживать как бы заново чужую судьбу...

Картина заставляет пристально взглянуть в душа тыла, работавших на Победу, получавших похорошки, оплакивавших мужей и сыновей.

Тщетно стали бы мы искать в этой работе телевидения новую проблему: «человек и война», да и герой картины вроде бы не нов. Хорошо помню, как двадцать лет назад вышла на экраны «Баллада о солдате» и мы плакали от бессилия изменить трагический финал. И затаив дыхание, словно в последнюю минуту своей жизни, вместе с Борисом из фильма «Летят журавли» смотрели на кружащиеся в смертельном танце березы. Да, все было, и такое же чувство сострадания, желание, «чтобы остался живым, вернулся, вызывает Митя, сыгранный Евгением Пашиным. Как играет Митю молодой украинский актер Евгений Пашин?

Первое, что хочется сказать, — естественно, органично, даже слово «сыграл» вроде бы и не к месту здесь, просто жил такой парень, обаятельный, чистый, наивно-смешной. Да и внешность обыкновенная, каких много. Эта главная удача фильма произошла, может быть, от нередкого встречающегося совпадения образа и актерской индивидуальности, но одним таким совпадением трудно объяснить, как актеру удалось создать характер, в котором нежность и трогательность подразумевают внутреннюю значительность. Для того, чтобы передать это свойство души, сделать его осязаемым для зрителя, мало одной актерской органичности. Нужно мастерство, особое гражданское чувство.

Не могу сказать, что картина «Где-то гремит война» смотрится с таким же интересом, который испытываешь при чтении «Последнего поклоня» Астафьева. Иногда кажется, что сценарного материала не хватает на трехсерийный метраж фильма. Но в нем много ярких эпизодов, остающихся в памяти, вырывающихся из размеренного хода фильма.

Трудно забыть, как хоронят пенинградцев, не дождавшихся до места назначения и навсегда оставшихся на этой маленькой сибирской станции. Роят в молчании огромную братскую могилу — страшный в своей будничности эпизод войны.

Вот приезжает Митя к тетке, жалуется она, что вышли из леса олени, поедают сено, а значит, может пасть корова, и как жить тогда ей, детям, не дотянуть до весны. Решает Митя идти на оленину...

Он целится в красивого, сильного оленка. И не может выстрелить. Долго глядят друг на друга человек и олень. Митя спускает курок, а потом почти в истерике добивает оленя, и хорошо понимаешь чувства семнадцатилетнего мальчишки, понимаешь, что значит для него первый раз в жизни убить живое...

Герой Евгения Пашина принадлежит к тем людям, для которых в переломные для страны эпохи жизни лишается многовариантности выбора, выбор остается один, поэтому так закономерна, необходима в фильме сцена разговора Мити, работающего сцепщиком вагонов, с начальником станции.

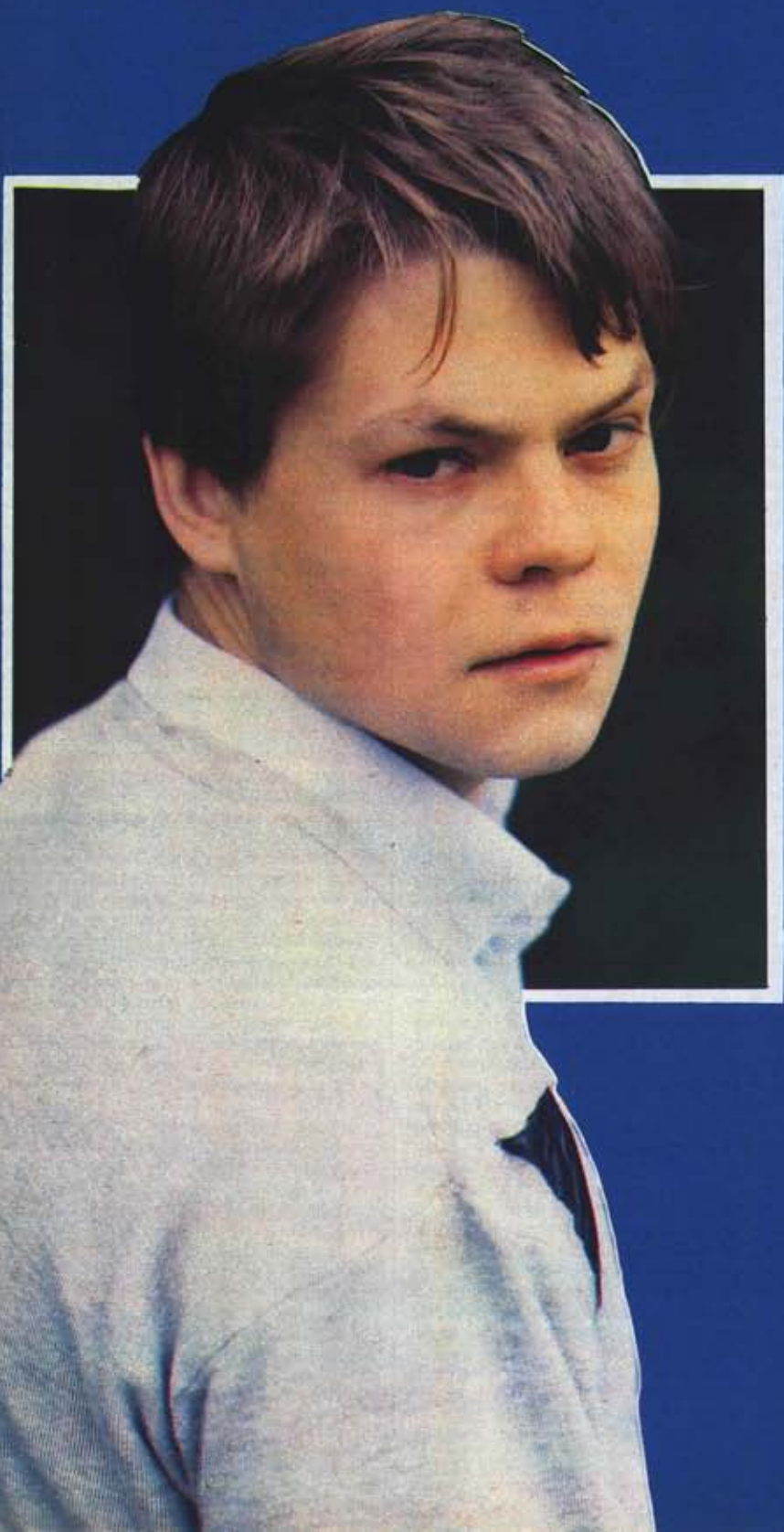
Жалко ему Митю, угрожает забрать назад задержание на фронт. Этот пожилой, измученный человек несколько раз повторяет: и в тылу куется победа, война — это очень серьезно, а если убьют, а если покалечат? Долгая пауза... Начальник станции понимает — ничего не изменишь. В глазах Мити — стреленная решимость, нежелание быть раздумным, чувство жалости к доброму, старому, но так ничего и не понявшему в жизни человеку.

Евгений Пашин играет на таком пределе искренности, что трудно не проникнуться чувствами и настроениями его героя. Вот утешает он вдовую и отчаянную тетку, получающую похоронку на мужа, и с каким азартом рассказывает ей о Кампанелле: «Итальянец, в крокодиловой шкуре сидел, в вода по горло, на колу сидел, не сдавался, сочинял про будущее наше. Как все станут жить в радости и согласии...» И призадумался тетка, и легче ей стало при мысли о таком мужестве — в крокодиловой шкуре, да по горло в воде — и оказалась ей ее судьба не такой уж безысходной, и лицо засветилось улыбкой, и жить захотелось.

— Считаю, что о войне писать плохо нельзя, — говорит Евгений Пашин. — Потому что для моего поколения это единственный источник знания о тех годах. Ведь даже наши родители ничего не могут рассказать о войне, мой отец родился в тридцать втором... Я и раньше снимался в военных фильмах, но все было проходящее, с Астафьевым — другом. Кажется, Залыгин сказал про Астафьева, что он «больше показывает, нежели рассказывает», но мне кажется, что Астафьев плохо «приспособлен» для кинематографа. У него много психологических подробностей, которые почти не воспроизводятся в кино... Мне трудно судить, каким получился фильм, но главное для меня — соприкосновение с личностью большого писателя...

Как сложится в дальнейшей судьбе молодого актера, сейчас сказать невозможно. Но работа сделана, работа серьезная. И у всех, кто видел этот телевизионный фильм, судьба Мити непременно отзовется в сердце воспоминанием о будущем. Будущем, в которое вошли послевоенные поколения и которое начало свой отсчет в сорок пятом, таком далеком и таком близком...

Ирина ПОЛИЧИЦКАЯ

ЦЕПЬ МИРЯНОСТИ

Юлиан СЕМЕНОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Беспорных оценок и утверждений не существует; слепая приверженность раз и навсегда заданной схеме свидетельствует о малом интеллектуальном потенциале; литое «подвергай все сомнению» как было, так и остается индикатором революционности мысли. Чаще всего беспорность оценок проецируется на предмет истории; если технические науки по природе своей не переносят схем и высочайше утвержденных ограничений да в общем-то и неподвластны им, поскольку таят в себе некий феномен «опережаемости» среднего уровня знаний, то история

(и, увы, экономика) вносит коррективы в самое себя раз в столетие, а то и реже. В этом смысле крошечный отрезок развития человечества, период с девятьсот седьмого по девятьсот двенадцатый год, проецируемый на одну шестую часть земной суши, то есть на Россию, является беспрецедентным исключением, ибо часть исследователей относится к этой поре как к вполне благополучным годам нашего государства, отмеченным началом демократического процесса, столь непривычного для традиций абсолютистского строя, в то время как другая часть ученых видит в этих именно годах окончательное созревание того накального чувства гнева, которое и привело к свержению династии Романовых и торжеству социалистической революции.

Эти исследователи (в противовес тем, которые в своих поисках руководствуются более эмоциями, чем объективным анализом фактов) утверждают, что после разгрома первой русской революции, несмотря на провозглашение ряда свобод,— под скипетром самодержавного государя и надзором тайной полиции — сановная реакция России начала массированное наступление на самое понятие прогресса, всячески старалась оторвать страну от Европы, переживавшей экономический бум, страшилась «диффузии республиканских идей» и не хотела (а может быть, не могла) видеть реальные процессы, происходившие в стране. Именно эти годы не могут не привлекать к себе пристального внимания историков, ибо глубинные сдвиги социальной структуры русского общества со всей очевидностью подтверждали положение о затаенной сущности кануна революции: «Низы не хотят жить по-старому, верхи не умеют жить по-новому». Надежды на программу, выдвинутую политическим лидером (таким в ту пору считали Столыпина), были лишены основания, поскольку даже самый одаренный политик обречен на провал, если он лишен поддержки масс, во-первых, и, во-вторых, пытается провести нововведения самолично, без помощи штаба убежденных единомышленников. Действительно, несмотря на все потрясения первой русской революции, государственный аппарат империи — не только охранка, армия и дипломатия, но и министерства промышленности, торговли, связи, транспорта, финансов — остался прежним по форме и духу; смена двух-трех министров не внесла кардинальных коррективов в экономический организм страны, что совершенно необходимо мировому прогрессу, который вне и без России просто-напросто невозможен. Законодательство, без которого прогресс немислим (закон — это абстракция, истина в последней инстанции, руководство к действию, а не расплывчатое постановление), также не претерпело никаких из-

Рисунки Алексея Остроменского

менений. Буржуазные партии не могли да и не очень-то умели скорректировать право в угоду намечавшимся процессам капиталистического, то есть в сравнении с общинным прогрессивного развития; монархия ничего не хотела отдавать капиталистическому конкуренту; сам держу; каждое поползновение на мое суть антигосударственно, а потому подлежит немедленному заключению в крепость.

Именно поэтому надежды слабой русской буржуазии на эволюционный путь развития, на то, что с Царским Селом можно сговориться добром, были иллюзией.

Именно поэтому — как реакция на державную несправедливость — Россию разедали сановные интриги, подсиживания, бессильные попытки сколачивания блоков, противостоящих не тупости власти, а друг другу, схватки честолюбия и трусливых мало-мало амбиций.

Именно поэтому Россия той поры становилась конденсатом революции, которая лишь и могла вывести страну из состояния общинной отсталости на дорогу прогресса.

Тщательное исследование документов той эпохи подтверждает, что из двадцатидесяти миллионов населения империи всего лишь несколько тысяч человек, объединенных Лениным в большевистскую партию, были теми искрами в ночи, которые пунктирно освещали путь в будущее.

...Одним из таких человеко-искр был Феликс Дзержинский.

ОХРАНКА ЧИТ ТЕХ, КТО ОДЕТ ДОРОГО

«Вице-директору
Департамента полиции
Е. Высокоблагородию Зуеву Н. П.

Милостивый государь Нил Петрович!

Пам'ятаю о Вашем любезном разрешении обращаться прямо к Вам, минуя инстанции Департамента, рискуя переслать Вам запись обмена мнениями между двумя иностранцами в Гельсингфорсе, — сразу же после окончания конференции РСДРП, посвященной тактике социал-демократии в Третьей Гос. Думе.

Агентура, осуществлявшая запись разговора на листки, вынесла впечатление, что один из собеседников был немцем, в то время как второй — несмотря на знание языка — не есть немец по рождению, а скорее всего поляк.

Эта точка зрения подтверждается также и тем, что один из собеседников по имени Фриц обращался ко второму, как к Юзефу — вполне немецкое имя, но, однако ж, дважды произнес его имя как Юзеф, что и дало нам возможность выдвинуть гипотезу о польском происхождении второго собеседника.

Некоторые реплики записать не удалось, ибо собеседники порою переходили на шепот. Однако и то, что мои люди слышали («Юзефа» взяли в наблюдение по поводу возможного участия в конференции РСДРП, якобы проходившей в Гельсингфорсе под руководством государственных преступников Ульянова, Плеханова, Троцкого и Дана), дает возможность судить как о мере осведомленности врагов о наших делах, так и о том, сколь сильна их организованность вообще.

Ниже присовокупляю запись беседы:

«Фриц. — Почему не захотел, чтобы я тебя навел в Петербурге?»

Юзеф. — Я там на нелегальном положении... Стоит ли тебя подводить под удар?

Фриц. — Я — вольный журналист и фотограф... Что мне могут сделать ваши... (следует безразличное определение русских властей).

Юзеф. — Могут сделать, что захотят... Ситуация становится угрожающей. Так что террор властей будет продолжаться... Ваша пресса печатает про Россию слухи, спекуляции, домыслы. Я бы поэтому хотел, чтобы именно ты запомнил то, что я тебе расскажу... Задавай любые вопросы... Уточняй, если непонятно... Но запиши, что я расскажу, и пусть твои коллеги оперируют именно этими данными, — они отражают объективные процессы, свидетелем которых я был...

Фриц. — Даже когда сидел в тюрьмах?

Юзеф. — Русские тюрьмы — это университеты... Там встречаешь самых умных... Есть чему поучиться... Да и вести с воли приходят регулярно, — многие охранники жизнью недовольны, их семьи впадают в жалкое существование, они — это чисто российский парадокс — тоже хотят перемен... Только боятся произнести слово революция...

Фриц. — Я готов записывать.

Юзеф. — Итак, пятый год... Западная пресса пишет, что русская революция явилась следствием неудач в войне с японцами. Это неверно, ибо преуменьшает ее прогрессивную сущность. Война приблизила революцию, поскольку обнажила все социальные и экономические язвы империи. Но забастовки шли задолго до военного краха. А сколько лет погромы сотрясали империю? В каторге и ссылке люди томилась практически всю историю России. Когда мы победили, надо будет очень внимательно поработать в архивах: порою мне кажется, что война была в какой-то мере спровоцирована сферами, чтобы задавить наше движение, обернуть патриотизм против революционе-

ров, а победив, провести жесточайшие карательные меры, чтобы навсегда потопить в крови самое возможное выступление против самодержавной тирании. ...Отметить себе стадии нашей революции... Первая. Экономический и военный крах, рост дороговизны, деспотизм местного начальства понудил матерей и кормилицев поднять хоругви и крестным ходом, во главе с попом Галоном, выйти к Зимнему — молить царя о милости... Возобладала традиционная вера в то, что вождь не знает правды, ее от него скрывают бюрократы, надо открыть царю-батюшке глаза на происходящее, и он все в одночасье изменит. Изменил: приказал стрелять в подданных. Так случилось «красное воскресенье», которое мы называем «красным».

Фриц. — Это девятое января девятьсот пятого, да?

Юзеф. — Именно. После этого начался второй период революции... Впрочем, точнее бы назвать все то, что было до пятого года, до кровавого воскресенья, первым этапом; красное воскресенье — вторым, а уж волна забастовок, террор войск и полиции, демонстрации, повальные аресты — вплоть до октября девятьсот пятого — третьим. Когда же, несмотря на террор властей, запылали помещичьи усадьбы, восстал «Потемкин», выросли баррикады на улицах городов, начался четвертый этап — вооруженное восстание и, как следствие, манифест семнадцатого октября, суливший подданным не только Государственную думу с совещательным голосом, но свободу слова и многопартийность, Павел Милюков зарегистрировал провозглашение своей партии «Народной Свободы», иначе именуемой «конституционно-демократической», «кадетской», либералы, земские деятели — то есть врачи, учителя, статистики, часть дворянства, юристы, профессора — стали ее костяком. Я бы определил ее центристской, идеал кадетов — конституционная монархия, типа британской. Левосторонней партией можно назвать трудовиков; я бы определил их как левых кадетов... Ну и социал-демократы... Эсеры власть в Думу не пустили — бомбисты. Александр

Гучков, за которым стояли ведущие промышленники России и крупные аграрии, провозгласил партию «семнадцатого октября», «октябристы», правосторонние. Шовинистический, великорусский правый блок провозгласили Марков-второй и Пуришкевич... Самую правую часть этих правых возглавил доктор Дубровин, зарегистрировав свой «Союз Русского народа»; программа его уникальна: «назад, к самодержавию, во всем случившемся виноваты все, кто угодно: Англия, масоны, поляки, евреи, армяне, декаденты, Максим Горький, французские импрессионисты, но только не русские люди; их, доверчивых, нагло обманули иноверцы, иноплеменной элемент, вековой заговор Европы против России... Горько и смешно, право...»

Фриц. — Скорее страшно.

Юзеф. — Верно. Меня тоже страшит темная туча. Ладно, если бы такое несли безграмотные охотничьи, они газет в руки не берут, но ведь Дубровин — человек с университетским образованием! Он же прекрасно знает, что без помощи финансового капитала Европы царь бы не справился с революцией! Когда дубровинцы завывают, что наша революция еврейская, я диву даюсь! Антисемит-царь со своими жидоедствующими бюрократами платил полиции и армии золотом Ротшильдов! Прекрасное единение могуществ вне зависимости от вероисповедания... А то, что еврейских товарищей в революционной среде множество, то это не причина, а следствие: не было бы черты оседлости, погромов и лишения права учить еврейских детей в школах наравне с другими, процент участия евреев в революции не был бы столь высоким, поверь... Иногда мне кажется, что великорусские шовинисты — психически больные люди, маньяки... «Заговор Европы!» Они не хотели даже видеть того, что социалистический министр Клемансо не мешал французским банкирам поддерживать царя, а депутат

английского парламента Уинстон Черчилль, который не сегодня, завтра делается одним из ведущих министров Лондона, выступал — во время предвыборной борьбы — против еврейских погромов в России, но при этом не мешал английским промышленникам оказывать незримую помощь Николаю Кровавому вместо того, чтобы понудить кабинет Его Величества пересмотреть свои отношения с венценосным русским братцем...

Фриц. — Напиши об этом для нашей газеты, Юзеф! Такой аспект нов, он заинтересует немецкого читателя.

Юзеф. — Меня сейчас волнует польский, литовский, русский, украинский, белорусский и еврейский читатель, Фриц... А потом я непременно напишу для вас... Все, что публикуется у вас, далеко от нашей борьбы, понимаешь? Это роскошь — публиковаться у вас в такое время... Публиковаться надо здесь, чтобы это доходило — в любом виде — до наших людей.

Фриц. — Объясни мне суть споров о Думе между своими — большевиками и меньшевиками...

Юзеф. — Большевики предлагали игнорировать выборы в Думу, продолжать борьбу за свержение монархии, ибо она не намерена сдавать свои позиции. Меньшевики, наоборот, требовали участия в работе Думы, полагая, что она станет трибуной для легальной агитации против тирании. Правоту большевиков доказала история: через несколько месяцев после выборов, когда царь уволил премьер-министра Витте, который показался ему либералом, Дума была незаконно распущена, депутаты выброшены вон, часть арестована. Пришел Столыпин. Этого не устроила и вторая Дума — прошло слишком много левых кадетов и социал-демократов; центристско правое большинство Гучкова и Пуришкевича оказалось зыбким. Тогда Столыпин разогнал и вторую Государственную думу, бросив в Петропавловскую крепость депутатов от социал-демократии, обвинив их в военном заговоре, что есть ложь, провокаторский повод властям расправиться с неудобными... Я тороплюсь в Петербург, чтобы послать процесс над депутатами первой Думы...

Фриц. — Второй...

Юзеф. — Нет, именно первой... Социал-демократов второй Думы уже отправили в каторгу... А вот депутатов первой Думы, подписавших в Выборге беззубое воззвание против произвола, до сих пор не судили. Почему?

Фриц. — Это я тебя должен спросить «почему», Юзеф.

Юзеф. — Видимо, власти готовят какой-то сюрприз... Это игра, Фриц... Игра в кошки-мышки... Я думаю, после скандала с фарсом суда против социал-демократических депутатов второй Думы сейчас Столыпин будет делать хорошую мину при плохой игре, вполне либеральный процесс в открытом заседании...

Фриц. — А как ты вообще относишься к Столыпину?

Юзеф. — Недюжинный человек. Именно этого царь и бюрократия ему и не простила...

Фриц. — Но ведь на всех фотопортретах он вместе с государем...

Юзеф. — Верши спектакля? Странно, я считал, что ты большой прагматик... Прежде чем мы вернемся к исследованию царской камарилы, закончу с Думой... При выборах в третью Думу большевики сняли лозунг бойкота. И не потому, что партия переменила свое отношение к этому органу; мы поняли, что вооруженное столкновение с самодержавием проиграно, революция — временно — пошла на убыль, империя покрыта виселицами, работают военно-полевые суды, царствует страх, это в России быстро реанимируется, значит, сейчас надо переходить к легальным методам борьбы, то есть использовать Думу. Есть вопросы?

Фриц. — Костяк четок. Спасибо. А теперь про тех, кто противостоит прогрессу...

Юзеф. — Сколько времени до отхода поезда?

Фриц. — Полтора часа.

Юзеф. — Тебе придется поменять билет на завтра, если я стану рассказывать обо всех противниках прогресса в России; у нас накопилась достаточно серьезная картотека на только по северной столице и Москве, но и по крупнейшим центрам империи... Ладно, остановимся на узловых фигурах...

Фриц. — Кстати, ты запомнил просьбу Розы о господине Розе?

Юзеф. — Да, конечно... Только, пожалуйста, впредь никогда не называй имен товарищей в публичных местах...

Фриц. — Неужели ты думаешь, что эти пьяные финны слушают нас?

Юзеф. — Я допускаю такую возможность.

Фриц. — Тогда зачем говоришь со мной?

Юзеф. — Во-первых, сейчас не девятьсот четвертый год, а седьмой, сил у нас побольше. А во-вторых, я говорю о проблемах общего плана, это не может причинить вреда никому из товарищей, кроме, пожалуй, меня.

Фриц. — Понял, учту, едем дальше.

Юзеф. — Итак, наши противники. Как ты понимаешь, ведущей силой в борьбе с революцией является охранка, департамент полиции, министерство внутренних дел. Армию царь боится, он не очень-то верит

своим войскам, особенно после краха на Востоке и восстания на «Потемкине». Самой заметной фигурой политического сыска империи был директор департамента полиции Лопухин. Но его, как человека, близкого министру Плеве, убитого эсерами, сняли — в России каждый новый министр набирает своих людей, прежних гонит... На его место сели Трусевич и его заместитель Зуев. Эти особые веса не представляют в силу того, что свои позиции очень укрепил полковник Герасимов, шеф петербургской охранки, работающий непосредственно на Столыпина... Эту фамилию запомни непременно... Безусловно, тебе следует знать, кто такой Петр Рачковский. Хотя он сейчас активной роли не играет, но именно он был создателем русской заграничной агентуры, работал в Париже, воевал против народовольцев, потом попал в немилость у Плеве, бывшего тогда министром внутренних дел, и был уволен в отставку. Однако, как только Плеве убили эсеры, военный диктатор Петербурга генерал Трепов вернул Рачковского, сделал директором политической части департамента полиции. Говорят, Герасимов поначалу попал под его начальство. Это мы еще не проверяли. Но ясно то, что сейчас верховодит именно Герасимов, а Рачковский ушел на второй план, если вообще не готовится к отставке, хотя, говорят, его пытались защищать директор полиции Трусевич, активный противник Герасимова...

Фриц.— Ничего не понимаю! Революция еще до конца не окончена, страна разорена, а те, которые держат власть — Герасимовы, Трусевичи, Рачковские, — грызутся между собою! Как это объяснить?

Иозеф.— Где и когда ты встречал единение среди тех, кто лишен общественной идеи?! Каждый из поименованных мною думает о себе, Фриц, о своей карьере, своем имени, своем будущем. Своём! Вот потому мы убеждены в победе! Мы же думаем о благе народа, личная выгода от революции — это бред, термидор, а не революция!

Фриц.— Ты не мог бы помочь мне...

Иозеф.— В чем?

Фриц.— Я бы очень хотел побеседовать с Карповым¹ и Астрономом². В Лондоне писали, что они являются членами ЦК социал-демократов. И с Дедом³, который транспортирует литературу в Россию из Берлина.

Иозеф.— Вряд ли, Фриц. Еще вопросы?

Фриц.— Почему среди социал-демократов по-прежнему так сильны расхождения? Они, говорят, бьются, как и сановники в Петербурге.

Иозеф.— Эти расхождения носят, как понимаешь, совершенно иной оттенок, чем драка в Петербурге. Ленин отстаивает одну точку зрения, Федор Дан — другую, но тут вопрос талантливости, провидения даже, сказал бы я... Дан ведь, выступая за блок с кадетами, не о себе думал, он был искренне убежден, что так будет лучше революции, то есть народу. Это турнир талантов, Фриц, в котором победит наиболее талантливый.

Фриц.— Кто же?

Иозеф.— Ленин.

Фриц.— Это псевдоним?

Иозеф.— Видимо.

Фриц.— А подлинная фамилия тебе неизвестна?

Иозеф.— Даже если бы я ее и знал, я не вправе открыть ее, закон конспирации... Ленин лишен неподвижности, чем грешит Дан, в нем нет догматизма, он следует не идолу буквы, он держит руку на пульсе жизни... Беда многих товарищей меньшевиков в том, что они страшатся отступить, признать свою неправоту, выработать новый курс, публично отказавшись от прежнего... Вот этого, страшного, кандалного, в Ленине нет, в этом залог того, что он...

Фриц.— Почему ты не закончил?

Иозеф.— А разве так не ясно?

Фриц.— Хорошо, давай перейдем к камарилье, к царю и его семье.

Иозеф.— Там такой же раскордаж, как среди полицейских чиновников... Между царем и великим князем Николаем Николаевичем существуют расхождения. Дмитрий Константинович, внук императора Николая Первого, и Дмитрий Павлович, внук императора Александра Второго, двоюродный дядя Николая Второго, тянут свою линию, посещают салоны, где царя и царицу нескрываемо бранят, как людей темных, неспособных к европейскому решению русской трагедии. Елизавета Федоровна, вдова великого князя Сергея, убитого Яцекон Каляевым, не встречается со своей сестрой, царицей Александрой Федоровной. Да, да, сестры, родные сестры, принцессы Гессенские и Рейнские, не разговаривают, глядят врагами... Великий князь Кирилл Владимирович исключен из службы и лишен звания флигель-адъютанта за то, что вступил в брак со своей двоюродной сестрой, а ведь, пожалуй, единственный из Романовых, кто видел войну воочию: был на броненосце «Петропавловск», во время боя с японцами чудом спасся, когда случилась трагедия... Царь и Александра Федоровна живут замкнуто, под охраной генералов Дедюлина и Спиридовича, закры-

тое общество, тайна за семью печатями — в театрах не бывают, вернисажах тоже; специальный поезд мчит их в Крым, в Ливадию, мчит без остановок, только чтоб мимо страны, мимо, мимо, мимо...

Фриц.— Странно, отчего же все-таки Россия до сих пор не развалилась?

Иозеф.— Россия не развалится, Фриц. Развалится империя. А Россия и романовская империя — понятия взаимоисключающие.

Фриц.— Слишком красивая фраза, чтобы убеждать в своей истинности. Правда звучит проще.

Иозеф.— Ты, кстати, сформулировал свою позицию красивее, чем я. Но тем не менее я тебя в неправде не упрекаю. Действительно, правда должна звучать просто. Тот, кто мечтает о возвращении прошлого, — дурак, уповающий лишь на современное — заземленный мышонок, надеющийся на одно лишь будущее — прожектер... Прав лишь тот, кто объединяет в себе все эти три ипостаси.

Фриц.— Тоже красиво, но возразить не могу, согласен. Как я могу тебя найти, Иозеф? Если мне понадобится встреча? Через Розу?

Иозеф.— Мы уже уговорились — без имен. Ладно? Я сам найду тебя, Фриц. Я скоро буду в твоих краях.

Фриц.— Теперь последнее... Отчего ваш парламент назван Думой? На Западе этого никто не понимает.

Иозеф.— Дума — это не парламент. У нас по-прежнему нет конституции. Дума — это место, где говорят, Фриц, отводят душу, но не решают. Дума — от слова «думать», а не «решать», то есть «властвовать». Царь создал именно такой орган, где можно облегчить гнев, поговорить, но не делать...

Буду рад, милостивый государь, Нил Петрович, ежели Вы поручите соответствующим сотрудникам навести справки о «Фрице» и «Иозефе», а также о тех, кого они упоминали в своем собеседовании.

Остаюсь Вашего Высокоблагородия покорнейшим слугою ротмистр Кузнецов, помощник начальника Гельсингфорского представительства Департамента полиции.

Зуев усмехнулся, подумав, что обо всех тех, кого упоминали «Фриц» и «Иозеф», справки навести невозможно. Как их наведешь в салоне адовствующей императрицы Марии Федоровны или замке Кирилла Владимировича?!

Зуев перечитал письмо еще раз; опасный документ; от себя запустить в работу нельзя, священные особы государя и государыни затронуты в таком контексте, который не может не вызвать гнев в сферах; довериться некому: директор департамента Трусевич, хоть и работал в прошлом веке по судебному ведомству, не моргнет глазом, отдаст на заклятие, а уж о поддержке и думать нечего. Каждый первый боится своего второго, а посему норовит этих вторых менять почаще; меня столкнут нетрудно — был выдвинут Плеве, сотрудничал с Лопухиным, уволенным в позорную отставку, конечно, я тут как бельмо на глазу, таким не верят; если б не трусость, страх движения, давно б вышвырнули, а так, затаившись, ждут неверного шага; дудки; говорить, что все, молчать, когда другие молчат, и дел не делать — не подкопаются, у нас жрут только тех, кто высывается, самость свою выказывает...

Тем не менее Зуев понимал, что полученная информация таит в себе возможность интереснейшей комбинации, найди он этих самых «Фрица» и «Иозефа».

Поэтому, выписав имена и фамилии, его заинтересовавшие, на отдельные карточки, Зуев попросил своего помощника запустить «материал» в работу.

Ответы, полученные через три недели, заставили его еще раз задуматься над документом из Гельсингфорса; дело того стоило.

«На Ваш запрос № 542-2-11-07 сообщают:

1. «Роза» — речь идет о Розе Люксембургской, одном из лидеров польской социал-демократии.

2. «Родэ». Видимо, эта фамилия упоминается в связи с Розой Люксембургской, поскольку именно она посетила дом Александра Родэ на Крестовском Острове, набережная Средней Невки, 6, где произошла встреча руководящих деятелей соц.-демократии большевистского направления, посвященная тактике партии, в июле девятсот шестого года. Она прибыла туда, сопровождаемая Феликсом Доманским, он же Астроном, Переплетчик, Юзеф, Дзержинский. Здесь же состоялось ее совещание с Лениным после того, как были исчерпаны вопросы тактики большевиков.

3. Ленин, он же Фрей, Карпов, Винтер, является Владимиром Ильичем Ульяновым, лидером большевизма.

4. Доманский, он же Астроном, Юзеф, Ржечковский, Дзержинский, является одним из руководителей польской социал-демократии, по предложению Ленина якобы избран в Лондоне членом ЦК РСДРП.

5. «Дед», «Литвинов Максим Максимович» — Меир Валлах из Киева, после побега из центра, где ему грозила смертная казнь, находится в эмиграции, чаще всего появляется в Берлине, дружен с Розалией Люксембургской и Карелом Либкнехтовым, отвечает за транспортировку литературы и оружия в пределы Империи.

6. «Фриц» — в картотеке не значится.

7. «Иозеф» — в картотеке не значится.

8. «Юзеф» — один из псевдонимов Астронома, Дзержинского, Переплетчика.

Делопроизводитель Опрышкин.

Зуев внимательно прочитал дельный ответ Опрышкина, подумал, что человека этого надо будет пригласить для беседы, и отдал распоряжение о немедленном установлении места пребывания Юзефа Доманского — Дзержинского, где бы он ни проживал в настоящее время.

Однако через семь дней пришел ответ, что такого рода указания были отданы директором департамента Трусевичем, начальником варшавской охраны Завазиным, а также всеильным главою петербургской секретной полиции полковником Герасимовым еще осенью, но до сих пор член ЦК обнаружен не был, будто сквозь землю провалился.

Видимо, скрывается в Финляндии или Польше, — пояснил делопроизводитель Опрышкин (действительно, думающий человек, но чрезмерно пугливый). — Там нам трудно, Нил Петрович, особенно у финнов, — местные органы управления покрывают революционеров... Тем не менее я стану следить за этим самым «Юзефом» особенно пристально, с вашего разрешения.

Зуев повертел в руках фотографическое изображение Дзержинского: истощенное лицо; провальная шея; одно чахоточный, да и скулы торчат; высоченный лоб; несколько раскосые глаза; бушлат сидит колом; беглые люди, их же определишь сразу по какой-то неуверенности; во имя чего лишают себя мало-мальски приличного существования, которого нам и так отпущено с гулькин нос?! Что изменится?! Галерка периодически захватывает кресла партера, но ведь на сцене продолжает идти все та же пошлая драма, имя которой жизнь...

Перед выездом из Гельсингфорса Дзержинский зашел в филиал английского «Селфриджес»; только здесь продавали самые изысканные костюмы и пальто; выбрал черную кастровую пелерину, подбитую серо-красным клетчатым шерстяным материалом; купил темно-серый английский костюм (наставлял молодых членов партии: «организовывать вам побег из тюрьмы значительно дороже, чем оплатить расходы на приобретение элегантно костюма, — русская полиция чтит тех, кто дорого одет»), теплые башмаки с гетрами и свитер ручной работы; после этого отправился в парикмахерский салон Ханса Парвинайна и лег в его удобное кресло на полчаса. Поднялся, глянул в зеркало и не узнал себя: усы и борода были сделаны а ля-Ришелье, волосы подстрижены коротко, по последней моде, ни дать ни взять богатый английский коммерсант; ну, ловите меня, жандармы, смотрите в оба, не пропустите — медали лишитесь!

Через полчаса был на вокзале, пройдя сквозь посты полиции, как нож сквозь масло.

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ ПОЛКОВНИК ГЕРАСИМОВ ВСТРЕЧАЛ АЗЕФА САМОЛИЧНО?

Дзержинский спешил в Петербург потому, что там начинался суд над депутатами разогнанной Столыпинской первой Государственной думы.

В поезде, прижавшись головою к холодному стеклу, по которому ползли крупные капли дождя, Дзержинский читал корреспонденцию в черносотенном «Русском Знамени» о выступлении председателя «Союза Русского народа» доктора Дубровина перед «союзниками» в Вологде:

«Наш народ не принимал и не примет Думу, поскольку она есть не что иное, как порождение сил, чуждых

¹ Один из псевдонимов Ленина.

² Один из псевдонимов Дзержинского.

³ Один из псевдонимов М. М. Литвинова.

русской национальной идее, которая была, есть и будет идеей самодержавной, персонифицированной в образе вождя, неограниченного монарха, принимающего решения, не поддающиеся ничьему обсуждению. Заговор иноземных сил против русского духа — вот что такое Дума! «Хотим дать русскому народу демократию и парламент!» — возглашают бойкие еврейчики и надменные ляхи. А они спросили наш народ, хочет ли он этой самой «демократии и парламента»?!»

Дзержинский сунул газету в карман, недоуменно пожал плечами: неужели этот самый доктор не видит, что Россия отстала от Запада по всем направлениям? Неужели национализм может сделать человека полубезумным?

Кадеты в своих газетах прекрасноразумничали, упоенно писали о новой поре, когда исполнительная и законодательная власть найдет в себе мужество завершить под скипетром государя то, что началось в стране после того, как завершилась революция. А что началось? Отчаяние, неверие в способность сановников и молодых приват-доцентов сделать хоть что-нибудь; салонное сотрясение воздуха, пустая болтовня, страх перед кардинальным решением.

Правозащитная партия «17 октября», гучковские октябристы бранили кадетов за левизну, социал-демократов за бунтарство, «Союз Русского народа» за негибкость.

Ощущать надвигание общественных катаклизмов дано отнюдь не каждому политику; требовать знания социальных подробностей, которыми всегда отмечен кризис умирающей власти, — значит мечтать о невозможном; таланты, как правило, рождаются передовой идеей; эпохи посредственности отмечены серостью искусства и науки; именно революция выдвигает тех, кто умеет в калле воды видеть звезды.

...Спускаясь по мокрым ступеням вокзала, Дзержинский сразу же заметил толстого, громадного Евно Азефа; тот, подняв воротник дорогого пальто, быстро шел к закрытому экипажу; лицо человека, который ждал его в нем, было видно Дзержинскому одно лишь мгновение — незнакомое, холерное, несколько мертвенное.

Товарищи эсеры, подумал Дзержинский, верны себе: шикарные городские революционеры, при этом защитники крестьянской общины; Дубровин ставит на нее по своей сумасшедшей дурастии, а эти следуют партийной стратегии, разрушение общности нищих лишает их питательной среды, того самого недовольства, которое ведет к красному петуху и резне в помещичьих усадьбах; еще бы, «в борьбе обретишь ты право свое». В борьбе с кем и во имя чего?!

Дзержинский не знал и не мог тогда знать, что встречал Азефа не товарищ по партии, а Александр Васильевич Герасимов, начальник петербургской охраны, сыгравшей, кстати говоря, не последнюю роль в дальнейшей судьбе Феликса Эдмундовича.

...Свиты Его величества генерал-майор Дмитрий Федорович Трепов принадлежал к старинному дворянскому роду; братья его, Александр, егермейстер, сенатор, член Государственного совета, Владимир, тайный советник и шталмейстер, член Государственного совета и сенатор, Федор, генерал-адъютант, член Государственного совета и сенатор, воспитывались как и он сам, в доме отца, Федора Федоровича, того самого санкт-петербургского градоначальника, в которого двадцать четвертого января 1878 года стреляла Вера Ивановна Засулич — месья за порку в тюрьмах и доведение арестантов до самоубийства.

Младший сын, Дмитрий Трепов, пережил покушение на отца особенно тяжело; поэтому, кончив Пажецкий корпус и прослужив в лейб-гвардии конном полку, он отказался от карьеры, которая, конечно же, была бы стремительной, поменял форму гвардейца на жандармские погоны и сделался московским обер-полицеймейстером в возрасте сорока одного года; поставил на Зубатова, устроил с его помощью торжественное шествие рабочих во главе с великим князем Сергеем Александровичем к памятнику Александру Второму, нареченному «освободителем»; возложили венки, провели панихиду; никаких революционных выступлений не было; Трепов ликовал: план Зубатова оказался той панацеей, которая даст империи успокоение, позволит навсегда искоренить крамолу революции, бредни социалистов, одержимых западной идеей.

Однако же перемещения, на которые столь скор двор (кто первый нашептал на ухо государыне или Самому, тот и победил), больно ранили Трепова, когда он, не справившись с беспорядками в первопрестольной, был отлучен от должности с приказом отправиться в действующую армию, на Дальний Восток. А как он мог справиться с черной, когда войска терпели поражения в Маньчжурии, цены в Москве росли ежемесячно, власть отмалчивалась, являя народу державную величавость, которая на самом деле была проявлением обломовщины, — люди, лишённые общественной идеи, не могли предложить ничего нового; удержание, только удержание существующего, никакие реформ, ни в коем случае не отступать от привычного: «Не нами поклено, не нам и менять...»

Спасло чудо: в день, когда было объявлено про его отлучение от должности, девятнадцатилетний студент Полторацкий стрелял в Трепова за то, что по его приказу были избиты демонстранты: генерал отделился ислугом; нажал на связи; появились сообщения в прессе; страдальцы, шуты и убогие нравились государю; тут еще подвалило «красное воскресенье» — вместо дальневосточной окраины Трепов был переведен в Петербург, генерал-губернатором; приказ «патронов не жалеть» сделал его знаменем черносотенцев: назначили — спустя три месяца — товарищем министра внутренних дел и «заведывающим полицией» с оставлением в должности генерал-губернатора; в конце октября девятьсот пятого года, когда тучи свистались над Царским Селом, получил назначение дворцовым комендантом — самый близкий к государю сановник, вхож в кабинет в любое время дня...

Именно он, Дмитрий Федорович Трепов, позвонил директору департамента полиции Лопухину, спросил, кого тот может рекомендовать на пост начальника петербургской охраны.

— Полковника Герасимова, — ответил Лопухин. — Он Харьков крепко держит.

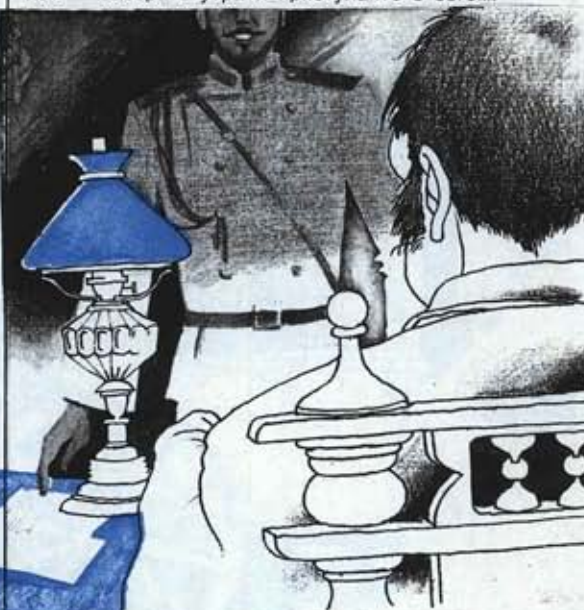
Вызвав Герасимова в Петербург, Лопухин посоветовал:

— Не вздумайте отказываться, Александр Васильевич. После «красного воскресенья» Трепов получил неограниченные полномочия от государя, человек он норова крутого, полагаете себе карьеру.

Герасимов тем не менее весь день — накануне визита к петербургскому диктатору — готовил фразу, которая бы мотивировала резонность отказа: «Чтобы бороться с революцией, город надо знать, как свой карман».

В кабинете Трепова, однако, сник и, кляня себя за врожденное рабство по отношению к вышестоящему начальнику, покорно согласился, заметив лишь, что боится не оправдать, подвести, не сдюжить.

— Рачковский поможет, — хмуро произнес Трепов. — Завтра с утра и приступайте к богу.

Герасимов прикрыл на мгновение веки и, стараясь не терять достоинства, произнес:

— Но я должен сдать Харьков преемнику и семью сюда перевести...

— Через две недели вам надлежит быть здесь, — сказал Трепов, — время не ждет.

В тот день, когда — ровно через две недели — Герасимов вошел в кабинет Трепова, тот стоял у телефонного аппарата бледный, с каплями пота на висках, повторяя:

— Господи, вот ужас-то, вот ужас, ужас, ужас, ужас...

Так Герасимов узнал про то, что в Москве взорван бомб эсеровских террористов великий князь Сергей Александрович.

Часом позже Трепов бурей ворвался в кабинет директора департамента полиции Лопухина и, не прикрыв дверь, выкрикнул гневно:

— Убийца!

Через пять минут об этом узнал аппарат тайной полиции России; Лопухин был обречен.

Да, здесь, в столице, схарчат в одночасье, подумал тогда Герасимов; кто смел, тот и съел; в смутное время о себе думать надо, только так и дано выжить, иначе погибел, нищета и бесславие.

...Старый змей Рачковский, состоя экспертом при Трепове, долго всматривался в холерное лицо Герасимова (провинциал, следит за внешностью, усы фиксатуарит, удлинняет каблук, чтоб казаться выше, глаза, однако, торговые, с хитринкой), а потом грустно вздохнул:

— Дмитрию Федоровичу известно, что в городе появилась террористическая группа. Готовят акт против великого князя Владимира, генерал-губернатора, бог знает, против кого еще... Денег не жалейте, но подлецов найдите. Если преуспеете — победитель,

прохлопаете — конец вашему будущему, время крутое, кости хрустят, сначала-то своих ломают, это легче, искать не надо, под рукою, есть на ком зло выместить. Ну, а я чем могу, понятно, помогу.

— Чем же? — поинтересовался Герасимов, не отвлекая взгляда от пергаментного лица Рачковского; мало в нем русского; женат на французке, большую часть жизни провел в Европе, заведует транзитной агентурой; знал с папой Львом XIII, открыто ненавидел немцев, стоял за русско-французское единение; не иначе республиканец. Немец, как и русский, консерватор и монархист, кайзера чтит, а для французца нет авторитета, несет, что душе угодно; на этом-то и погорел, голубь, когда прислал из Парижа письмо вдовствующей императрице Марии Федоровне, что ясновидец Филлипп на самом деле скрытый масон, подведенный к Николаю и государыне змеями. Письмо не влестило, не угадал настроения самого; министр Плева, — несмотря на былые заслуги Рачковского, «Народную волю» он ведь разгромил, никто другой — вышвырнул его в отставку; лишь после того, как сам Плева был разорван террористами в ключья и началась заваруха, Трепов возвратил Рачковского на права директора политической части департамента полиции с неограниченными полномочиями.

Рачковский не только выдержал пронизывающий взгляд Герасимова, но самого шефа охраны заставил опустить глаза долу, подумав при этом: «Ты так на своих харьковских «подметок»¹ смотри, на меня не смей, затолчу». Слово «взорву» даже про себя боялся произнести, поскольку министра Плева с его подачи боевики порвали в ключья.

— Помогу идеями, — улыбнулся, наконец, Рачковский. — Они дорогого стоят... А что есть на свете дороже мужской дружбы, Александр Васильевич?

Такой перешагнет через труп и не посмотрит, подумал Герасимов, пожимая руку Рачковскому; либо его действительно держать в друзьях, либо закапывать так, чтобы не поднялся.

Вернувшись тогда в охранку, Герасимов, не испрашивая разрешения Трепова (тот увиливал от однозначных ответов), вызвал помощников и сказал, что берет на себя внешнее наблюдение: прослеживание маршрутов Витте и Трепова — в целях, понятно, их же безопасности, наблюдение за членами Государственной думы и работу по летучим отрядам эсеровских террористов.

После этого отправился в кабинет Евстратия Павловича Медникова, ближайшего друга и помощника Зубатова, уволенного покойным Плева без права проживания в столицах. Был Медников коротконог, увалист, но в движениях между тем порывист; грамоте не учен; из унтеров; семья занималась в Ярославской губернии мелкой торговлей, пробавляясь розничным товаром; резвый на ум, сыпавший северными словечками, мол, сын народа, по-иностранию брезгуя, да и рафинированным петербургским тоже, — сплошные ужимки; именно этот человек, с зубатовской еще поры, ведал секретной агентурой северной столицы.

Первая встреча с ним состоялась у Герасимова три года назад, когда в благословенные годы тишины и мира в империи сыск возглавлял Зубатов; он был вызван в северную столицу с отчетом.

Посмеиваясь, рассыпая словечки, словно горох по деревянному столу, Медников тогда говорил:

— Плохо работаете, Александр Васильевич, с руки вон плохо, срам! Ни единой типографии в своем Харькове не открыли, а поручик Кременецкий в Екатеринославской губернии каждый год четыре штуки накрывает...

Герасимов захолодел от гнева:

— Я типографии не арестовываю потому, милостивый государь Евстратий Павлович, что у нас таковых нет, а самому ставить на деньги департамента, чем занимается Кременецкий, дабы получать внеочередные награды, — увольте, не стану.

После этого до крайности неприятного разговора сразу же отправился к начальнику департамента полиции Лопухину:

— Алексей Александрович, допустимо ли, что Медников и его фавориты тратят деньги департамента, помогая революционерам ставить подпольные типографии, а потом, арестовав последних, получают за это награды и звания?

Лопухин тогда мягко успокоил Герасимова, отпустил с миром, намекнув на скорое его повышение по службе; слово сдержал, через месяц дал погоны подполковника.

И вот спустя три года, увидав Герасимова в своем маленьком полутемном кабинетике, Медников сорвался со стула, рассыпался горохом поздравлений: «Может, чего и не так было, но из-за того это, что пень и неученый, а вот верно служить — чего не отнять умею — начальству своему, кем бы оно ни было, предан душою».

— Молодец, — прервал его Герасимов. — Знаю. Только вы ж меня и отучили на слово верить, Евстратий Павлович. Делу верю. Вы по указанию Трепова и министра Дурново кому передаете ежедневные отчеты по секретной агентуре?

¹ «Подметка» (жаргон охраны) — провокатор.

— Ну как же, Рачковскому! Вашему нынешнему советнику и передаю, Александр Васильевич.

— Так вот, отныне вы ему лишь то передавайте, что я укажу. А все, абсолютно все, мне. И — никому больше. Ясно?

— Ну как же не понять, Александр Васильевич?! Все будет исполнено, как надобно, уже не сомневайтесь.

— Причем запомните: меня террор волнует. Сейчас. В данный конкретный момент. Именно террор.

— Значит, социал-демократов не освещать?

— Господь с вами, — усмехнулся Герасимов и не отказал себе в унижающем собеседника, — милейший... И социал-демократов освещать, и наблюдение за Думой вести, и перлюстрировать письма наших аристократов, и собирать полнейшую информацию о Милюкове, Гучкове, Дубровине. И все мне на стол. Но главное — террор. А сейчас пораскиньте, милейший, кого бы вы мне назвали, как самого опасного человека в терроре?

— Савинков, кто же еще? — ответил Медников, глядя на Герасимова влюбленным взглядом.

— Подходов у вас к нему нет?

— У меня? — переспросил тот.

— Не у министра же.

— Ах, если бы, — ответил после некоторой паузы Медников. — Не подкрадешься к такому бесу, осторожен и смел.

В тот же день три филера, привезенные Герасимовым из Харькова, доложили, что Медников отправился поздней ночью к Рачковскому, соблюдая при этом все меры предосторожности; трижды проверился; сваливал в проходные дворы, видно, сильно нервничал.

Загадочная Герасимовым кухарка Рачковского всего разговора загадочных друзей не слышала, но ей запомнилась фраза Рачковского: «Знай, за Филипповского ты мне головой отвечаешь. Он мой. Он мне нужен. А потому — тебе. Если он попадет к Герасимову — не пощаду, я двойной игры не прощаю».

Именно в это время Евно Филиппович Азеф с осторожной подачей Рачковского (через третьи руки, никаких улик или прямых контактов) начал подготовку акта против министра внутренних дел Дурново, который перестал устраивать Трепова, поскольку личная разведка столичного диктатора принесла ему на блюдечке подарок: имя человека, который был готов взять на себя министерство внутренних дел, чтобы навести в стране жестокий, но вполне справедливый порядок, — Петр Аркадьевич Столыпин; в отличие от Дурново он имел программу действий, во время бунтов не растерялся, был готов на волевые решения и не страшился ответственности.

Естественно, наблюдение Герасимова засекало трех «извозчиков», тершихся вокруг дома Дурново: почерк эсеров, те и Плевае таким же образом обложили; бомбисты, ясное дело; осуществлял связь между ними Азеф.

Старик филер, начавший службу еще в прошлом веке, обозначил в своих безграмотных рапортах некоего человека, замеченного им вместе с извозчиками, «нашим Филипповским»; как на грех, в это время Медников лежал с простудой, и рапортчики попали напрямую Герасимову; тот вызвал старого филера на «дружескую беседу», угостил рюмкой хереса и поинтересовался, отчего человека, подозреваемого в терроре, он называет «нашим».

— Да, господин, — сияя глазами, отрапортовал филер, — мне ж его еще три года назад в Москве Евстратий Павлович Медников показал! В булочной Филиппова это было, оттого мы его и обозвали «Филипповским». Самый, сказал тогда Евстратий Павлович, ценный сотрудник охраны, страх и гроза террористов, умница и прохиндей...

Такая кличка никем ни разу в охране не произносилась; Герасимов отправился в департамент полиции к Рачковскому; тот — хоть и формально — числился начальником секретной части, несмотря на то, что проводил все дни в приемной Трепова.

Выслушав вопрос Герасимова, Рачковский равнодушно пожал плечами, отошел к сейфу, где хранились имена «коронной» агентуры, принес на стол американские картотеки, предложил сейфу охраны самому посмотреть все формуляры, недоумевая, откуда мог появиться этот самый «Филипповский».

Герасимов выразил благодарственное удовлетворение ответом «старшего друга»; вернувшись к себе, повелел схватить Филипповского при первой же возможности; когда ему возразили, что это может провалить операцию по слежению за группой террористов, отрезал:

— Не надо учить ученого. А коли решитесь жаловаться, сверну в бараний рог, ибо выполняю личное указание министра.

Личного указания не было; никто, даже Трепов, обо всем этом не знал; Филипповского подстерегли, сунули в закрытый экипаж и доставили в кабинет Герасимова.

Сдерживая ярость, Азеф протянул Герасимову паспорт:

— Меня знают в свете! Я инженер Черкес! Если я не буду освобожден, завтра же Петербург прочтет в печати о полицейском произволе, который был воз-

можен лишь до манифеста, дарованного нам государем! Кто-то хочет бросить тень на монарха и тех, кто стоит с ним рядом во имя святого дела обновления России!

Ярился он долго, минут двадцать; Герасимов сидел за столом, отодвинувшись в тень, так, чтобы свет бронзовой настольной лампы под большим зеленым абажуром не освещал лица; дав арестованному пошуметь, тихо, чуть не шепотом спросил:

— Скажите, а работа в качестве секретного агента тайной полиции никак не бросает тень на священную особу монарха, ратующего за обновление России?

Азеф на какое-то мгновение опешил, потом поднялся во весь свой громадный рост:

— Да вы о чем?! Мне?! Такое?!

— Именно. Но в развитие нынешнего демократического эксперимента я даю вам право ответить мне «да» или «нет».

— Нет! Нет! И еще раз нет!

— Ваш ответ меня удовлетворяет, несмотря на то, что он лжив. Я никуда не тороплюсь, комната вам здесь приготовлена, отправляйтесь туда, посидите, подумайте и, когда решите говорить со мною начистоту, дайте знать.

Через два дня Азеф попросился к Герасимову:

— Да, я был агентом департамента полиции. Готов рассказать обо всем вполне откровенно, но лишь при одном условии: я хочу, чтобы при нашей беседе присутствовал мой непосредственный начальник.

— А кто это, позвольте полюбопытствовать?

— Петр Иванович Рачковский.

Герасимов медленно, картинным жестом снял трубку телефонного аппарата, сказал барышне номер, приложил рожок к своим чувственным, несколько даже женственного рисунка губам и сказал, чуть посмеиваясь:

— Петр Иванович, слава богу, тут задержали этого самого Филипповского, о котором я вас спрашивал... Вы еще мне ответствовали наперед, что он вам совершеннейшим образом неизвестен... Представьте, он

принес устное заявление, что служил под вашим началом, освещая террор социал-революционеров.

— Да быть того не может, Александр Васильевич, — с подкупающей искренностью отвечал Рачковский. — Какой же это Филипповский?! Прямо ума не приложу, вот ведь беда! Какой хоть он из себя? Вы-то его уже видели самолично?

— Так он напротив меня сидит, как не видеть, — сказал Герасимов, дружески улыбаясь Азефу. — Только он отказывается со мною беседовать, коли вы не придете, — как-никак непосредственный, многолетний руководитель...

— Он здоровый такой, да? — спросил Рачковский. — Губищи, как у негра, и глаз масляной?

— Ну, губы у него вовсе не негритянские, — ответил Герасимов и сразу же заметил в глазах Азефа такую глубокую, яростную и униженную ненависть, какую редко видал в жизни. Когда Рачковский приехал к Герасимову и засеменял было к Азефу, тот поднялся во весь свой огромный рост, руки ему не подал, закричал:

— Сучье вымя! Я твою маму видал в белых тапочках! Ну, долбаный мышонок, ну, сын...

Такой матерщины Герасимов в своей жизни не слышал ни разу; приехав в Петербург, он со свойственной ему тщательностью ознакомился с городом, побывал, конечно же, и в трущобах на Калашниковской набережной, но даже там, среди босяков и продажных девок, ему не доводилось слышать извержения вдохновенной брани, свидетелем которой он стал.

— Неблагодарный, мелкий чинодрал! — продолжал буйствовать Азеф. — Вы делали на мне карьеру! Моя информация докладывалась в сферу! За вашей подписью! А потом вы бросили меня — революция и все такое прочее! Без денег! Без инструкций! Ни на одно мое письмо не ответили! И чтобы не сдохнуть с голоду, я — именно по вашей милости — связался с бомби-

стами! Да, да, это я ставлю акт против Дурново! Я писал вам, предупреждал добром, что необходима помощь и поддержка, объяснял ситуацию, говорил, что все может кончиться! А вы?!

Рачковский стремительно глянул на Герасимова, сохранявшего отстраненную невозмутимость, с ужасом подумал о том, в какой мере этот харьковский провинциал вник в затаенный смысл происходящего, и чуть что не взмолился:

— Евгений Филиппович, да не волнуйтесь же так, бога ради! Право, все образуется! Винюсть! Винюсть перед вами, но ведь мы подданные обстоятельства, постарайтесь понять меня верно!

Неужели и впрямь именно милейший Петр Иванович, думал между тем Герасимов, затеял комбинацию по устранению министра Дурново? Азефа знает много лет, характер его изучил вполне, мог достаточно четко представить себе, куда повернет подопечного, оставь его на произвол судьбы: темперамент южный, гонору тьма, ума палата, ясное дело, пойдет в то предприятие, которое сулит выгоду. А успех акта против Дурново означает огромный приток пожертвованных в кассу бомбистов партии эсеров. А кто их кассой распоряжается? Он, Евгений Филиппович. На акт идут несчитанные деньги, герою — карты в руки, конспирация предполагает полнейшую неподотчетность, кровавое дело строится на вере, иначе нельзя...

— Хотели меня под пулю в затылок подвести?! — бушевал между тем Азеф. — Чтоб все шито-крыто?! Не выйдет! Не пальцем сделан!

А ведь удача мне сама в руки плывет, думал Герасимов; Трепов валит премьера Витте, будут искать нового; главная пружина российской иерархии не премьер, а министр внутренних дел, тот, кто держит; вот уж воистину несчастная держава — «тащить и не пущать»; разрешили б дело — не было бы никаких революций! А то как собаки на сене: сами не могут, а тем, кто умеет, перекрывают дорогу. Только поэтому все эти Милюковы с Гучковыми и появляются; им бы свободу поступка, так ведь нет, нельзя, хоть ты тресни! А господа бомбисты тут как тут, спасители отечества, жидовня треклятая! Дудки, Петр Иванович Рачковский, не ты, мумия парижская, а я стану строить комбинации! Я, и никто другой!

— Господа, — вступил, наконец, в разговор Герасимов, отчего-то горестно вздохнувши, не отводя при этом взгляда от лица Азефа, пошедшего красными нервическими пятнами, — зачем вы все о прошлом?! Я сострадаю Евгению Филипповичу и обязан сказать об этом совершенно открыто, как на духу. Вопрос с актом против его высокопревосходительства министра внутренних дел империи закрыт, я полагаю. Видимо, теперь Евгений Филиппович найдет возможным сменить гнев на милость и предложит выход из создавшегося положения... Как будем жить дальше, вот в чем вопрос. Что станем делать в самое ближайшее будущее?

Азеф неожиданно рассмеялся:

— Вы спросите Рачковского, как он хотел члена нашего ЦК Рутенберга купить? Спросите, каков в работе его агент, поп-расстрига Галон? Выдал он Петру Ивановичу нашу Боевую Организацию?

Герасимов посмотрел на Рачковского вопрошающе: тот залился мелким смехом; по-птичь, как-то жалостливо завертел головой, словно собирался клевать корм, мазнул лицо Герасимова стремительным взглядом и снова забегал по кабинету.

— Да вы садьте, — продолжал между тем Азеф, испытывая злорадное удовлетворение, — у вас и в спине испуг чувствуется, Петр Иванович. Я по спине человека снимаю еще точнее, чем по лицу... Знаете, где сейчас ваш агент Галон находится? Нет? Он, голубь, уже месяц как висит на крючке в заброшенной дачке на финской границе. А под крюк Рутенберга, который его казнил по приговору нашего ЦК, его ведь вы подвели... Между прочим, коли б вы с ним вместе пошли на ту дачку, как хотели, — и вас бы вздернули. А пятьдесят тысяч золотом, что вы на операцию по вербовке Рутенберга получили у Дурново с Лопухиным, тью-тью! С концами... — Азеф потер лицо своей большой ладонью и, наконец, обернулся к Герасимову. — Что же касается моего будущего сотрудничества с вами, то сначала извольте уплатить мне пять тысяч рублей — жалованье за то время, что господин Рачковский игры водил с Галоном. И еще семь тысяч на оплату подготовки акта против Дурново: извозчики, гостиницы, трактиры, экипажи, кони. И впредь прошу выплачивать мне тысячу рублей золотом ежемесячно. Без всяких предварительных условий... Акт на Дурново прервете легко: сообщите в газетах, контролируемых вами, что напали на след бомбистов. И поставьте слежку за моими «извозчиками». Пусть их пасут денно и ночью, группа сама распадется. Я буду звать продолжать террор, убеждать, что Дурново, несмотря на это, мы поднимем с экипажем и конями в воздух... Мне не поверят, предлагаю повременить, поискать новые возможности... Ни одного из моих «извозчиков» не брать, иначе засветите меня, а я вам еще пригожусь.

Дурново выслушал доклад Герасимова, жестко усмехнулся, когда начальник столичной охраны запустил про то, что Азеф, согласившись вернуться на работу, подвергает свою жизнь смертельному риску — революционеры провокаторов казнят безжалостно, — и заинтересовался:

— А когда «извозчики» с динамитом ждут, моя жизнь риску не подвергается?! Я во Дворец выехать не могу — по вашему же указанию, полковник! Я, министр, вынужден вам подчиняться! Каково мне в глаза государю глядеть?!

Герасимов понимающе вздохнул, подумав при этом: «Чего ж мне-то врать, голубь?! К какому государю я тебя не пускал?! Ты ж тайком по ночам к Зинаиде Сергеевне ездишь, в номера! И к Полине Семеновне, в ее дом, — благо вдова ничего не остерегается, во время утех кричит так, что прохожие вздрагивают, думая, не насилуют ли кого... Конспиратор дерьмовый...»

— Хочет этот самый Азеф работать, — продолжил Дурново, — пусть себе пашет, я не против: время беспокойное, каждый сотрудник позарез нужен. Что же касается риска, то мы его оглачиваем.

И легко подписал документ, калькулирующий расходы за труд Азефа, добавив при этом:

— Пусть его по-прежнему Рачковский курирует, но все встречи проводит в вашем присутствии. Все до единой.

Герасимов, однако, решил по-своему, ибо достаточно уже обжилась в столице, получил информацию, которая есть ключ к незримому могуществу, вошел во вкус дворцовых интриг и начал грести на себя, хватит каштаны из огня таскать. Раз в месяц он встречается с Азефом в присутствии Рачковского, а дважды — с глазу на глаз; во время этих-то бесед и рождалась стратегия террора, на который — в своей борьбе за власть и продвижение вверх по карьерной лестнице — решил поставить Герасимов, понимая, что рискует он не чем-нибудь, а головой.

...После разгона первой Думы, которая оказалась двору слишком революционной, после того, как Трепов и Рачковский скушали Витте и вместо Сергея Юльевича премьером был назначен вечный дремалка Горемыкин, а Дурново, получив почетную отставку, сразу же свалил в Швейцарию, вместо него в столице появился новый министр, Столыпин — провинциал с цепкими челюстями. Когда дедушка Горемыкин ушел на покой, уступив место Петру Аркадьевичу, когда выбрали вторую Думу, но она, по мнению Столыпина, оказалась еще более левой, чем первая, именно Герасимов — в обстановке полной секретности — обговорил с Азефом план провокации, которая позволила и эту негодную правительству Думу разогнать.

Именно поэтому Герасимов самолично встречал Азефа на вокзале, не предполагая даже, что зеленые глаза Дзержинского фотографически точно зафиксировали его лицо в закрытом экипаже, куда садился руководитель эсеровской боевки Азеф, знакомый Феликсу Эдмундовичу еще по Швейцарии, — свел их там три года тому назад Яцек Каляев.

СПЕКТАКЛЬ ЗА НА ОКУЖНОМ

Получив — через верных друзей — пропуск на процесс по делу бывших членов первой Государственной думы, Дзержинский зашел в писчебумажную лавку Лилина, что на Невском; спросил у приказчика два маленьких блокнота и дюжину карандашей.

Молодой сонный парень в поддевке, бритый под горшок, но в очках завернул требуемое в бумажный срыв, назвал цену и лаюче, с подвывом зевнул.

— Вы карандаши, пожалуйста, заточите, — попросил Дзержинский, — они мне потребуются в самом близком будущем.

— Придете домой и обточите, — ответил приказчик.

— Тогда, быть может, у вас есть бритва? Я это сделаю сам, с вашего разрешения. На улице достаточно сильный мороз...

Приказчик осклабился:

— Что, русский мороз не для шкуры ляха?

Дзержинский обсмотрел его круглое лицо; бородка клинышком, тщательно подстриженные усы, салные волосы, глаза маленькие, серые, круглые, в них нескрываемое презрение к ляху, который и говорит-то с акцентом.

— Где хозяин? — спросил Дзержинский холодно. — Извольте пригласить его для объяснения...

Приказчик как-то враз сник; Дзержинскому показалось даже, что волосы его стали еще более маслянистыми, словно бы салились изнутри, от страха.

— А зачем? — осведомился парень совсем другим уже голосом.

Дзержинский стукнул ладонью по прилавку, повысил голос:

— Я что, обратился к вам с невыполнимой просьбой?!

— Что там случилось? — слышался дребезжащий, усталый голос на втором этаже; по крутой лесенке спустился высокий старик в шотландском пледе, накинутом поверх длинного, старой моды, сюртука; воротник рубашки был до того высоким, что, казалось, держал шею, насильственно ее вытягивая.

— Добрый день, милостивый государь. — Дзержинский чуть поклонился старику. — Я хочу поставить вас в известность; как журналист, я обязан сделать все, чтобы вашу лавку обходили стороной мало-мальски пристойные люди. Я не злоупотребляю пером, согласитесь, это оружие страшнее пушки, но сейчас я был бы бесчестным человеком, не сделав этого...

— Заранее простите меня, — сказал старик, — хотя я не знаю, чем вызван ваш гнев... Понятно, во всех случаях визитер прав, а хозяин нет, но объясните, что произошло?

— Пусть это сделает ваш служащий, — ответил Дзержинский и медленно пошел к двери.

Приказчик молча бухнулся на колени, а потом, тонко взвизгнув, начал хватать хозяина за руку, чтобы поцеловать ее:

— Да, господи, Иван Яковлевич, бес попутал! Оне просили карандаши заточить! А я ответил, чтоб сами это дома сделали...

— Милостивый государь, — остановил Дзержинского старик, — позвольте мне покорнейше отточить вам карандаши... Право, не оттого, что я боюсь бойкота моей лавки; я попросту обязан это сделать. — Он брезгливо выдернул свою сухую руку из толстых пальцев приказчика. — Однако полагаю, вас огорчил не только безразличный отказ этого человека... Я допускаю, что он, — старик кивнул на приказчика, по-прежнему стоявшего на коленях, — вполне мог сказать нечто, задевшее ваши национальные чувства, не правда ли?

— Верно, — согласился Дзержинский. — Тогда отчего же, зная это, вы держите такого служащего?

— Присоветуйте другого, на тот же оклад содержания — буду премного благодарен...

— Иван Яковлевич, отец родимый, — взмолился приказчик, — простите за ради Христа темного сироту! Все ж про поляков так говорят, ну, я и повторил, винюся, не лишайте места!

— А кто это «все»? — заинтересовался Дзержин-

ский. — В «Союзе Русских людей» состоите? Сходки посещаете?

— Так ведь они за успокоение говорят! Чтоб смута поскорей кончилась!

— Боже мой, боже мой, — вздохнул старик, начав заточивать карандаши, — какой это ужас, милостивый государь: темнота и доверчивая тупость... Неграмотные, но добрые по своей сути люди повторяют все, что им вдалбливают одержимые фанатики... Судить надо не его, а тех образованных, казалось бы, господ, которые учат их мерзости: «Во всех наших горестях виноват кто угодно, только не мы, русские...» А ведь мы кругом виноваты! Мы! «Страна рабов, страна господ...» Ах, было б побольше господ, а то ведь рабы, кругом рабы... Вот, извольте, я заточил карандаши. — Старик подвинул Дзержинскому семь «фарберов» и начал медленно подниматься по скрипучей лесенке. Остановился, стараясь унять одышку; улыбнулся какой-то отрешенной улыбкой. — Между прочим, в этом доме у моего деда Ивана Ивановича Лилина обычно покупал перья ваш великий соотечественник поэт Адам Мицкевич...

В час дня в здании Окружного суда, что на Литейном, при огромном скоплении зевак на улице (в помещении не пустили жандармы) начался процесс над членами распущенной первой Думы.

В час двадцать приехал Герасимов, устроился в самом уголке тесного зала, скрыв глаза темным пенсне; борода припудрена, чтобы казалась седой; Дзержинский сидел рядом, записывал происходящее.

Герасимов мельком глянул на Дзержинского, понял, что не русский, видимо, щелкопер с Запада, их здесь сегодня множество; пусть себе пишут, дело сделано; во всем и всегда главное — прихлопнуть,

доведя до конца задуманное, потом пусть визжат, не страшно; конечно, лет через двадцать клубок начнет раскручиваться, но мне-то будет седьмой десяток; важно сладко прожить те годы, когда ты силен, каждый день в радость, по утрам тело звенит и ласки просит. Медленно, ищущее Герасимов перевел взгляд на следующий ряд (неосознанно искал в лицах ассоциативное сходство, верил, что все люди есть единое существо, раздробленное на осколки); подвигился тому, как господин возле окна похож на бывшего министра Дурново, только в лице нет той уверенности в себе, которая всегда присутствовала в Петре Николаевиче. Улыбнулся, вспомнив, как во время прошлого царствования Дурново, служивший тогда в департаменте по контрразведывательной части (добывал шифры и копии переписок писем, аккредитованных при Дворе), имел флирт с очаровательной баронессой фон Кишнер, Пелагеей Антоновной; та, однако, вскорости предпочла ему бразильского посланника; Дурново заподозрил, что делит с кем-то любимую, но фактов не имел; каково же было его изумление, когда среди документов, принесенных в департамент его агентурой для перепроверки, обнаружил в бумагах коричневатого бразильского дипломата письма возлюбленной: «Моя нежность, я просыпаюсь с воспоминанием о ночи, которую провела в жарких объятиях...»

Дурново отправился к баронессе, та была в пеньюаре уже, нежно поцеловала бывшего гардемарина, оставившего море для того, чтобы посвятить жизнь идее охраны монархии, шепнула, прикоснувшись сухими губами к мочке уха, что мечтает о нем дни и ночи; Дурново поинтересовался: «Обо мне ль одним?» — и бросил изменнице в лицо письма к бразильцу. Наутро заморский дипломат посетил министерство иностранных дел и заявил официальный протест по поводу того, что его корреспонденция подвергается перлюстрации; вечером об этом скандале узнал государь и повелел «гнать дурака Дурново вон»; бедолагу уволили, пожаловав, однако, званием сенатора, — с дураками и умеренными казнокрадами Россия расстается по-доброму, с перемещением, — нельзя же, право, дворянина, из своих, травмировать отставкою, с любимым грех может случиться...

Через полгода после смерти Александра Третьего Дурново вернулся в министерство с повышением: его выправка и морские анекдоты нравились «серому кардиналу» Победоносцеву, тем более что помощники «первосвященника», ведавшие составлением тайных генеалогических таблиц, высчитали, что в жилах бывшего гардемарина текла настоящая русская кровь, без вкраплений прусской или, что хуже, французской; такие, как он, — верная опора трона: никаких фантазий и самочинностей, истовое выполнение предписанного свыше, иначе нельзя, мы не какие-то североамериканские штаты, где каждый по своему закону живет, мы сильны не писаным законом, а традицией седой старины, суета нам не к лицу, а тем паче подстраивание под «новые времена».

В третьем ряду Герасимов заметил девушку, невыразимо похожую на несчастную Танечку Леонтьеву. Красавица, умница, дочь якутского вице-губернатора вступила в отряд эсеровских бомбистов, а ведь была вхожа во Двор, ей предстояло сделать фрейлинойю Александры Федоровны, императрицы всея Белья и Желтыя... Вот ужас-то, господи! Уж после ее гибели Герасимов узнал, что бомбисты одобрили план Леонтьевой: во время бала, где девице отвести роль уличной продавщицы цветов, Танечка должна была подойти к государю с букетиком незабудок, а как подошла, так и засадила б в монарха пулю — ответ на убийства во время «кровавого воскресенья»...

В Петропавловской крепости несчастная свернула с ума, польку-бабочку сама с собою в камере танцевала... Отец вымолил ей освобождение, отправил в Швейцарию, в Интерлакен, в лучшую санаторию... А Танечка как в себя пришла, так сразу к Борису Викторовичу, к дьяволу Савинкову: «Хочу вернуться в террор». Тот порыв одобрил, но просил еще маленько полечиться... Так ведь нет, пристрелила в своем санатории семидесятилетнего парижского коммерсанта Шарля Мюллера, решив, что он не кто иной, как Дурново. Тот (это бомбистам было известно) действительно ездил за границу по паспорту Мюллера; как на грех, француз был похож на отставного русского министра, да и говорил по-немецки с акцентом — все французы по-иностранному так говорят. Швейцарский суд приговорил Татьяну к десятилетнему тюремному заключению; конец жизни; Швейцария не Россия, добром не договоришься, в агенты не перевербуешь, и откупиться нельзя — за законом парламент смотрит, как что не так — сразу скандал...

...Герасимов сунул в рот длинный мундштук; слава богу, что черная сотня вовремя убрала депутатов первой Думы Иоллоса и Герценштейна; эти соловьи такие бы здесь насвирители, ого-го-го!

Про то, что «Союз Русских людей» провел этот акт с подачи департамента полиции, думать не хотел; зачем? Виновные будут наказаны, пусть мавры делают свое дело, на то они и мавры; нет слаще ощущения, чем то, которое острее всего понимает артист цирка, работающий с куклами: дерг пальчиков — и нет кукол, дерг другим — куклолка возносится вверх,

дерг третьим — и нет петербургского градоначальника фон дер Лауница! А не надо было покушаться на чужое, захотел, видите ли, кисонька, получить под свой контроль центральную охрану, со всей агентурой и филерами! Дудки-с! Своего не отдадим! Кто ж тайное могущество добром отдаст?!

Азеф тогда назвал Герасимову дату предстоящего покушения на фон дер Лауница, но молил, чтобы информация была проведена сквозь архивы охраны за чужой подписью: «Ваши стали болтунами, раскроют в два счета!» Был издерган, говорил, что чует на спине глаза врагов, лицо действительно сделалось желтым, отеками, старческим.

Герасимов пустил наиболее доверенную агентуру по следам, которые обозначил Азеф, данные подтвердились: боевики Льва Зильберберга и вправду готовили акт на третье января девятьсот седьмого года, во время торжественного открытия нового медицинского института во главе с принцем Петром Ольденбургским.

Петр Аркадьевич Столыпин был, понятно, как и фон дер Лауниц, приглашен на открытие.

Позвонив фон дер Лауницу, чтобы предупредить о ситуации, Герасимов был прямо-таки шокирован грубой бестактностью градоначальника: «Вы мне поскорей агентуру свою передавайте, я уж наведу порядок!»

Герасимов отправился к премьеру; когда состоялась их первая встреча, Столыпин, выслушав подробный двухчасовой доклад шефа охраны, позволил приехать домой в любое время суток: «Мне искренне приятен разговор с вами, полковник. Я давно не встречал человека такой компетентности и такта; вопрос террора — вопрос вопросов, некое политическое средоточие всей ситуации в империи. Эсеры провозгласили, что на время работы Государственной думы они террор прекращают. Вы верите в это?»

Герасимов тогда поднял глаза на Столыпина, долго молчал, а потом тихо ответил: «Вам террор поболее, чем им, нужен, Петр Аркадьевич... Чего стоит хирург без скальпеля?»

Тот ничего не сказал, только глаза отвел, резко поднялся со стула, простился сухо, сдержанным кивком.

Герасимов вернулся к себе в охрану и только здесь, оставшись один, ощутил жуткий, холодящий душу ужас: «Кого решил себе в союзники брать?! На что замахнулся, вошь?! Пусть себе газеты пишут про свободу и гласность, а ты — тась!»

Тем не менее назавтра от Столыпина позвонили в десять вечера, осведомившись, нет ли каких новостей: «Петр Аркадьевич готов вас принять».

Во время аудиенции Столыпин был весел, слушал, не перебивая, затем пригласил на чашку чая, представил жене Ольге Борисовне; Герасимов ликовал; пронесло; взял наживу Петр Аркадьевич, иначе б дражайшей не отрекомендовал как «Верного стража империи»; пойдет дело, только б наладить пару подконтрольных террористических актов, получить законное право на ответный террор правительства, вот тебе и пост товарища министра внутренних дел, внеочередной крест и генеральские погоны!

Когда Герасимов, узнав о предстоящем покушении, приехал в Зимний, Столыпин спокойно выслушал полковника и вопросительно посмотрел на Ольгу Борисовну, теперь они довольно часто беседовали втроем — высшее проявление доверия к сослуживцу.

— Александр Васильевич совершенно прав, ты не должен ехать на церемонию, — сказала Ольга Борисовна, скрывая испуг.

— Я полагаю, — возразил Столыпин, — что Александр Васильевич сможет поставить такую охрану, что бомбисты ничего не сделают.

Герасимов отрицательно покачал головой: — Я на себя такую ответственность не возьму. Повторно заклинаю не ездить туда.

На следующий день фон дер Лауниц, открыто заявлявший свою неприязнь к Герасимову, поинтересовался:

— Ваши люди будут на церемонии в медицинском институте?

— Непременно, Владимир Федорович, — ответил Герасимов, — я отрядил практически всех моих филеров...

— Петр Аркадьевич пожалует?

— Конечно, — спокойно сказал Герасимов, зная совершенно точно, что премьер решил не ехать (Ольга Борисовна ликовала сообщая утром, что смогла отговорить мужа).

— А мне советуете не быть? — усмехнулся фон дер Лауниц. — Что, трусом норовите представить в сферах? Не выйдет, полковник! Как-никак, а я свиты его величества генерал-майор, мне ли страшиться бомбистов?!

— Я не смею ни на чем настаивать. Мой долг состоит в том, чтобы загодя предупредить об опасности...

— Вы, кстати, закончили составление списков всей вашей агентуры? Акт передачи проведем в моем кабинете на следующей неделе. Политическую охрану беру себе.

— Хорошо, — ответил Герасимов, — на следующей неделе я передам вам все, Владимир Федорович!

Этим же вечером Герасимов нанес ряд визитов, в том числе повстречался и с адъютантом принца Ольденбургского ротмистром Линком: «Хотя здание блокировано, но каждый, кого увидите с револьвером в руке, — ваш! Стреляйте без колебаний, это бомбист. Но его высочеству ничего не говорите, не надо его нервировать попусту».

Третьего января фон дер Лауниц был застрелен на лестнице медицинского института; ротмистр Линк всадил две пули в затылок бомбиста — концы в воду!

Вот так-то на чужое покушаться, господин свитский генерал! С нами шутить опасно, мы окусываться умеем, Владимир Федорович!

Понятно, о передаче самой секретной агентуры охранки новому градоначальнику никто не заикался более; Столыпин повелел на террор ответить террором. Акция была оправданной, эсеры не сдержали своего слова, отмщение будет безжалостным, око за око, зуб за зуб!

...Дзержинский быстро записывал происходящее в зале; за время работы в газете научился скорописи, чуть ли не стенографии; ни одну фразу, которая казалась ему существенной, не пропускал.

Герасимов обвел взглядом зал — ряд за рядом, лицо за лицом, не торопясь; отчет о реакции собравшихся (в случае, если она будет такой, как предполагалось) доложит Столыпину сегодня же.

По тому, как хорохористо поднимались со своих скамеек подсудимые, понял, что его задумка удалась; гордые дракой, веселые, окруженные толпой репортеров, бывшие члены Думы шли к выходу, как триумфаторы; вполне демократичный спектакль; Столыпин будет доволен; о нынешнем положении в стране речи не было, а именно этого и опасался Петр Аркадьевич; что ж, победа!

Задержавшись взглядом на Дзержинском (очень значительное лицо, черты кажутся знакомыми, явно нерусский, значит, поэтому и не сидел в закутке, а устроился здесь, среди слушателей, добрую полови-

ну которых составляла агентура охранки; «положительно, я видел его, только не могу взять в толк, фотографическое ли изображение или же встречались в свете», Герасимов медленно поднялся со скамьи. Чуть прихрамывая (конспирация, на хромого не подумают, что шеф охраны), двинулся следом за подсудимыми, которым загодя дали понять, что никому из них не грозит арест: джентльменский уговор можно и не скреплять актом подписания, народ у нас извилистый, все между строк читает, там же ищет надежду, ненависть, любовь и страх...

Кучеру сказал везти на конспиративную квартиру обедать; и сам отдохни, дружок, будь у меня через два часа, не раньше.

ПРОВОКАЦИЯ (1)

На второй день процесса, когда объявили очередной перерыв, Дзержинский вышел на Литейный и оставил мальчишку, который размахивал над головой пачкой газет, выкрикивая:

— Думские интеллигентики поднимают руку на святое! Русь не пощадит отступников! Читайте «Волгу» и «Россию»! Самая честная информация, истинно национальные голоса.

— Ну-ка, давай мне все истинно национальные голоса, — улыбнулся Дзержинский.

— А — вот оне! — Мальчишка с трудом разжал сиение, скрючившиеся на морозном ветру пальцы. — Берите, дяденька, у меня сил нету рукой шевелить...

Дзержинский достал из кармана своей легкой франтоватой пелерины перчатки, надел мальчишке на руки:

— И не кричи так, не надрывайся, голос сорвешь, ангину получишь...

Перешел проспект, толкнул тяжелую дверь чайной и устроился с газетами возле окна (после первой

ссылки норовил устраиваться так, чтобы обзор был надежней; тогда же понял, как важно пробиться поближе к свету в тюремной теплушке, особенно когда открывается кровохарканье; не мог забыть, как студент Ежи Гловацкий, боевик Пилсудского, как-то сказал: «Милый Юзеф, учитесь мудрости у собак: они ложатся именно там и так именно, как более всего угодно их организму; животные осознают себя с рождением; мы — только перед смертью»).

Пробежав «истинно национальные голоса», Дзержинский задержался на тех абзацах, которые можно использовать в развернутых корреспонденциях.

...Решив посетить биржу (почувствовал в себе игрок, хотя крупно ставить пока еще не решался), Герасимов загодя знал, что на вечернее заседание суда вполне можно и задержаться: идет задуманный им и прорепетированный заранее спектакль, пусть говорильня продолжится — подарок прессе после безжалостного военного суда над социал-демократами второй Думы, распущенной полгода назад, дали голубынке поработать только семь месяцев, пока Столыпин готовил новый выборный закон: от тысячи дворян — один выборщик; от ста двадцати пяти тысяч рабочих — тоже один; тут уж левый элемент не пролезет, дудки-с, пришла пора сформировать Думу, удобную правительству, а не наоборот. Ан не вышло! Герасимов точно, в самых мелких подробностях помнил свою операцию по разгону второй Думы, которая оказалась еще более левой, чем первая, за счет ленинцев, плехановцев и трудовиков; Столыпин даже горестно усмехнулся: «А может, воистину Александр Васильевич, от добра добра не ищут? Мы же во второй Думе получили настоящих якобинцев в лице социал-демократов, в первой Думе подобного не было».

Столыпин — всего за несколько месяцев пребывания у власти — научился византийскому искусству политической интриги: он теперь выражал мысль и желание не столько словом, сколько взглядом, аллегорическим замечанием, намеком. Конечно, это сказывалось на темпе-ритме работы, ибо приходилось не час и не день, а порою неделю раздумывать над тем, как прошла беседа с премьером, вспоминать все ее повороты и извивы, строить несколько схем на будущее и тщательно их анализировать, прежде чем принять более или менее определенное решение.

После трех дней, прошедших с того памятного разговора, когда Столыпин заметил, что вторая Дума оказалась еще хуже первой, Герасимов отправился к премьеру и за чаем, перед тем как откланяться, пробросил:

— Петр Аркадьевич, полагаю, если бы правительство потребовало от Думы выдать закону социал-демократическую фракцию, лишив этих депутатов неприкосновенности, нужный баланс правого и левого крыла обрел бы желаемую стабильность.

Столыпин отставил подстаканник (никогда не держал блюдца), покачал головой:

— Да разве они пойдут на это? Думе престижнее принять из моих рук рескрипт о новом роспуске, чтобы затем попрекать диктаторством, нежели выдать правосудию социал-демократических террористов...

Это был уж не намек, но план желаемой комбинации: никого не должно волновать, что социал-демократы были традиционными противниками террора; совершенно неважно, что доводы депутатов — будь то ленинцы или плехановцы — опровержениям не поддавались; отныне ход затаенных мыслей премьера сделался Герасимову совершенно понятным.

Утром пригласил в кабинет подполковника Кулакова:

— Вы как-то говорили о вашем сотруднике... «Казанская», кажется? Она по-прежнему освещает социал-демократов?

— Конечно.

— Фамилия ее...

— Шорникова, Екатерина Шорникова.

— Она с вами в Казани начала работать?

— Да.

— Смышлена?

— Весьма.

— Сейчас, — если мне не изменяет память, — она состоит секретарем военной организации социал-демократов?

— Да. И пропагандистом.

— Прекрасно. Сколько вы ей платите?

— Пятьдесят рублей ежемесячно.

— Не будете возражать, если я встречусь с ней?

— Хотите забрать себе? — усмехнувшись, спросил Кулаков. — Обидно, конечно, я ее три года пестовал...

— Помилуйте, подполковник, — удивился Герасимов, — неужели вы допускаете мысль, что я могу позволить себе некорпоративный поступок?! Шорникова была, есть и впредь будет вашим и только вашим сотрудником. Речь идет лишь о том, чтобы я ее сам помял, — сколь может оказаться полезной в том предприятии, которое нам предстоит осуществить...

— Извольте назначить время, Александр Васильевич... Я вызову ее на конспиративную квартиру.

...Оглядев Шорникову оценивающим взглядом — ничего привлекательного, лицо обычное, хоть фигура

вертлявенькая. — Герасимов пожал влажную ладонь женщины (двадцать четыре года всего, а выглядит на тридцать с гаком, что страх делает с человеком), поинтересовался:

— Что будете пить, Екатерина Николаевна? Чай, шоколад, кофе?

— Кофе, пожалуйста.

— Покрепче?

Шорникова пожалла плечами.

Герасимов приготовил кофе на спиртовке, подал тоненькую чашечку женщине, поставил перед нею вазу с пирожными, себе налил рюмку коньяку, поинтересовался:

— Алкоголь не употребляете?

— Когда невмочь, — ответила женщина, выпив кофе залпом.

— Не изволите ли коньячку?

— Нет, благодарю. У меня сегодня встреча в организации, там нельзя появляться, если от тебя пахнет...

— Да, да, это совершенно верно... Екатерина Николаевна, вы решили работать с нами после того, как вас арестовали в Казани?

— Именно так.

— К какой партии тогда принадлежали?

Шорникова несколько раздраженно спросила:

— Разве вы не почитали мой формуляр, прежде чем назначить встречу?

Не иначе как полковник Кулаков просвещал барышню подробностями нашего ремесла в постели, подумал Герасимов, откуда б иначе в ее лексиконе наше словечко? Хотя ныне революционер Бурцев и похлестче печатает в «Былом», а дамочка, судя по всему, не чужда книге.

— Конечно, читал, Екатерина Николаевна, как же иначе... Позвольте полюбопытствовать, откуда к вам пришло это типично жандармское словечко?

Шорникова как-то странно, словно марионетка, пожалла острыми плечами, отчего ее голова словно бы провалилась в туловище и, задумчиво глядя в переносье полковника недвижными глазами, заметила:

— Плохо, что вы, руководители имперской охраны, встречаете настоящих революционеров только в тюрьме, во время допросов. Там вы кажетесь себе победителями; послабее, вроде меня, ломаются в казематах, но ведь таких меньшинство... Вам бы самим парик надеть, очки какие, тужурку поплосше да походить бы на рефераты эсдеков или эсеров... Это ведь не сельские сходки, куда урядники сгоняют послушных мужиков, это турниры интеллектов... Там не то, что «формуляр» услышишь, там такие ваши понятия, как «освещение», «филерское наблюдение», «секретная агиттура», разбирают досконально не по книгам, как-никак собираются люди большого эксперимента... Вас как звать-то? — неожиданно спросила Шорникова. — Или секрет? Тогда хоть назовитесь псевдонимом, а то мне с вами говорить трудно

— Меня зовут Василием Андреевичем. Я коллега по работе вашего руководителя...

— Кулакова, что ль?

— Он вам представился такой фамилией?

Шорникова сухо усмехнулась:

— Нет. Он назвался Велембовским. Но в тех кругах, где я вращалась в Казани до ареста, о Кулакове было известно все... В работе со мною он соблюдал инструкцию, не сердитесь на него, он себя не расшифровывал...

— Екатерина Николаевна, скажите откровенно, — начал Герасимов, испытывая некоторое неудобство от мимолетной реакции молодой барышни, — он понудил вас к сотрудничеству? Или вы сами решили связать свою жизнь с делом охраны спокойствия подданных империи?

— Не знаю, — ответила Шорникова. — Сейчас каждый мой ответ будет в какой-то степени корыстным... Да, да, это так, я сама себя потеряла, господин Герасимов... То есть, Василий Андреевич, простите, пожалуйста...

— Изволили видеть мой фотографический портрет? — Нет. Но словесный портрет знаю... Как-никак я член военного комитета социал-демократов... Охранников, особенно таких, как вы, наиболее именитых, надобно знать в лицо...

— Не считите за труд рассказать, кто составил мой словесный портрет?

— Да разве мои коллеги по борьбе с самодержавием допустят такое, чтобы остались следы? — Шорникова вдруг странно, словно вспомнив что-то комическое, рассмеялась. — Наши конспираторы учены поплосше в ваших...

— А все-таки кто вам ближе по духу? Я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей искренности, вопрос носит чисто риторический характер, поверьте. Один мой сотрудник — мы близки с ним, дружим много лет — признался, что в среде прежних единомышленников ему дышится вольготнее, чище... Я поинтересовался, отчего так. И он ответил: «В ваших кругах порою слишком заметна алчность и корысть, инстинкт гонимых... И никакой идеи, лишь бы догнать и схватить за горло». Я возразил: «Но ведь венец нашей работы — это вербовка бывшего противника, заключение договора о сотрудничестве, дружество до гробовой

доски». А он мне: «Самое понятие «вербовка» таит в себе оттенок презрительности. У вас завербованных «подметками» зовут».

— Что касается меня, — Шорникова снова подняла острые плечи, — то я испугалась тюрьмы, Василий Андреевич... Тюрьма — очень страшное место, особенно для женщины... Я обыкновенный корыстный предатель... Корысть, обостренное ощущение неудобства, страх... Я надежнее вашего друга. Я гадина, Василий Андреевич, мне пути назад нет, а ваш друг был двойником, вы его бойтесь.

Ну и девка, подумал Герасимов, ну и чувствования, Кузякин-то и вправду был двойником, но меня это устраивало, я его как через лупу наблюдал, психологию двойного предателя тайной полиции надобно знать, без этого никак нельзя.

— Зря вы эдак-то о себе, — заметил Герасимов, вздохнув, и сразу же понял, что женщина ощутила неискренность его вздоха; не взбрыкнула б, стерва; агент тогда хорошо работает, когда в империи мир и благодать, а если все враскачку идет, вильнет хвостом — ищи ветра в поле! И так секретных сотрудников остались десятки, а раньше-то сотнями исчислялись, товар на выбор. — Я к вам с серьезным предложением, Екатерина Николаевна... Но если позволите, сначала задам вопрос: списками военной организации вы владеете в полной мере?

— Конечно.

— Недоверия к себе со стороны товарищей не ощущаете?

— Нет.

— Сердитесь на меня?

— Теперь — нет... А когда вознамерились прочитать проповедь о том, сколь благородна моя работа и как вы цените мой мужественный труд, я захолодела... Не надо эмоций, господин Герасимов. Я слишком эмоциональна, поэтому предпочитаю отношения вполне деловые: вы оплачиваете мой труд, я гарантирую качество. И — все. Уговорились?

— Конечно, Екатерина Николаевна. Раз и навсегда... Поэтому я совершенно откровенно открываю мой замысел, хотя делать этого — вы же все про нас знаете — не имею права... Мне хотелось бы организационно связать военную организацию партии с думской фракцией социал-демократов... Возможно такое?

— Думаю — да.

— Как это можно сделать?

— Очень просто. Я залущу эту идею матросикам и солдатам, что нужно связаться с социал-демократами и передать им наказ о солдатских требованиях к правительству. Вам ведь не моя организация нужна, а социал-демократы в Думе, так, видимо?

— Ну, это как пойдет, — с некоторым страхом ответил Герасимов, так точно в десятку била барышня.

Шорникова поморщилась:

— Будет вам, полковник... Начинаете серьезное дело и не верите тому, кто вам его поставит... Мы ведь, перевербованные, люди обидчивые, вроде женщин в критическом возрасте... Если уж начинаем дело — так доверие, причем полное, до конца... Я ведь знаю всех членов ЦК, часто встречаюсь с Карповым, Чхеидзе, Мартовым, Доманским, Троцким...

— Карпов — это...

— Да, да, именно так — Ленин.

— Где он, кстати, сейчас?

— Постоянно меняет квартиры, вы ж за ним охотитесь, газеты с его статьями конфискуете...

— Словом, место его нынешнего жительства вам неизвестно?

— Нет.

— А сможете узнать?

— По-моему, связав военную организацию с думской фракцией социал-демократов, вам будет легче нейтрализовать Ленина.

— Разумно, — согласился Герасимов.

— Все явки военной организации, все связи хранятся у меня дома, господин полковник...

— Видимо, для надежности охраны этого бесценного архива стоит завести какую-нибудь кухарку, няньку, что ли? Пусть постоянно кто-то будет у вас дома...

— Хотите подвести ко мне своего агента? — понимающе уточнила Шорникова. — Вы ж меня этим провалите: хороша себе революционерка, кухарку завела...

— Мы имеем возможность контролировать вашу искренность по-иному, Екатерина Николаевна... Более того, мы это делаем постоянно... И я не обижусь, ежели вы — своими возможностями — станете проверять мою честность по отношению к вам... Ничего не попишешь, правила игры...

— Я не играю, — отрезала Шорникова. — Я служу. А коли употребили слово «играю», то добавьте — «со смертью». Каждый час. Любую минуту.

— Екатерина Николаевна, я счастлив знакомству с вами, право... Беседовать с вами сложно, но лучше с умным потерять, чем с дурнем найти... Вы правы, я сказал несурзанность, ни о какой кухарке не может быть и речи... Просто я неумело и топорно намекнул на возможность прибавки дополнительных денег к вашему окладу содержания... Вы пятьдесят рублей в месяц изволите получать?

Шорникова снова засмеялась, будто вспомнила что-то забавное:

— Надобно иначе сказать, Василий Андреевич... Надобно сказать: «Мы платим вам пятьдесят рублей в месяц...» Не я изволю получать, как вы заметили, а вы мне отстегиваете... Мне не надо дополнительной платы, я удовлетворена тем, что имею.

— Во всяком случае, в любой момент я оплачу все ваши расходы. И мне, кстати говоря, будет очень приятно сделать это... Превыше всего ценю в людях ум и особую изюминку... Кстати, Доманский — это кто?

— Это псевдоним. Настоящая фамилия этого члена ЦК Дзержинский.

— Не тот ли, что дружен с Лениным и Люксембург?

— Именно.

— Где он сейчас?

— Здесь. Координирует работу поляков и литовцев с русскими.

— Адрес его явок вам известен?

— Он умеет конспирировать, как Ленин.

— Поищем сами... Когда вы сможете внести предложения по поводу думской фракции социал-демократов и их связей с военной организацией партии?

— Связей нет, Александр Васильевич. — Шорникова вздохнула. — Или продолжать Василием Андреевичем вас величать? Нет связей. Зачем вы так? Мы же уговорились говорить правду... Связей военных с думской фракцией надо создать...

Вскоре Герасимов получил информацию, что двадцать девятого апреля девятьсот седьмого года в общезначимом политтехническом институте, в присутствии члена Государственной думы, социал-демократа Геруса состоялось собрание солдат, на котором по предложению «пропагандиста» Шорникова было решено послать в Государственную думу — от имени военной организации — наказ социал-демократической фракции, в котором будут изложены пожелания армии.

Сразу же по прочтении этого сообщения Герасимов отправился к Столыпину.

— Я бы хотел прочитать текст этого наказа, — сказал премьер. — Скажите на милость, к армии подбираются, а? Ну и ну! Такого я себе представить не мог! Это же прямой вызов трону, не находите?

Эк играет, подумал тогда Герасимов, будто бы и не он подтолкнул меня к этой комбинации?! Или у них, у лидеров, отшибает память? Петр Аркадьевич прекраснейшим образом помнит наш разговор и результатов моей работы ждал затаенно, наконец дождался; все он помнит, но играет свою партию, играет тонко; впрочем, жить ему не просто, кругом акулы, так и норовят схарчить; у нас ведь только тем и занимаются, что друг друга подкалывают. Страх, что за империя у нас! Проклятие над нею довлеет, истинный крест.

Назавтра, встретившись с «Казанской», Герасимов получил текст наказа, в котором были и его фразы, — работали вместе, вдохновенно: написанное под диктовку тайной полиции можно вполне трактовать как призыв к неповиновению властям.

Столыпин, прочитав наказ, отодвинул его от себя. — Такого рода бумаги не имеют права обьявляться в Думе, Александр Васильевич. Меня не волнует возможность конфликта с кем бы то ни было. Пусть думские солдаты заливаются, кляня меня супостатом, но идея самодержавия мне дороже всего, им я призван к службе, ему я готов и жизнь отдать... Как полагаете поступить?

— Мне бы хотелось послушать вашего совета, Петр Аркадьевич, — ответил Герасимов, прекрасно понимая, что в аккуратных словах Столыпина содержалась ясная программа: необходим арест социал-демократов и военных, конфликт с Думой и, как следствие, ее разгон. Новый выборный закон был уже в столе премьеря, оставалось только получить повод, чтобы его распубликовать. Арест думской фракции без приказа, думал Герасимов, я проводить не стану; проведешь, а назавтра выгонят взащей, скажут, самовольничал, поступил без санкции сверху; у нас стрелочниками расплачиваться умеют, вверх идут по ступеням, сложным из имен тех, с кем начинали восхождение.

— Мой совет таков: поступать строго по закону, полковник, — сухо ответил Столыпин. — Самоуправства мы никому не позволим, но если получите неопровержимые данные, что делегация намерена явиться к социал-демократическим депутатам, — заарестуйте... При этом, однако, помните, что улики должны быть налицо, как-никак неприкосновенность и так далее. Иначе я отрекусь от вас. Не обессудьте за прямоту, но уж лучше все с самого начала обговорить добром, чем таить неприязнь друг к другу...

— Текст наказа, подготовленного моим агентом, — Герасимов кивнул на две странички, лежавшие перед Столыпиным, — можно считать уликовым материалом?

— Если этот наказ будет обнаружен у социал-демократов Думы, — вполне.

— Хорошо, — Герасимов поднялся, — я предприму необходимые шаги немедленно.

В охране Герасимов подписал ордер на обыск в помещении социал-демократической фракции, которая арендовала здание на Невском, в доме девяносто два, на втором этаже; наряды филерсов дежурили круглосуточно; в тот момент, когда солдаты появлялись со своим наказом, нагрянет обыск; дело сделано, конец второй Думе.

Продолжение следует.

Читайте в ближайших номерах:

Пост № 1. Часовые Мавзолея.

Революция продолжается.

Навечно в строю. Маршал Тухачевский.

Афганцы из Вологды. Фотоочерк.

«Каисса» — кафе по-студенчески.

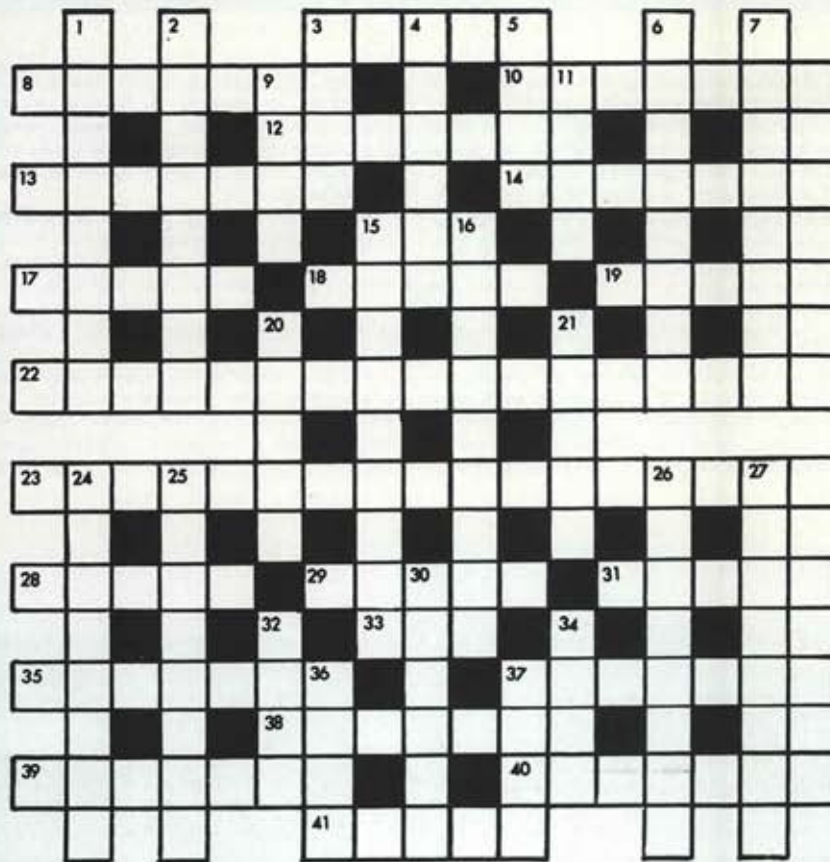
Социолог читает почту «Смены».

Продолжение романа Юлиана Семенова.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил Д. Гульсельников, Раменское Московской области

По горизонтали:

3. Двухколесное транспортное средство. 8. Учитель. 10. Имя поэта Баратынского. 12. Своя рука ... (русская поговорка). 13. Зерновая культура, возделываемая с каменного века. 14. Самоцвет, способный, по древним поверьям, хранить от дурного глаза. 15. Народ, живущий в Судане. 17. Шутливая эстрадная пьеса. 18. Металл, воспламеняющийся при 160—180 градусах. 19. Наука, основанная, как полагают, древнеегипетскими жрецами. 22. Физическое явление, открытое с помощью ртути голландским физиком Х. Камерлинг-Оннесом. 23. Метод лечебного прижигания тканей организма.

28. Деревянный блок для натягивания снастей парусника. 29. Азиатская страна, в одном из районов которой в 1861 году выпало рекордное количество осадков — 27 метров в год. 31. Жилище древнегреческого философа Диогена Синопского. 33. Французский физик, в годы войны работавший в Англии и США. 35. Самая крупная из полевок. 37. Плодовое дерево, упоминаемое в повести М. Лермонтова «Княжна Мери». 38. Музыкант. 39. Дверная задвижка. 40. Декоративный нарцисс с мелкими душистыми цветками. 41. Злая волшебница в опере М. Глинки «Руслан и Людмила».

По вертикали:

1. Петровский государственный и военный деятель, храбрый до безрассудства: в Полтавской битве под ним было убито три лошади. 2. Двенадцать стульев в романе И. Ильфа и Е. Петрова как единое целое. 3. Сухой туман, частый летом на побережье Крыма. 4. Декоративный резной карниз вдоль свесов крыши, наличников. 5. Резонансная часть музыкального инструмента. 6. «Я сделал сегодня что-то ужасное, — сказал молодой швейцарский ученый В. Паули другу астроному В. Бааде. — Физику-теоретику не следует делать такого. Я предсказал нечто, что никогда нельзя будет проверить экспериментально» (частича). 7. Органическое соединение, иначе называемое меркаптаном. 9. Животное, которое, как опасался Томас Мор, может «съесть» человека. 11. Река в Танзании. 15. Подмосковное село, художественный промысел в котором в XIX

веке называли «лукутинскими лаками». 16. Увлечение юного Луи Пастера. 20. Выступ на петушиной ноге. 21. Азия, полукафтанье, сермяга, шабур (общее название). 24. Баснописец, многие произведения которого мастерски пересказаны на русский лад И. Крыловым. 25. Лицеист, положивший на музыку стихи А. Пушкина «К Маше» (сестре Дельвига), которые пели во многих домах Царского Села. 26. Передвижник, картина которого «Всюду жизнь» нравилась В. И. Ленину. 27. Сплав, один из главных материалов ракетной техники. 30. Шерстяная или шелковая трикотажная материя. 32. «Создатель» человека. 34. Одно из русских названий лубочной коробки, лукошка. 36. Французский композитор, написавший свою первую оперу на сюжет из жизни Петра Первого. 37. Река на полуострове Канин.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 19

По горизонтали:

1. Фуко. 6. Жако. 9. Говорун. 10. Пенюх. 12. Синица. 14. Колокольчик. 15. Штоф. 17. Унна. 18. Монитор. 20. Мариэтт. 22. Логан. 24. Уильямс. 26. Вклейка. 27. Баланитес. 28. Бойль.

29. Джуен. 30. Толстовка. 32. Штурман. 33. Инженер. 34. Фрукт. 37. Асканию. 38. Аурелия. 41. Рант. 43. Еник. 44. Диамагнетик. 46. Берлин. 47. Табаун. 48. Снайпер. 49. Йезд. 50. Щель.

По вертикали:

1. Фантом. 2. Крюк. 3. Мотобол. 4. Зотов. 5. Пульман. 7. Амик. 8. Ориент. 10. Пешт. 11. Хориямб. 12. Сирикс. 13. Агат. 16. Фольклорист. 17. Утверждение. 19. «Романсеро». 20. Малиновка.

21. Лихость. 23. Экзегет. 25. Салон. 26. Вески. 30. Татарин. 31. Андезит. 34. Фижмена. 35. Туземец. 36. Гриб. 37. Андрий. 39. Янтарь. 40. Юкон. 42. Огайо. 44. Дизель. 45. Каре.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1450)

октябрь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

- Валерий ВИНОКУРОВ
- Борис ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь)
- Владимир ДЕСЯТЕРИК
- Михаил КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Игорь СЕРКОВ (заместитель главного редактора)
- Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник Виталий ФЕДОРОВ

Художник Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки, 250-29-39 — коммунистического воспитания, 251-32-84 — фотоочерка, 212-21-38 — военно-спортивный, 212-13-19 — международной жизни, 251-04-10 — литературы и искусства, 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена», 1987 г.

Сдано в набор 04.09.87. Подписано к печати 17.09.87. А 04777. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 1 300 000 экз. Изд. № 2687. Заказ № 1239. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Молодежная мода ищет новые образы и формы. Ставшие для нее традиционными спортивные черты постепенно смягчаются, приобретая большую сдержанность и элегантность. Художники все чаще используют натуральные ткани — шерсть, хлопок, лен. Это можно объяснить широким распространением классического стиля. Уже прошлой осенью на улицах наших городов появились удлиненные пальто и жакеты, которые носили с длинными прямыми юбками.

Возрастает интерес к подчеркнуто женственной одежде, в которой ощущаются черты моды «ретро», то есть сороковых и пятидесятых и даже мотивы шестидесятых годов.

Изменяется и отношение к длине: наряду с очень длинными (почти до щиколотки) наиболее модными стали платья, юбки длиной до колена или еще короче — мини, на пять сантиметров выше коленей.

В модных вещах сохраняется расширенное, мягко скругленное плечо, но уменьшается объем в груди, талии и бедрах. В гардеробе молодых вновь появляются пальто приталенного силуэта разной длины, расширенные книзу. У девушек попу-

лярны прямой и трапециевидный силуэты, особенно в группе полу-пальто и жакетов, которые носят с юбками (чаще прямыми) и брюками разной длины. Платья приталенные, женственные.

Не надо думать, что молодежная мода полностью отказалась от удобной и универсальной одежды спортивного характера. Без курток, блузонов, свободных блуз, свитеров, удлиненных жилетов-блуз ее трудно представить.

Мода предлагает разнообразные стилистические решения, разные варианты подбора ансамбля. Вполне допустимы сочетания отличающихся по стилю предметов, например,

пальто спортивного характера носят с элегантным костюмом.

Из головных уборов можно выделить береты — маленькие и пышные, большие, на высоких околышах. Они могут украшаться пряжками, маленькими бантами, декоративными пуговицами.

Среди украшений особенно модны банты разной величины для платьев, жакетов, блуз и причесок. Рекомендуются также искусственные цветы, воланы, драпировки, отделка кружевом, вышивкой, аппликацией.

Модели для осени, разработанные художниками Дома молодежной моды в Сокольниках.

Вероника КАМАЛЯН,
искусствовед.
Фото Сергея ВЕТРОВА

ВРЕМЯ ЛИСТОПАДА